

Алена Скрипкина Михаил Попов АБСОЛЮТНО НЕ АНГЛИЙСКОЕ УБИЙСТВО

Алена Скрипкина

ЧЕРНАЯ СВЕЧА

The infold
The dress
The waist
The sleeve
The collar
The hem
The pocket
The button
The thread
The needle
The scissors
The tape
The pin
The iron
The熨斗
The soap
The water
The towel
The soap
The water
The towel
The soap
The water
The towel

Михаил Попов Абсолютно НЕ АНГЛИЙСКОЕ УБИЙСТВО

18+

Читайте в этом выпуске

Алена Скрипкина ЧЕРНАЯ СВЕЧА

Мечты Марьяны не оригинальны: покорить Москву, жить «красивой жизнью». Но жизнь преподносит ей жестокие уроки, после которых самое логичное и безопасное - сдаться. Сможет ли она пройти эти испытания? Ей и самой порой кажется, что нет. Но что-то держит ее...

Михаил Попов АБСОЛЮТНО НЕ АНГЛИЙСКОЕ УБИЙСТВО

Версия нашего автора об истинной сути дедуктивного метода Шерлока Холмса и взаимоотношениях великого сыщика с доктором Ватсоном. Конечно, на фоне загадочной истории преступления, случившегося в одной очень не простой английской семье.

ISSN 1997-4108

9 771997 410776

14009>

Подписные индексы:

«ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ»
Агентство «РОСПЕЧАТЬ»

- 70814 – **ПОДВИГ**
(на 2 полугодие)
81161 – **КЕНТАВР**
(на 2 полугодие)
71174 – **ДЕТЕКТИВЫ СМ**
(на 2 полугодие)
47703 – **ПОДВИГ + ДЕТЕКТИВЫ СМ**
(на 2 полугодие)
81162 – **ПОДВИГ + ДЕТЕКТИВЫ СМ +**
КЕНТАВР

«ПОЧТА РОССИИ»

Каталог российской прессы

- 10960 – **КЕНТАВР**
10961 – **ПОДВИГ**
10962 – **ДЕТЕКТИВЫ СМ**
44927 – **ПОДВИГ + ДЕТЕКТИВЫ СМ +**
КЕНТАВР
99653 – **ПОДВИГ + ДЕТЕКТИВЫ СМ**

«ПРЕССА РОССИИ»

Объединенный каталог

- 45443 – **ПОДВИГ + ДЕТЕКТИВЫ СМ**
44784 – **ПОДВИГ + ДЕТЕКТИВЫ СМ +**
КЕНТАВР

Алена Скрипкина

ЧЕРНАЯ СВЕЧА

Агафью будто молния ударила. Руки начали гореть, как после сильного ожога. Ей нестерпимо захотелось окунуть их в холодную воду. Она оторвалась от собеседницы и отлетела к противоположной стене. После секундного замешательства бросилась к своей учительнице. Ей безумно хотелось знать, что ее ждет.

Михаил Попов

АБСОЛЮТНО НЕ АНГЛИЙСКОЕ УБИЙСТВО

— Он умер от укуса змеи. В театре вы встретили человека, который сильно похож на того Ройлата. Такое случается. Не исключено, что у каждого из нас где-нибудь на планете имеется двойник. — Ватсон убежденно покачал головой.

DE
TEK
TURB

Издательская компания

Пит

Москва

№9, 2014

Алена Скрипкина

ЧЕРНАЯ СВЕЧА

Стр. 4

Михаил Попов

АБСОЛЮТНО НЕ АНГЛИЙСКОЕ УБИЙСТВО

Стр. 212

Об авторах

Стр. 282

Издательская компания

ПРИТ

АЛЕНА СКРИПКИНА

ЧЕРНАЯ СВЕЧА

РОМАН

*Что может быть увлекательнее, чем видеть,
как в тебя целятся и не попадают.*

Уинстон Черчилль

ГЛАВА 1

Старуха держала в опухших, скрюченных артрите пальцах фотографию. В комнате царил полумрак, но даже если бы вдруг стало светло, как днем на южном пляже, ей бы это не помогло. В последнее время она почти ослепла. Глаза, как и многие в ее нескончаемой жизни, тоже предали ее.

Старуха прищурилась, пытаясь всмотреться в фотографию, но перед глазами стояло только многоцветное пятно, и никаких деталей. Вздохнув, она сжала снимок между ладонями и прикрыла глаза. Тотчас в голове возникло изображение девушки. Она была стройная, красивая, с длинными светло-пепельными волосами и яркими голубыми глазами. Просто куклолка. Мужчины таких любят. А она... Она ненавидела их жгучей ненавистью. Старухе казалось, что она всегда относилась так к красивым женщинам. Но она обманывала себя.

На самом деле это случилось уже во взрослой жизни, хотя и очень много лет назад. Когда? Сейчас она и сама не смогла бы сразу ответить на этот вопрос. Тогда ей было лет девятнадцать-двадцать. И все шло хорошо. И никто ее еще не предавал. Она жила в глухой сибирской деревне, где их только слегка коснулись коллективизация, раскулачивание

и все другие, идущие следом неприятности. Да и жених, Гришка, был у нее на зависть соседским молодкам. Все шло к свадьбе и дошло бы, не появившись в деревне эта красотка – блондинка с яркими голубыми глазами. Дьявол, прикрывшийся личиной новой учительницы, решила она про себя. Буквально через месяц невеста на выданье, которой завидовали все вокруг, превратилась во всеобщее посмеище. Жених бросил ее, полностью переключившись на учительницу. Как же она ненавидела эту ангелоподобную девуцу! Сколько слез выплакала. Об этом знала только подушка, в которую она глухо рыдала по ночам.

Постепенно все ее существо стала заполнять ненависть, глухая, темная, жгучая. Она разрасталась, как метастазы, и вскоре не осталось в ее душе ни одного самого глухого закоулка, где бы она не пустила свои ядовитые корни. Ненависть вызвала к жизни жажду мести, которая не только мешала дышать, но, кажется, даже стала сочиться через поры кожи и растекаться по комнате, предпочитая собираться в наиболее темных углах. От жажды мести горело все внутри. Этот огонь, возникнув однажды, больше ни на минуту не прекращал своего разрушительного действия.

Однажды, случайно взглянув в зеркало, она в ужасе отшатнулась. Лицо, сохранив свою привлекательность, вместе с тем приобрело какое-то неуловимое выражение хищной агрессии. Глаза стали глубже и выразительнее, в них загорелся обжигающий фанатичный огонь. Такое лицо уже не могло вызывать не только любви, но даже простого человеческого расположения. Оно скорее отталкивало и настораживало.

Как-то днем на улице она столкнулась с местной колдуньей. Конечно, называли ее так для красного словца, но в деревне откровенно побаивались. Несостоявшаяся невеста хотела уже, от греха подальше, перейти на другую сторону улицы, как колдунья, не поднимая головы, пробормотала сквозь зубы скороговоркой:

– Хочешь избавиться от соперницы – поставь ей свечку за упокой.

И, не оглядываясь, быстро пошла дальше.

Старуха открыла глаза и посмотрела в темный угол. Там зашевелилась тень. На самом деле это была, конечно, не тень, а посетительница, которая пришла за помощью и принесла фотографию, вызвавшую столько воспоминаний. Старуха не представляла, как она выглядит. Да это и неважно. Главное, что посетительница находится сейчас почти в такой же ситуации, как и она сама тогда, давным-давно.

У самой старухи внутри уже все перегорело, и она оценивала события с позиции своих долгих прожитых лет, причем исключительно философски. Только иногда, если очередная посетительница очень уж сильно бередила старую рану, в ней начинал появляться прежний огонь, но обычно он так и не разрастался. Что может разгореться на перегоревшем пепелище давно угасшего костра?

– Я помогу тебе. Приходи через неделю, в полнолуние. Принеси какую-нибудь ее вещь, ну и, – старуха ухмыльнулась беззубым ртом, обнажив десны, – само собой, деньги.

– Сколько? – послышался из угла вопрос, заданный почти шепотом.

– Сколько не жалко, – стандартно ответила бабка, беззвучно пожевав впалыми губами.

– Триста долларов хватит? – казалось, спрашивающая сама испугалась суммы, вырвавшейся у нее прямо-таки против воли.

– Вполне, – неприятно ослабилась старуха. Сочувствие – вещь хорошая, но надо на что-то и жить. А жить она привыкла неплохо.

Послышались удаляющиеся шаги, хлопнула входная дверь. Старуха откинулась на спинку кресла и снова прикрыла глаза. Давно уже воспоминания так не тревожили ее. Отчего вдруг им захотелось выплеснуться и еще помучить ее?

Теперь старуха увидела себя уже в городе. Она не пошла в сельскую церковь. Ее там все знали, это было опасно. Город большой, и шансов встретить знакомых практически не было. Причина для поездки тоже нашлась – она хочет поступить учиться. Надо съездить и все разузнать. Но начала она не с учебных заведений, а с поисков церкви. Когда нашла, долго стояла перед входом, не решаясь войти. Что-то из последних

сил удерживало ее, мешало пошевелиться. Так, переминаясь с ноги на ногу и уговаривая себя, она протопталась около храма довольно долго. Вдруг в самом начале улицы, она увидела несколько фигур в кожанках. Хотя ее здесь и не знали, все же не стоило маячить перед таким сомнительным заведением на глазах чекистов. С отчаяния она нырнула в дверь.

Окончательный и бесповоротный шаг был сделан. Чекисты стали всего лишь последним толчком, а решение она приняла сама. Лично. И гораздо раньше, чем приехала в город. Это непростое решение она вынашивала долго и мучительно. Оно росло внутри нее, постоянно подкармливаемое ненавистью и острым желанием отомстить. Такое решение было абсолютным порождением зла. Поэтому она отчетливо понимала – сделав этот шаг однажды, она полностью лишает себя возможности отступить или вернуться назад. Никогда. Подобные вещи человек решает для себя один раз. И навсегда.

В церкви было сумрачно, прохладно и пусто. Пошарив глазами, она нашла в углу небольшой ящичек со свечами. Вдохнув поглубже, твердыми шагами, подошла туда и, положив рядом с ящиком монетку, взяла свечу, крепко прижав к себе. Буквально с трудом отрывая ноги от пола – сейчас уже ни о каком твердом шаге не могло быть и речи – потащилась влево. Казалось, даже воздух церкви, наполненный запахом ладана, кричит ей прямо в уши – остановись, не делай этого! Она поспешно отогнала от себя наваждение и подошла к плоскому столу под распятием...

Старуха вздрогнула и открыла глаза. Сердце билось часто и неровно. В груди и под лопаткой возникла тянущая боль. Она не глядя протянула правую руку к столу, нащупала колокольчик и позвонила. Ее компаньонка была туга на ухо и криков могла не услышать, а вот звон колокольчика слышала хорошо. Торопливые шаркающие шаги нарушили окружающую тишину.

– Агафья, ну что у тебя опять случилось? – несмотря на одышку, голос компаньонки звучал довольно бодро, с легким налетом досады.

– Да вот что-то сердце прихватило, Дусь, принеси с кухни таблетки-то, – попросила старуха.

Вздыхая по пути, Евдокия засеменила в указанном направлении, а Агафья тяжелым взглядом смотрела ей вслед. Компаньонка была моложе ее лет на двадцать. Тяжело осознавать, что и проживет она дольше. Как бы хотелось ей поменяться с Евдокией возрастом и здоровьем, но, увы, даже собрав все свои знания, она не сможет этого сделать. Агафья подозревала, что компаньонка просто спит и видит ее в гробу. Наверное, мечтает об этом целыми днями. Да она и сама последнее время остро чувствовала приближение смерти.

Иногда, сидя в кресле, Агафья явственно ощущала за спиной чье-то недоброе присутствие. Она резко оглядывалась в полной уверенности, что сейчас ее взгляд наткнется на нечто потустороннее, символизирующее смерть. Но в комнате было пусто, только в самом темном углу под окном покачивались темные, мрачные тени... Ее тяжелые, грустные мысли были прерваны возвращением Евдокии. Таблетки скоро сделали свое дело. Сердце отпустило. Агафья переползла на постель, решив немного вздремнуть. Но, стоило ей закрыть глаза, как воспоминания нахлынули с новой силой...

...Она быстро зажгла от лампы свечу, резко воткнула в гнездо и опрометью бросилась к выходу, будто за ней гнались все черти из преисподней. Завернув за угол, Агафья с разбегу налетела на пожилую женщину, одетую во все черное. Она только хотела пробормотать какое-нибудь извинение, как та заговорила первая:

– Ступай пока, сейчас тебе надо торопиться. Когда ты вернешься, мы поговорим.

– Но... – Агафья собралась уже поспорить на тему их грядущей встречи, но язык одеревенел и прирос к нёбу. Так ничего и не ответив женщине, она пошла искать место будущей учебы.

Ее возвращение в деревню странным образом совпало с внезапным появлением тифа, который выкашивал людей целыми семьями. О ее несчастливой любви никто уже и

не вспоминал. Это радовало Агафью. Но ее семье тоже не повезло, и вскоре она осталась одна, а ее тиф даже не коснулся. Сделанный вывод был однозначен – родители ее предали. Они должны были пожить еще, ведь ей теперь будет очень тяжело.

Каким бы старым ни был человек, пока жив кто-нибудь из родителей, у него есть, пусть совсем маленькая, но все-таки возможность хоть иногда почувствовать себя ребенком. Когда уходят родители, человек теряет свой шанс вернуться в детство. Навсегда. Они обязаны были понять это и не оставлять ее. Это стало первым, но далеко не последним предательством в безграничной цепи жизненных обстоятельств. Вслед за ее родителями вскоре отправилась в мир иной и красавица-дьяволица. Сей факт сразу примирил Агафью с потерей родных. Если за возвращение жениха надо заплатить такую цену, значит, так тому и быть.

Не успела Агафья задуматься над открывшимися перед ней возможностями, как появился в дупель пьяный Гришка с кнутом и стал орать, что все это ее, Агафьиных, рук дело, и надо бы утопить ее в деревенском пруду за околицей. Посмотрев в ословелые Гришкины глаза, Агафья поняла, что никакой любви к ней у него уже не осталось, а есть только пьяная злоба и ненависть. Вначале сердце ее сжалось от безнадёжного отчаяния, но уже через минуту все встало на свои места. Агафья поняла, что, в сущности, тоже никогда не любила его, и все произошло так, как и должно было произойти. Она спокойно выдержала свинцовый Гришкин взгляд. Странно, но в таком, почти бессознательном состоянии он исхитрился понять это. Плюнул с ненавистью ей под ноги, бросил кнут и ушел, громко хлопнув дверью, надо думать – навсегда.

Агафья закрыла дверь на засов, подняла с пола кнут и села перед печкой, задумчиво глядя на пляшущие языки пламени. Ей казалось, что она заснула с открытыми глазами. Во всяком случае, когда постучали в дверь, она не смогла бы сказать, сколько времени просидела в полном забытии, напроочь отключившись от окружающего мира. Стук становился все настойчивее и громче. Агафья неспешно поднялась, по-

чувствовал, как что-то соскользнуло с колен, и распахнула дверь. Она даже толком не рассмотрела, кто из односельчан принес ей страшную весть, только слова огнем пропечатались в мозгу: «Твой Гришка только что повесился».

Агафья вскрикнула, захлопнула дверь и беззвучно сползла на пол. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь видел ее слезы. Еще совсем недавно она убедила себя, что совершенно не любит его, но запрятанная где-то в подполе совсем маленькая частичка ее души думала иначе и очень страдала. Не разбирая ничего сквозь пелену слез, она добрела до лавки и медленно опустилась на нее. Нога на что-то наткнулась. Агафья опустила руку и нащупала упавший с ее колен кнут. Сморгнув слезы, заметила, что кнут завязан скользящим узлом, как для повешения. Агафья в ужасе, будто увидав змею, отбросила его на пол. Она не помнила, когда так завязала его. Все произошло само, вне ее сознания.

Это было уже не первой странностью в жизни Агафьи. Если бы она дала себе труд хорошенько задуматься над последними событиями, то, возможно, сумела бы выстроить их в последовательную цепочку взаимосвязанных фактов. Но она подсознательно не хотела делать этого, потому что безумно боялась сделать тот один-единственный вывод, который так и напрашивался. И как ни стремилась Агафья повернуться спиной к фактам, они упрямо, как тени из углов, все лезли и лезли на глаза.

Боясь прикоснуться к кнуту, Агафья кочергой попыталась запихать его в печку. Вначале это не удавалось, но проявив упорство, она вскоре смогла увидеть, как огонь охватил страшный узел. Агафья закрыла заслонку. Теперь ей больше нечего здесь делать. Взяв с собой несколько самых необходимых вещей, она вышла из дома, оставив дверь открытой.

Перевернулась еще одна страница жизни. Она шагнула в неизвестное будущее. Пускай, кто захочет, пользуется ее домом, посудой, вещами и той немудреной мебелью, которая обычно имеется в русских избах. Агафье очень хотелось бы оставить здесь и нечто другое, то, что тяжелым, холодным камнем давно и вольготно устроилось на ее груди. Но она знала твердо: сделать это не сможет уже никогда и ни при

каких обстоятельствах. Еще Агафья знала, что больше сюда никогда не вернется. А впереди маячила таинственная и загадочная жизнь, полная непознанных возможностей.

Позже, много позже, Агафье удалось загнать все неприятные подробности прошлого в такие дальние закоулки памяти, что сейчас, когда визит недавней посетительницы всколыхнул и напомнил прошлую жизнь, она даже удивилась, что все это случилось с ней. Старуха уже перестала отталкивать накатывающие на нее волны воспоминаний. Она просто смотрела их, как старый полузабытый фильм, с удивлением ловя себя на мысли, что порой его сюжет был до боли интересен.

Вновь оказавшись в городе, Агафья жила как все – работала, училась, почти не вспоминая о недавнем несчастье. Но подсознательно она старалась обходить ту церковь, где поставила еще живой тогда сопернице свечу за упокой. Очень редко на Агафью накатывали неприятные мысли, что все случившееся в родной деревне все-таки ее рук дело. Тогда ноги сами несли к церкви, но по пути она неизменно спохватывалась. Нечего ей там делать. Религия – опиум для народа. Так их учили, так она заставляла себя верить в неверие.

Но, видимо, всему свое время. Настал день, когда Агафья, как бы случайно, оказалась на том самом месте, где когда-то стояла церковь, только ее там уже не было – снесли. Внутренне она вздохнула с облегчением, но тут же вздрогнула от легкого прикосновения к плечу. Оглянувшись, Агафья увидела ту самую женщину в черном, которая встретилась на выходе из церкви. Странно, что Агафья сразу же узнала ее, хотя видела давно и мельком.

– Долго же ты ко мне шла, Агафья, – улыбнулась женщина.

Агафья молчала. Хотя и удивилась, что совершенно незнакомый человек знает ее имя.

– Пошли ко мне. У меня есть предложение, от которого ты не откажешься, – женщина снова легко прикоснулась к плечу Агафьи. И та послушно поплелась за ней, как будто ее вела неведомая сила.

Квартира незнакомки оказалась мрачной и сырой полуподвальной комнатенкой. Женщина усадила гостью на старый скрипучий стул и быстро заговорила, словно боясь, что Агафья придет в себя и немедленно убежит.

– Я могу научить тебя подчинять других людей своей воле. Они будут делать все, что ты захочешь. У тебя есть для этого все. Ты сможешь. Однажды у тебя уже получилось. Она дала тебе плохой совет насчет свечи. Этот поступок еще аукнется тебе в жизни. Но тут уже ничего не поделаешь, что сделано, то сделано. А я научу тебя делать все правильно, ты будешь иметь большие силы и возможности. Очень большие... – И добавила: – Можешь называть меня просто – учительница.

Агафья вздрогнула и посмотрела на женщину так, будто увидела ее впервые. Внезапно она почувствовала – себе-седница чего-то не договаривает. За заманчивым, на первый взгляд, предложением всегда кроется какой-то подвох. Но Агафья не стала углубляться в дебри своих ощущений. Ее влекла власть над людьми, хотелось чувствовать себя всемогущей, ощущая чужую зависимость. Она согласилась. Время учебы не оставило в душе Агафьи каких-то особых отметин. Учеба она и есть учеба.

Как-то вечером она привычно толкнула дверь комнатки. Хотя на улице было уже темно и давно пора зажечь свет, этого почему-то не произошло, а пространство заполнял осязаемо липкий мрак. Нехорошее предчувствие шевельнулось в душе Агафьи. Неужели ее опять предали, и она не получит всех нужных знаний, чтобы вертеть людьми по своей воле?

– Не бойся, я тебя не предаю, – прошелестел тихий голос откуда-то из темного угла.

Глаза Агафьи уже успели привыкнуть к сумраку комнаты, и она увидела, что та, которая методично передавала ей тайные знания все последнее время, лежит на кровати. Агафья подошла ближе, не зная, что делать.

– Дай мне руку, – едва слышно продолжала женщина. Агафья повиновалась. Горячая рука цепко схватила ее, а голос снова зашептал. – Я обманула тебя. Но совсем чуть-чуть. Сейчас, в то время, пока я держу твою руку, к тебе переходит все остальное, чему уже нельзя научить. Это можно только

передать. Теперь, наконец, я могу спокойно умереть. А ты будешь пользоваться всем, что получила. Но имей в виду, есть одна большая беда, если ты перед своей смертью не успеешь передать кому-то то, чем обладаешь сейчас... – голос женщины прервался, – тогда... – она снова замолчала, а потом неожиданно расхохоталась зловещим смехом.

– Что тогда? – едва смогла вымолвить Агафья.

– Тогда и узнаешь! – продолжала хохотать женщина, цепко держа ее за руки, и вдруг замолчала.

Агафью будто молния ударила. Руки начали гореть, как после сильного ожога. Ей нестерпимо захотелось окунуть их в холодную воду. Она оторвалась от собеседницы и отлетела к противоположной стене. После секундного замешательства бросилась к своей учительнице. Ей безумно хотелось знать, что ее ждет. Но спрашивать теперь уже не у кого. Женщина была мертва.

Ужас охватил Агафью. Она не узнала и теперь уже никогда не узнает самого главного. Остается только надеяться, что в конце жизни удастся найти такую же способную ученицу, какой оказалась она сама, чтобы передать все знания, которые по крупицам накапливались тысячелетиями и скрытно передавались из поколения в поколение тщательно подобранным людям, которые могли не только поглотить и освоить тайные знания, но и расширить их для передачи следующему носителю.

Конечно, церковь была категорически против всего этого. Обладательниц запрещенных знаний не допускали к причастию, не отпевали в церкви и даже не давали хоронить в освященной земле. В народе их называли ведьмами, колдуньями и другими нелестными прозвищами, их боялись, но тем не менее частенько обращались за услугами.

Наверное, только сейчас Агафья поняла всю глубину пропасти, в которой оказалась, но винить в этом было некого. Это ее добровольный выбор. Впрочем, ничего страшного. Просто через много лет, когда состарится, ей надо будет найти достойную ученицу, и она ее обязательно найдет. Это ведь совсем несложно. А если нет? Пожалуй, не стоит пытаться узнать ответ на этот вопрос. Первое, что сделала Агафья, вы-

сочив из подвала, это осмотрела свои руки. Но сколько ни вертела она их перед глазами, в неверном свете уходящего дня, никаких следов ожогов так и не заметила. Ничего.

После смерти черной женщины в жизни Агафьи, наконец, наступила светлая полоса. Мужчины, как по команде, начали обращать на нее внимание. Вились вокруг роями. Просто отбоя от них не было. Покопавшись, она сделала выбор. Вначале он показался удачным. Муж был большой начальник, с ним Агафья жила, как у Христа за пазухой. Но недолго. Вскоре его арестовали как врага народа. Она быстро утешилась и вышла замуж за следующего. Но тот сам вскоре оставил ее и ушел к какой-то невзрачной девице. С этого все и началось. Мужчин вокруг была тьма-тьмуца. Но стоило Агафье завязать с кем-то из них более-менее тесные отношения, как они внезапно исчезали, уходя к другим женщинам.

С каждой новой потерей Агафья злилась все больше и больше. Она была ничем не хуже тех, к кому уходили бывшие мужья и любовники, а даже лучше, красивее, богаче. Однажды в одну из длинной череды одиноких ночей ей приснилась женщина в черном. Она вкрадчиво улыбалась и шептала хорошо знакомым голосом, проникающим в самую душу:

– Отомсти, отомсти им! Тебе сразу станет легче, не мучай себя.

Агафья проснулась и села на кровати. Совет был дельный. Прямо босиком она направилась в кладовку, где лежал всякий хлам. Покопавшись, выудила несколько вещей своих «бывших». Теперь можно было проверить, чему она научилась и так ли сильна, как утверждала ее покойная учительница.

Вскоре умер от инфаркта один из бросивших ее любовников, другого арестовали... Агафья не стала ждать, что будет с остальными. Теперь она уже была уверена в своих силах и возможностях. Она уехала из города далеко-далеко, туда, где ее никто не знал. Там она будет жить одна. Ей, как видно, никто не нужен, а способ заработка, и большого заработка, она знает, оказывается, очень даже хорошо.

Поселилась Агафья в небольшом областном центре недалеко от Москвы. Она довольно быстро приобрела клиентуру,

хотя брала за свои услуги большие деньги. Долгое время жила так, как и мечтала – одна. Ей хватало посетителей и днем, поэтому ночью хотелось отдохнуть от людей, очиститься от негативной энергетики. Вообще-то, Агафья своих клиентов ненавидела. Они все были предателями.

А потом она поняла, что и собственное тело – предатель. Оно тоже вначале почти незаметно, а потом все явственнее начало изменять ей. Болезни тихой сапой проникали в стареющее тело, нарушая то хрупкое равновесие, которое бывает заложено в человеке от рождения. Раньше она не ощущала ни своего тела, ни его органов. Постепенно, вначале робко, а со временем все больше и больше они беспокоили старуху. Только тогда Агафья взяла к себе компаньонку, которая помогала ей по дому. Предательство росло, оно было повсюду, окружая и опутывая ее.

Старуха пошевелилась и открыла глаза. Была глубокая ночь. Странная штука сон, размышляла она. Вот с чего бы именно сегодня не только целый день ей виделась прошлая жизнь, но и ночью не отпускали воспоминания? В самом темном углу под окном зашевелилась тень. Наверное, показалось. Она ведь почти ничего не видит. Агафья снова закрыла глаза. Но что-то мешало заснуть. Душу стал заполнять страх.

Она открыла глаза и опять посмотрела в угол. Увеличиваясь, тень стала приобретать отчетливые очертания руки. Рука росла и, удлиняясь, приближалась. Странно, несмотря на почти полную слепоту, старуха очень четко видела зловещую темную тень и остановившимся взглядом смотрела на тонкие длинные пальцы, уже скользящие по одеялу. Она хотела крикнуть, позвать Евдокию, но не смогла издать ни звука. Пошевелить рукой, чтобы включить ночник, тоже не смогла. В голове Агафьи роились странные, зловещие мысли и образы.

– Кто здесь? – вначале старухе показалось, что вопрос задан вслух, и почти сразу же она осознала – он всего лишь возник где-то внутри ее сознания.

В ответ – тишина.

– Учительница? – вопрос снова остался незадаанным.

Но сейчас Агафье почудилось, что из темного угла слышался легкий смешок. Согласия? Неужели она права, и женщина в черном спустя десятилетия решила навестить свою подопечную?

– Это правда ты? – старуху почему-то совсем не удивил этот странный безмолвный диалог.

– А ты ждешь кого-нибудь еще? – в тихом, едва шелестящем голосе под окном можно было совершенно явственно расслышать насмешку.

– Что... что тебе надо? Чего ты хочешь? – только сейчас Агафья заметила, что лежит с закрытыми глазами, но это совсем не мешает видеть ей загадочную тень в темном углу.

– Только напомнить тебе кое-что... – И шепот снова рассыпался по комнате легким смешком, тотчас же растворившись в ночном воздухе.

Почти сразу же на смену легкому шепоту пришел внезапный и резкий порыв ветра за окном, и старуха задумалась – а было ли все это? Или просто шум листвы за окном она приняла за ответ на свои невысказанные вопросы.

Внезапно Агафья вспомнила слова своей зловещей учительницы – она должна найти ученицу! Тень – всего лишь напоминание о том, что ее ждет. Поняв это, старуха расслабилась, и тень, будто подтверждая правоту ее мысли, метнулась обратно в угол. Вначале исчезла рука, оставив за собой длинные пальцы, медленно ползущие по стене, но потом и они как бы нехотя втянулись в темноту угла. Агафья с облегчением вздохнула и провалилась в сон. Пока не найдена та, кому старуха сможет передать свои почти неограниченные возможности, она так и будет находиться на тонкой грани между жизнью и смертью, в неопределенном ожидании конца.

Через неделю объявилась та самая клиентка, которая так разбредила душу Агафьи. Она принесла какой-то прожженный сигаретой, очень легкий серебристый шарфик и молча вложила его в руку старухи. Слегка помяв легкий кусок ткани,

Агафья поняла, что доллары тоже у нее в руке. Она долгим невидящим взглядом посмотрела на посетительницу. Нет, не подойдет она для передачи знаний, слаба, так же, как и все остальные клиентки. Протянув руку, старуха взяла со стола фотографию, еще раз подержала ее в руках, перед глазами снова мелькнул ненавистный ангельский облик. Вот эта бы подошла. Но нет, ее она учить не станет.

Зачем вооружать тайными знаниями своих врагов? А они все, все были ее врагами. По-другому Агафья просто не могла их воспринимать. Все, кто хоть чем-то напоминал ей давно ушедшую змею-разлучницу, сразу и автоматически переходили в стан врагов.

Старуха, надолго замолчав, перелистывала в уме страницы своей длинной, жизни, но вдруг с удивлением обнаружила, что такой, как женщина на фотографии, она до сих пор еще не встречала. Эта внезапная мысль требовала внимательного и всестороннего обдумывания...

Клиентка нетерпеливо пошевелилась в углу дивана. Старуха с трудом видела только ее расплывчатый силуэт.

– Иди сюда, – подозвала она посетительницу. Та быстро подвинулась. Силуэт, кажется, стал немного четче, но этим дело и ограничилось. Агафья заговорила таинственным зловещим шепотом, чтобы нагнать побольше страха на клиентку. Она любила показать свою власть. – Теперь сделай вот что...

Через полчаса из небольшого частного дома на одной из окраинных улиц города почти выбежала женщина в свободном светлом плаще с капюшоном. Быстро пробежав под фонарем, она направилась к шоссе и подняла руку, останавливая машину. Ей явно не хотелось встретить кого-нибудь из знакомых, а город, хоть и областной, но небольшой. Так что шанс наткнуться на знакомое лицо был всегда. У обочины притормозил местный бомбила. Женщина быстро юркнула в салон машины и выглянула в окно. Улица была пустынна. Машина тронулась, женщина откинулась на сиденье и с облегчением вздохнула – кажется, ее никто не видел.

ГЛАВА 2

Марьяна всегда мечтала жить в Москве. Столица притягивала к себе, манила огнями и красивой жизнью. Там сбывались надежды и мечты. Там возможно все. Ей просто не повезло, что родилась она в какой-то дыре, но все ведь можно исправить. Так думала она, ступая на перрон и волоча за собой тяжеленный чемодан. Вчерашняя выпускница иняза тмотораканского пединститута и местной же музыкальной школы приехала покорять Москву.

Марьяна была не первой и не последней, кто вот так же стоял на вокзале, лелея в душе большие амбиции и грандиозные планы. Мегаполисы всегда притягивают к себе авантюристов и любителей яркой жизни всех мастей. Именно в многомиллионном городе они рассчитывают продать себя наиболее выгодно. Когда вокруг так много людей, всегда найдется хотя бы один, кто заинтересуется именно их предложением.

Марьяна уже представляла, как ее лицо не сходит с экрана телевизора, подмигивает с многочисленных афиш и обложек компактв. А чтобы это произошло, надо всего лишь приехать в Москву и покорить ее. Она точно знала, что поет не хуже многих безголосых певичек, выступающих на самых престижных сценах, и в самом буквальном смысле была готова на все ради своей звездной карьеры.

– Красавица, давай погадаю.

Марьяна почувствовала, как ее локоть схватила сильная рука. Она испуганно оглянулась. Перед будущей покорительницей столицы стояла, кутаясь в шаль, невысокая пожилая цыганка. Марьяна отрицательно покачала головой.

– Мне сейчас денег не надо, красавица. Вот погадаю, потом дашь, сколько сможешь.

Марьяна с сомнением протянула цыганке руку.

– У тебя было тяжелое детство. Добрая ты, зла никому не делаешь. Будут у тебя скоро любовь и деньги, – заученно тараторила предсказательница. Марьяна и сама прекрасно знала о своем тяжелом детстве. Папаша-алкоголик каждый день колошматил тихую и безответную мать. Наверное, поэтому она так рано умерла, когда Марьяне было всего

двенадцать лет. Родитель вскоре после этого куда-то исчез, а из деревни приехала бабушка, да так и осталась жить с Марьяной. Бабушка умерла прямо перед защитой диплома. Так что вскоре после выпускного, молодая учительница закрыла квартиру и, попросив соседей иногда присматривать за ней, отправилась на поиски счастья. Марьяна тяжело вздохнула и уже хотела вырвать руку, как вдруг цыганка сильно сжала ладонь и даже поднесла ее к лицу, пристально разглядывая. Она замолчала, а потом неожиданно заявила: – Все, нельзя тебе дальше гадать, и денег мне тоже не надо. Ничего не надо... ничего... – продолжая непрерывно бормотать себе под нос, цыганка плотнее запахнулась в шаль и быстро скрылась в толпе. Но еще какое-то время Марьяна чувствовала на себе ее странный, будто сочувствующий взгляд. Она пожала плечами и посмотрела на свою ладонь. Крутила ее так и эдак, но не заметив ничего необычного, подхватила чемодан и устало потащилась к выходу.

Вскоре Марьяна пришла к печальному выводу, что Москва прекрасно может прожить и без нее, а спонсоры на дороге не валялись, и помочь раскрыть миру ее великий талант никто почему-то не жаждал. Но она снова и снова пыталась найти свое место под столичным неоновым солнцем. И вот, когда деньги уже окончательно подошли к концу, она с полной безысходностью совершенно серьезно продумывала два оставшихся варианта. Первый из которых заключался в позорном возвращении домой, а второй – в не менее позорном выходе на панель.

В этот критический момент ей повезло. Если можно было так сказать в данном случае. Ее, наконец, взяли в занюханый ресторанчик за Кольцевой дорогой. Она успокаивала себя тем, что это только начало, ее обязательно заметят, и все пойдет как надо, как она просчитала, сидя дома. Не пошло.

Больше двух лет она кочевала по забегаловкам, исполняя на заказ пьяным клиентам самый отстой за копеечные чаевые. В ее жизни какими-то тенями появлялись и так же незаметно исчезали ничем не примечательные мужчины. Они проходили настолько малозаметно, что она не могла

вспомнить даже их лиц. Такая тупая и однообразная жизнь постепенно начинала затягивать девушку, и она не заметила, как перестала мечтать о карьере эстрадной певицы, думая только о том, хватит ли денег заплатить даже не за комнату, а за угол, который она снимала в какой-то дыре. О возвращении домой Марьяна тоже теперь не помышляла. Жизнь для нее ограничивалась стенами очередной забегаловки.

И вдруг появился ОН... Это случилось как в сказке. ОН зашел перекусить в дешевый ресторан, где она пела последние несколько месяцев. Молодой, явно богатый красавец. У Марьяны вначале даже дыхание перехватило. Он был явно не из их контингента посетителей. Она быстро взяла себя в руки, вернула на место дыхание и, бросив взгляд в большое зеркало сбоку от сцены, постаралась подать себя в наиболее выгодном свете по всем параметрам, привычно поправив длинные светло-пепельные волосы и попытавшись придать максимум блеска потускневшим за последнее время голубым глазам.

Слава богу, ОН не остался равнодушным к чарам местной певички. Вскоре Марьяна, уже сидя за его столиком, выяснила, что зовут его Стас, а занимается он каким-то крутым бизнесом. Стас в свою очередь узнал, что Марьяна мечтает стать профессиональной певицей, причем знаменитой, что и было ей немедленно обещано в самое ближайшее время. Мечты начали сбываться с головокружительной быстротой. Буквально через несколько дней она переехала в снятую ИМ для нее квартиру. А через несколько месяцев уже вселялась в почти собственное элитное жилье в центре города. Почти – потому, что Марьяна не знала, на кого оформлена квартира. Но на тот момент такой пустяк ее не волновал. Жизнь расцвечивалась новыми яркими красками, а вскоре, судя по всему, станет еще лучше.

Стас устроил ее петь в роскошный клуб, пообещав, что это только начало. Зарплата там была вполне подходящей для достойной жизни, да и Стас не скупился. Марьяна, наконец, смогла обзавестись роскошными туалетами, мехами и драгоценностями. Стала посещать солярий, массажный и тренажерный залы.

Квалифицированный, хотя и безумно дорогой, уход за телом, вскоре стал приносить результаты. Марьяна и раньше была достаточно хороша собой. Но теперь с удовольствием разглядывая себя в зеркале, она убеждалась, что продолжает хорошеть дальше, прямо на глазах. Косвенным подтверждением ее оптимистичных наблюдений были мужские взгляды, которые она теперь ловила буквально со всех сторон.

Стас тоже млел от ее успеха. То ли он ощущал себя Пигмалионом, создающим свою Галатею, то ли искусствоведом, внезапно обнаружившим на дешевой барахолке шедевр известного мастера, нуждающийся только в небольшой реставрации. Он гордился Марьяной, и она тоже чувствовала к Стасу нечто большее, чем обычную благодарность.

Дважды они слетали на короткий отдых за границу. Курорты были не из дешевых – Кипр и Бали. А вскоре ко всем этим радостям жизни присоединился хоть и маленький, но зато ярко-красный «рено».

Получив такой презент, Марьяна, хоть и с большим трудом, все-таки сдала на права. Стас предлагал просто купить их. Но она решила, что не стоит так глупо рисковать жизнью, и старалась как могла. Она не часто пользовалась машиной, боялась ездить по суетливой Москве, где пробки и опасность на каждом шагу, но все же при необходимости вполне могла черепашьям ходом доползти до нужного места.

Но один момент печалил Марьяну – наличие у Стаса законной жены. Однако она знала народную мудрость: жена – не стена, и надеялась со временем разрешить и эту проблему, как сумела разрешить все предыдущие. Единственное обещание, которое не спешил исполнять Стас, так это сделать ее звездой. Но Марьяна, наслаждаясь жизнью, не слишком торопила его. Она была уверена, что впереди много, очень много времени, а сейчас можно позволить себе отдохнуть и расслабиться. В то время она просто не подозревала, как ошибалась!

Они ехали из клуба домой. Последнее время Стас жил практически у нее. Марьяна всерьез подумывала, что, вероятно, в его семье дело идет к неизбежному в такой ситуации

разводу, и втайне радовалась предстоящему событию. Но что-то мешало ей полностью погрузиться в безоблачное ожидание перемен. Время от времени в душе возникала какая-то непонятная напряженность. Казалось бы, сиди и жди предстоящих счастливых изменений, но ее не покидало нехорошее предчувствие. Явно назревал непредвиденный внутренний кризис. Марьяна загоняла эти предательские мысли как можно дальше, стараясь думать исключительно о приятном. Ведь во многих религиях считается, что мысль материальна, и если постоянно думать о плохом, оно обязательно произойдет. Но предчувствия точили и точили, упорно прогрызая бреши в счастливых мечтах Марьяны. Вот и сейчас внезапно выскочившие из засады темные мысли снова начали свою бесконечную и мучительную круговорот.

Не успели Марьяна со Стасом еще войти в подъезд, как у него нервно запел мобильник. Из разговора Марьяна поняла, что звонит жена, у нее что-то случилось, и она просит мужа приехать. Без особого восторга он согласился и, сказав Марьяне, что скоро вернется, укатил. Казалось бы ничто не предвещало опасности, и она, уже в который раз, затолкав мрачные раздумья в темный шкаф сознания, закрыла их там на ключ.

В наигранно приподнятом настроении Марьяна впорхнула в квартиру, но уже открыв дверь, внутренним чутьем поняла, там кто-то есть. Хотела выскочить на лестничную площадку, чтобы позвать на помощь. Но ей не дали этого сделать. Дверь с громким щелчком захлопнулась у нее перед носом, а уже через секунду в коридоре и гостиной зажегся свет.

Перед ней стоял здоровенный мужик с совершенно тупой, ничего не выражающей рожей существа, снабженного большим количеством мышц и оттого обделенного мозгами. Он грубо толкнул ее в спину, и Марьяна пулей влетела в гостиную, по пути успев удивиться тому, что устояла на высоченных шпильках и не шлепнулась позорно перед всем людом. А там ее уже ждали. В кресле, вальяжно развалившись, восседал еще один малопрятный тип. Но если тот, в прихожей, был просто тупорылым бегемотом, то этот вызвал у Марьяны

приступ животного страха своими льдисто-холодными глазами профессионального убийцы.

– Ч-что в-вы тут делаете? – заплетающимся от страха языком выдавила из себя Марьяна.

В первый момент она решила, что это просто грабители и уже готовилась честно рассказать про все свои тайные записки. Пусть подавятся, жизнь все-таки дороже.

– Ты, красotka, садись, давай. Разговор есть, – парень из кресла, которого Марьяна про себя окрестила «шефом», небрежно кивнул в сторону дивана. Кажется, она ошиблась. Ночные посетители были явно не грабителями. Те должны вести себя совершенно иначе.

Не издав ни звука, Марьяна послушно, как школьница, села, аккуратно сложив на коленях руки.

– Так вот, красotka, – небрежно начал «шеф», – у нас к тебе дело. Очень мешаешь ты одной даме. Вот она и попросила нас образумить тебя. Ты же не хочешь, чтобы твое красивенькое личико подпортили? Или как?

Марьяна, тихо икнув от ужаса, смогла только отрицательно помотать головой. Она еще не до конца понимала весь ужас ситуации, в которой оказалась.

– Почему все красивые бабы такие тупые? – задал в пространство философский вопрос «шеф». И сам себе ответил: – А зачем им мозги? Они им ни к чему. Всегда найдется кто-то, кто за них будет думать.

Марьяна завороченно переводила взгляд с бегемота на «шефа», затравленно разглядывая колоритную парочку. На самом деле для нее все уже стало предельно ясно. Но если она будет продолжать изображать кретинку, может, у нее и появится шанс остаться в живых. Призвав на помощь все свои скудные артистические способности, Марьяна вначале очень натурально жалобно всхлипнула, чего не сделаешь для спасения своей единственной и неповторимой жизни, а потом и вовсе зарыдала в голос.

– Я ничего не понимаю. Чего вы от меня хотите? – завывала она, театрально воздевая руки к навесному потолку с многочисленными лампочками.

– Закрой кран, надоело, – без малейших эмоций приказал тот, кто караулил у входа.

Марьяна всхлипнула, по-детски утерла нос подолом платья за несколько тысяч баксов и вылупила абсолютно глупые заплаканные глаза в потехах туши на непрошенных гостей.

– Значит, так. Если хочешь сохраниться в том виде, в котором тебя заделали папка с мамкой, чтоб духу твоего здесь завтра уже не было. Хозяйка не хочет терять своего драгоценного супруга, он ей слишком дорого обошелся, чтобы отдавать его первой попавшейся шлюшке, – выложил программу действий «шеф».

– Почему – дорого? – искренне не поняла Марьяна.

– Ха! Она не знает! – хлопнув себя руками по коленкам, обрадовался бегемот. – Расскажи!

– Ну что ж, могу просветить, в натуре, – злорадно ухмыльнулся «шеф». – Твой любимый принц, красotka, всего лишь дешевый альфонс, которого для приличия после покупки назвали мужем. Хозяйка приобрела его в одном клубе, где он танцевал мужской стриптиз и оказывал другие услуги не очень молодым, но очень состоятельным дамочкам. Сечешь? – Марьяна всхлипнула и послушно закивала. Обрадованный ее сообразительностью, парень завершил монолог кратко и доходчиво: – Тогда, давай, кончай базар.

Марьяна почувствовала, что кровь отливает от ее лица. ОН, мужчина ее мечты, оказался всего лишь жалким стриптизером-альфонсом, которого содержит состоятельная жена бальзаковского, или даже старше, возраста! Она, еще не веря окончательно, что это может быть страшной правдой, прижала ладони к ушам, стараясь больше не слышать жестоких слов ночного посетителя. Но в глубине души Марьяна прекрасно понимала, что он говорит правду. Она сама время от времени подозревала, что по своим повадкам Стас совершенно не тянет на серьезного бизнесмена. Но из последних сил старалась не задумываться над этим, чтобы не угодить в глубокую пропасть, которую она, по сути, сама себе и организовала. До нее, как сквозь вату, продолжал долетать рассказ позднего визитера:

– Вначале он обошелся хозяйке совсем недорого. Но потом она зачем-то решила сделать из него делового человека. Одеда, машину купила, попыталась к бизнесу приставить. Но, оказалось, у него только один орган хорошо работает, и это – не голова, – «шеф» издевательски хохотнул над собственной шуткой. – Зато хозяйке, даме не первой свежести, приятно выйти с ним в люди, пусть остальные бабы завидуют, какой у нее кобель имеется. Время от времени она давала ему побаловаться с молодыми штучками, такими, как ты, чтобы совсем не заkis мужик. Потом все само собой сходило на нет. А тобой муженек, как видно, увлекся серьезно. Хозяйка решила, что надо спасать семейную лодку, давшую такую серьезную течь. То есть убрать тебя.

– Совсем? – хрипло уточнила перепуганная Марьяна.

– Ну, это зависит от тебя, детка. Послушаешься нас, останешься живой. Нет – пеняй на себя. Мы уж расстараяемся, будь уверена...

Марьяна не стала ждать конца предложения, содержащего печальные варианты ее ближайшего будущего, резво вскочила с дивана и бросилась к двери. Но бегемот, несмотря на свои габариты, оказался проворнее, подставив ей ножку. Зацепившись каблуком, Марьяна, со всего маху грохнулась на пол. Хотя и ненамного, но падение смягчил ковер. Поджав ноги, она испуганно сжалась в комок около дверей.

– Нечего зря дергаться, – успокоил «шеф». – Ну что, будешь умницей?

Марьяне ничего не оставалось, как только тупо кивнуть. Выхода все равно не было. Мечта оказалась пустышкой, мыльным пузырем, а сказочный принц, что было уж совсем неприятно сознавать, сжался до мелкого и пакостного создания, превратившись в какого-то мелкотравчатого карлика.

– Ну что, красотка, тогда мы тебя покидаем, но прямо с утречка проверим любовное гнездышко. И если ты хоть одним ногтем зацепишься здесь, сильно, ну просто очень сильно, пожалеешь! – с этими словами «шеф» деловито перешагнул через ставшую совсем маленькой жертву милой беседы.

Парочка уже направилась к двери, как вдруг «шеф», будто неожиданно что-то вспомнив, вернулся. Марьяна испуганно

шарахнулась от него. Из глаз у нее опять брызнули теперь уже натуральные слезы.

– Это, Красная Шапочка, что б тебе лучше думалось, – он достал из кармана небольшой пузырек, отвинтил крышку, резко швырнул его на платье Марьяны и вышел. Жидкость моментально выплеснулась на ткань, и раздалось противное шипение. От роскошного туалета пошел дымок, плотный, как утренний туман.

С тихим щелчком захлопнулась входная дверь. Марьяна, размазывая по лицу слезы и остатки косметики, не двигаясь, сидела на полу. От страшных кислотных ожогов ее спасла широкая юбка вечернего туалета. Платье приобрело ассиметричный вид. С одной стороны его юбку почти полностью съела кислота. Она проела и ковер. Что стало с полом, Марьяну уже не интересовало. Разрывая дорогую ткань, она поспешно сдирала с себя платье, стараясь не обжечься ужасной жидкостью.

Осторожно обходя груды наполовину сожженного кислотой тряпья, бывшего недавно роскошным нарядом, Марьяна, спотыкаясь, поплелась в ванную. Там она снова и снова терла себя мочалкой так, будто от этого зависела вся ее дальнейшая жизнь. Сквозь шум воды до нее донеслась мелодия мобильного. Обернувшись полотенцем, она вылезла из ванны, по пути стараясь вспомнить, куда со страху бросила сумку. Неустанно продолжающееся пение телефона указывало правильный путь. Звонил Стас. Вот сейчас он успокоит ее, скажет, что все произошедшее всего-навсего злая и неумная шутка, что он уже на пути к ней и дальше все опять будет прекрасно. Марьяне очень хотелось в это верить, даже вопреки очевидному.

– Слушаю, – ее голос срывался от волнения.

– Ты что, киска, уже пришла в себя после визита моих ребят? – низкий женский голос в трубке был так холоден, что еще немного, и весь телефон покроется тонким налетом инея.

– А-а... – растерянно начала задавать вопрос Марьяна, но собеседница, не дослушав ее, представилась:

– Я – законная жена Стаса. И вот еще что, милочка. Он сам, машина, квартира, где вы с ним трахались, тряпки и

камешки – все это принадлежит мне. Поэтому я настоятельно советую выметаться не только из чужой квартиры, но и из города, во избежание еще больших проблем. Барахло и машину можешь взять себе, я их тебе дарю, – в трубке послышался хрипловатый смешок. – Ты хорошо развлекала моего ненасытного муженька, поэтому можешь считать это оплатой эскорт- и интим-услуг. Забудь навсегда его номер телефона и этот адрес. Чтобы завтра тебя там не было. Кислота – вещь неприятная. Надеюсь, мы поняли друг друга? – Марьяна еще обдумывала, требует ли ответа такой вопрос, как собеседница отключилась.

Стас не принял в разговоре никакого участия, что само по себе говорило о многом. Правда была чудовищно и неумолимо безобразной.

Медленно положив мобильник на стол, Марьяна обвела печальным взглядом роскошную обстановку квартиры. Несколько лет жизни выброшено на помойку истории. Ей стало так жалко себя, что слезы снова потоком потекли по щекам. Она всхлипывала, по-детски вытирая их кулаком.

Почти ощупью Марьяна добралась до спальни и из глубин шкафа-купе выудила здоровенный чемодан. Теперь предстояло подумать, в какую дыру спрятаться и затаиться так, чтобы не получить кислотой в лицо. Но никакие мысли не лезли во внезапно опустевшую от всего пережитого голову Марьяны. Одно она знала совершенно точно – позорного возвращения домой не будет. Не будет никогда! Куда угодно, только не туда, где знакомые кумушки, сочувственно заглядывая в глаза, будут изо всех сил стараться выяснить, как жила она все эти годы в Москве, почему вернулась, и давать идиотские советы на тему, как жить дальше, а за глаза – без усталости осуждающе перемывать ей косточки.

В очередной раз тяжело вздохнув, Марьяна начала быстро забрасывать в раскрытую пасть чемодана те вещи, которые считала самыми ценными или необходимыми. В итоге их набралась целая куча и, как следовало ожидать, в один чемодан они не поместились. Скоростные сборы закончились тем, что в «рено» перекочевали аж три чемодана и несколько до-

рожных сумок, а в кошелек Марьяны – все наличные деньги и кредитки, которые нашлись в квартире. Совесть ее совершенно не мучила. Она уезжала в неизвестность.

Рассвет еще размышлял над тем, стоит ли ему заняться делом или еще немного подремать, а Марьяна в последний раз захлопнула за собой дверь квартиры, в которую ей уже никогда не светило вернуться. Она медленно спускалась по лестнице, проигнорировав лифт. Ей хотелось не только попрощаться с домом. На каждой ступеньке лестницы она как бы перелистывала очередную страницу своей так много обещавшей и так бездарно оборвавшейся столичной жизни. Она не видела своей вины в прошедшем. Скорее, то было непредвиденное сочетание случайностей, слава богу, задевших ее лишь краем. На первом этаже Марьяна открыла крышку мусоропровода и выбросила ключ. Теперь она стала богатым и свободным бомжем. Красный «рено» медленно вырулил со стоянки и покатил в неизвестном направлении.

На тот момент у Марьяны не было никаких планов. Она ехала, повинувшись зову подсознания. В подобных ситуациях оно оказывается самым лучшим советчиком. Хотя понимаешь это только потом, иногда много времени спустя. Марьяна провожала взглядом медленно проплывающее за окнами машины столичные пейзажи – элитные новостройки и пожилые сталинки, дорогие бутики и скромные, сохранившиеся еще с застойных времени продмаги. Теперь, если ей и суждено вернуться сюда, то без всякой помпы, а тихо, как последней жалкой мышке, чтобы никто из старых знакомых ее здесь не заметил. Конечно, Москва – огромный мегаполис, и хотя вероятность случайно столкнуться с кем-то из них ничтожно мала, но все-таки она есть, так что лучше не рисковать своей далеко не уродливой физиономией, остающейся ее последним шансом.

К удовольствию Марьяны предрассветный час, так называемый час волка, не располагал людей к автомобильным прогулкам, поэтому она почти спокойно смогла доехать до Кольцевой дороги. Если начать размышлять, куда податься, она никогда не покинет пределы Москвы. Бездумно свернуть

на первом попавшемся указателе – вот то единственно правильное решение, которому надо следовать. Ее вела судьба, а ей виднее. За время поездки Марьяна убедилась, что обладает хорошо развитой интуицией и достаточно прозорливым внутренним голосом. Эти таинственные свойства задолго до всего этого несчастья стали настойчиво предупреждать ее о грядущих печальных последствиях. Так что будет вполне справедливо довериться и им тоже.

За окном мелькнул какой-то указатель. Марьяна включила поворот. Теперь перед ней лежала гладкая лента шоссе, в данный момент ведущего в никуда, потому что она даже не удосужилась прочитать надпись. Сейчас все это было неважно. Главное – она жива и снова попытается добиться чего-нибудь в этой нелегкой жизни. Наученная горьким опытом, став сильнее и умнее, Марьяна уверенно катила навстречу новым событиям. Из-за горизонта показался малиновый край поднимающегося солнца.

Появление дневного светила на безоблачном утреннем небе она расценила как хорошее предзнаменование. Если новый день так радостно встречает незадачливую путешественницу, значит, поездка обязательно будет удачной. А если так, может, стоит поблагодарить судьбу за этот резкий и внезапный поворот? Ведь, в конце концов, Стас оказался таким ничтожеством, что если бы Марьяна умудрилась связать с ним жизнь, то еще неизвестно, чем бы это закончилось. Она бросила быстрый взгляд в зеркальце и ободряюще улыбнулась своему отражению. Ведь что бог ни делает, все к лучшему, правда?

Когда заводские работяги только продирали глаза, Марьяна медленно въезжала в совершенно незнакомый ей город. Немного покрутившись по улицам, она приглядела приличную с виду гостиницу с названием «Березка». Внутри тоже все оказалось дорого и цивильно. Однако Марьяне уже было на это плевать. Едва переступив порог номера, она, прямо одетая, рухнула на кровать и провалилась в глубокий сон.

Именно тогда Марьяна впервые увидела его. Она еще не знала, что этот сон будет упорно преследовать, мешая

спать по ночам и задавая загадки днем. Снилось ей какая-то старая церковь, сплошь заставленная толстыми черными свечами. Почему-то они горели очень тускло, освещая лишь небольшое пространство вокруг себя. А где-то в темном углу шевелилась зловещая черная тень. Она протягивала к Марьяне темные призрачные руки и длинными, как щупальца, пальцами, старалась ухватить ее за горло. На смену мрачной церкви пришел небольшой домик, утопающий в зелени сада. Не успела Марьяна вздохнуть с облегчением, погрузившись в созерцание идиллической картинке, как из окон симпатичного дома тоже стали вылезать темные щупальца. Это продолжалось опять и опять. Липкий кошмар никак не хотел отпускать ее, подкидывая новые сюжеты один страшнее другого.

Когда она проснулась, за окном уже начинало темнеть. Навязчивый сон полностью растворился в подступающем мраке, оставив после себя только неприятный осадок. Можно считать, день потерян, с неудовольствием отметила про себя Марьяна. Откуда-то доносились слегка приглушенные звуки музыки. Конечно! Ведь в любой мало-мальски уважающей себя гостинице обязательно должен быть ресторан. Для начала можно посетить и его. Но она должна выглядеть на все сто. С этими правильными мыслями Марьяна направилась в ванную.

Через пару часов из номера выплыла столичная штучка класса люкс и, ориентируясь на звук, подиумной походкой поплыла в ресторан.

ГЛАВА 3

Магомед Хамбиев, чеченский хозяин этой гостиницы, сидел, небрежно развалившись на стуле, перед заполненным едой столом. Видимо, давая такое имя своей гостинице, он мучился ностальгией по канувшим в лету советским временам и одноименным магазинам для избранных.

Почему-то сегодня ему захотелось зайти перекусить именно сюда, хотя обычно он любил ужинать в другом месте, значительно лучше приспособленном для посещений такими

значительными людьми, как он. Гостиничный ресторан, даже очень дорогой, все-таки остается гостиничным. Магомеду принадлежало в этом городе многое. Кроме «Березки» – еще несколько ресторанов, казино, клубов, саун, тренажерных залов...

Но не это главное. В последнее время он нашел свою золотую жилу и начал ее активно разрабатывать. Она давала до тысячи процентов прибыли и обогатила очень многих на этой земле. Теперь здесь, поблизости от Москвы, она озолотит и его, Магомеда. Называлась эта жила героин.

Совсем недавно от него уехали люди из Москвы, которых он принимал с присущим кавказцам размахом и радушием. Они оказались у него не случайно. Наркотрафик через аэропорт Домодедово очень удачно пролегал в удобной близости от города, где от Магомеда зависело очень многое. Кроме того, соседи подбросили еще не до конца проработанный вариант с какими-то синтетическими наркотиками, под производство которых еще предстояло подобрать подходящее помещение в ближайшем захолустье. Конечно, разговаривать о таких вещах можно было только с людьми серьезными и надежными. Магомед Хамбиев был именно таким. Теперь он стал звеном могущественной мировой империи, имя которой наркокартель, который не признавал границ, не ведал жалости и сострадания, всеми силами служа единственному богу – деньгам. Потому что от денег до власти был уже только один, совсем небольшой шаг.

Но это все в будущем, а сейчас Магомеду было тоскливо. На сцене страстно шептала какая-то очередная безголосая и бездарная шлюха сельского пошиба. Ее неспособности были очевидны. А то, что она – шлюха, вытекало из самого ее присутствия на сцене, потому что другим путем попасть сюда при ее данных просто невозможно. Надо будет сказать управляющему, как же его зовут? Магомед задумался. Он не утруждал себя запоминанием всяких мелочей.

В общем, надо ее выгнать и подыскать что-то более приличное для такого солидного места, как его гостиница. Магомед прикрыл глаза, раздумывая над тем, как тяжело серьезному бизнесмену подобрать соответствующий пер-

сонал. Мало того что почти все при ближайшем осмотре оказываются бездарями, так еще при всяком удобном случае норовят обокрасть. Неприятные мысли продолжали портить настроение Магомеду. Когда он, наконец, открыл глаза, оторвавшись от своих невеселых дум, то был готов придушить каждого, кто только приблизится. Тяжелым немигающим взглядом он обвел зал и замер. Точно такой же эффект появление незнакомки вызвало и у всей остальной мужской части посетителей ресторана.

Для такого эффекта мало быть просто красивой женщиной, мало иметь профессионально сделанный макияж, хорошо уложенные волосы и холеное тело. Все это, в конце концов, дело техники. Дорогая, со вкусом подобранная одежда тоже, понятно, зависит от толщины кошелька, а грация движений отрабатывается настойчивыми тренировками. Если соединить все эти качества воедино, то можно получить законченный портрет шикарной женщины. Но расстояние между шикарной и неотразимой женщиной так же велико, как между полковником и генералом. Ведь теоретически каждый полковник может стать генералом, но это только теоретически.

Каждая неотразимая женщина обладает только ей присущим шармом, который нельзя ни купить, ни выработать изматывающими тренировками. Шарм, как врожденный талант, дается не всем, поэтому женщина, не обладающая шармом, никогда не станет неотразимой.

Плавной походкой манекенщицы Марьяна медленно двигалась между столиками, будто высматривая подходящее место. На самом же деле она давала возможность окружающим как следует рассмотреть и оценить себя. Магомеду в какой-то момент показалось даже, что они где-то уже встречались. Ее лунного цвета волосы он точно видел. Но где и когда? В одном он был уверен, теперь-то нельзя ее упустить! Плохое настроение сразу испарилось, освободив место инстинкту охотника. Магомед небрежным движением подозвал, появившегося как из-под земли официанта. Одним мимолетным движением бровей он дал необходимые инструкции и снова устался на прелестную незнакомку.

– Девушка, – с вкрадчивым придыханием зашептал у нее над ухом чей-то голос, – пройдите сюда, пожалуйста, вас приглашают вон за тот столик. Это хозяин нашего заведения – Магомед Султанович.

Марьяна усмехнулась одними уголками губ. Вот это удача! Неужели небольшой разведывательный рейд сразу же оказался попаданием в десятку? Теперь оставалось не ошибиться и выбрать правильную тактику поведения, чтобы хозяин заведения оказался у нее на крючке. Провожаемая завистливыми взглядами женщин и восхищенными мужчин, Марьяна медленно приближалась к столу Магомеда, по пути оценивая добычу.

Так, ничего особенного, внешность довольно заурядная. Он и на кавказца-то толком не похож, слишком светлый. Марьяна считала, что уроженцы Кавказских гор должны быть обязательно брюнетами со жгучими глазами. В качестве дополнения к облику не исключалась и кепка, но это из мелко плавающих. Марьяна вздохнула. Красавцы – конечно, хорошо. Но сделав правильный вывод из последних событий, решила, что внешность для мужчины не имеет существенного значения, гораздо важнее самостоятельность и солидный счет в банке.

– Приятно познакомиться, Магомед Султанович, – низким голосом пропела Марьяна, грациозно опускаясь на подвинутый для нее официантом стул. Сейчас она была даже благодарна Стасу за то, что он дал ей возможность хорошенько пообтесаться в столице. Теперь она явно давала сто очков вперед всем этим провинциальным клушам.

– А мне как приятно! – Магомед с неприкрытым восхищением рассматривал ее, сосредоточившись теперь на деталях.

Марьяна слегка наклонила голову, как бы признавая этим правоту его высказывания, и скромно, как подобает восточной женщине, ожидающей, когда к ней обратится мужчина, промолчала. Пауза затягивалась. Магомед не был специалистом по ведению светских бесед и чувствовал себя неуютно. Марьяна расчетливо оценила ситуацию. Коготок птички уже

увяз. Теперь можно было благородно прийти на помощь терпящему бедствие.

– Да, кстати, меня зовут Марьяна, – мило улыбаясь, будто и не было неудобной паузы, сообщила она и, не давая Магомеду опомниться, продолжила с придыханием: – Я просто потрясена вашей гостиницей, Магомед Султанович. Здесь все на мировом уровне. Уж можете мне поверить. Только вот... – Марьяна слегка помолчала, давая собеседнику возможность оценить комплимент и приготовиться к конструктивной критике, – музыкальное оформление явно слабовато. В данном случае я знаю, что говорю.

Продуманный удар был нанесен снайперски. Магомед выглядел так, словно только что проглотил лимон да еще и запил его хорошей порцией уксуса. Переварив сии продукты, он жалобно ответил:

– Я нечасто захожу сюда вечером. У меня есть еще несколько таких заведений, более высокого уровня, – то ли с гордостью, то ли оправдываясь, заговорил он. – А вот это безобразие увидел только что. Ее завтра же уволят. Девушка совершенно бездарна. – Неожиданно до него дошел весь смысл сказанного Марьяной. – А вы что, специалист в этом деле?

– Ну, не то чтобы специалист, – потупив глазки, со сдержанной гордостью тихо проговорила Марьяна. Ее едва слышный голос почти полностью перекрывала несущаяся из динамиков музыка, поэтому Магомеду, чтобы хоть что-нибудь услышать, пришлось пододвинуться к ней, ну очень близко. Его обдало тонким едва уловимым запахом каких-то дорогих духов. Марьяна между тем продолжала: – Я выступала какое-то время в Москве, в некоторых элитных клубах...

Теперь Магомед вспомнил. Да-да, именно там он ее и видел. Название клуба он уже забыл, а вот певицу запомнил. На ней было отливающее серебром облегающее платье с длинным легким шарфом, что вместе с пепельными волосами создавало потрясающий эффект лунного сияния. Он даже хотел познакомиться с ней, но тогда просто не успел. И вот теперь она сидит за его столиком, и они спокойно беседуют. Аллах велик!

Марьяна между тем небрежно продолжала:

– Не так давно у меня случилась... – Она замолчала, нервно теребя в руках салфетку, всем своим видом показывая сомнение.

Магомед, как истинный горский рыцарь, сразу же пришел на помощь прекрасной даме и заинтересованно спросил:

– Что же у вас случилось?

– Это... личная драма, – Марьяна коротко вздохнула, посмотрела на собеседника глазами, блестящими от непролитых слез, и будто нехотя, прерывающимся голосом, закончила предложение: – Я потеряла любимого человека, – при этом она скромно умолчала, при каких обстоятельствах это произошло.

Магомед почувствовал, что начинает плавиться, как пломбир на солнце. Его просто распирало желание помочь одинокой несчастной красавице. Марьяна же решила окончательно закрепить ситуацию, чтобы избежать ненужных вопросов. Она была уверена, что ей поверят на слово и не станут проверять в Москве рассказанную жалостливую историю.

– Мне было так плохо, – быстро заговорила она, непринужденно опустив детали «потери любимого человека», – я оказалась просто на грани самоубийства, ехала на машине, сама не зная куда, мечтая попасть в аварию и быстро умереть. – Она снова изящно избежала деталей. Например, почему человек обдумывающий, как свести счеты с жизнью, берет с собой в машину вечернее платье. – Но Бог не дал мне сделать это, и я совершенно случайно оказалась в этом городе и в вашей, Магомед Султанович, милой гостинице, – Марьяне снова удалось наполнить глаза слезами. Работа была ювелирная. Слезы не должны потечь. Хнычущая баба – не лучший вариант. А вот женщина, мужественно сдерживающая горе, это почти героиня, тем более в глазах восточного человека. Марьяне снова удался филигранный трюк. На Магомеда смотрели печальные, полные слез голубые глаза.

Они проникали в самую душу и уже могли вести его на коротком поводке куда угодно – в рай или в ад, без разницы. У Магомеда где-то внутри так громко запели райские гурии, что он перестал слышать собеседницу и вообще плохо

узнавал себя, человека смелого и уверенного в том, что все вокруг существует исключительно для его пользы или удовольствия.

Тактика Марьяны оказалась идеально правильной. Магомед совершенно не обращал внимания на мелкие несостыковки рассказа. Кажется, он вообще не очень-то вникал в смысл того, что говорила его собеседница. Ему было достаточно смотреть на нее, слушать переливы красивого низкого голоса и таять в предчувствии грядущих наслаждений...

Но с ними пришлось подождать. Марьяна тонко рассчитала все свои ходы. Несчастливая женщина, только что потерявшая любимого человека, не может так быстро сдаться. Ведь у нее огромное горе, и понадобится время, чтобы его преодолеть. Поэтому придется подождать, познакомиться поближе и узнать друг друга получше... Такая тактика доводила Магомеда до иступления. Он не привык к отказам, затяжкам и недомолвкам. Обычно они его бесили, а может быть, он к ним просто не привык. Но, впервые за последние годы столкнувшись с отказом, Магомед внезапно понял, что это его не злит, даже в чем-то привлекает.

А ночью вчерашний сон вернулся снова. Снова Марьяна видела старую церковь, черные свечи и темноту по углам. Название ей было – страх. Именно страх, таящийся в темных закоулках разума. Интуиция, видимо, снова предупреждала ее о какой-то грозящей опасности, предлагала быть внимательнее, осмотреться по сторонам, не делать опрометчивых шагов. Но Марьяна опять не поняла ее. Она видела только очередной ночной кошмар, только сейчас в нем прибавилось событий.

Сегодня Марьяна, несмотря на угрожающие щупальца, все-таки вошла внутрь аккуратного домика. Ее встретили мрачные коридоры и темные комнаты за бесконечным множеством дверей. Везде жила только пустота. Но Марьяна знала – она ищет что-то или кого-то очень важного для нее, и эта встреча должна полностью изменить ее жизнь. Но сегодня она ничего так и не успела найти.

Утро заглянуло в окно безликого гостиничного номера веселым солнечным лучом, и ночные страхи снова спрятались где-то под кроватью, терпеливо ожидая своего часа.

Этим же вечером в самом элитном из всех заведений, принадлежащих Магомеду, внезапно сменилась солистка. Посетители приняли Марьяну на ура. Столичная школа и утонченный шарм сделали свое дело. Сама она была несколько огорчена, рассчитывая занять место безголосой девицы из гостиничного ресторана, она и не предполагала, что восхищенный хозяин ради нее подвинет другую, вполне достойную кандидатуру.

Когда Марьяна услышала, как поет Светлана, ей стало неудобно. Она полностью отдавала себе отчет, что у той и голос лучше, и таланта больше. Единственное преимущество Марьяны – неизмеримо более выигрышные внешние данные, о чем она честно сказала Магомеду. И получила немедленный ответ:

– Для ресторана это – главное. Ноты здесь никому не нужны. Нужны совсем другие вещи, а у Светки их нет.

Истинная правда. Света была достаточно невзрачной женщиной, поэтому Марьяна промолчала. Единственное, что она смогла сделать для бывшей солистки, так это уговорить Магомеда не выгонять ее, оставив для разогрева публики в начале вечера и сохранить прежнюю зарплату.

Марьяна ослепительно улыбалась, как должное принимая восхищенные поздравления новоиспеченных поклонников, завсегдатаев заведения. Но на душе скребли кошки, особенно когда она видела скромно приютившуюся в самом темном уголке зала Светлану. Про себя Марьяна решила на следующий день поговорить с ней.

– Свет, ты меня извини. Я не хотела, чтобы все так произошло. Это случайность. Я сразу сказала Магомеду, что голос у тебя лучше, – нервно накручивая на палец прядь волос и глядя в пол, монотонно говорила Марьяна, переминаясь с ноги на ногу перед остановившейся в дверях Светланой.

Она лучше других знала, чего стоит место певички в подобном заведении, и прекрасно понимала – ее приход полностью перекрывает кислород всем потенциальным возможностям Светы. Будучи по натуре добрым человеком, Марьяна очень не хотела начинать свою карьеру с причинения зла своей предшественнице. И она постаралась сделать все возможное, чтобы хоть немного смягчить внезапно нанесенный удар.

Марьяна специально пораньше пришла в ресторан и поджидала разжалованную солистку, чтобы поговорить с ней наедине. В руках, как талисман, она крутила серебристый шарфик. Ожидая вполне оправданного возмущения, Марьяна даже слегка сжалась, как перед ударом. Но ответ Светланы ошеломил ее.

– Какие мелочи, – мило улыбнулась та. – Мне ведь сохранили зарплату. А все остальное – фигня. Даже еще лучше, смогу домой пораньше уйти, а то вкалываешь тут, как лошадь, всю ночь. Теперь хоть выспаться можно, и выходные чаще будут, ведь нас двое. Я надеюсь, мы станем подругами? – уж совсем неожиданно предложила Света.

Марьяна согласно кивнула и благодарно улыбнулась. Встречая в своей жизни не так много хороших людей, она была поражена таким добродушным отношением к событию и точно знала, что сама не восприняла бы это так философски. Марьяна впервые очень внимательно посмотрела на Свету.

Невысокая, плотненькая, с короткими осветленными завитыми волосами и внимательными черными глазками, она была стандартно симпатичной, но какой-то незапоминающейся, абсолютно без шарма и индивидуальности. Такие толпами ходят по улицам, и отличить одну от другой почти невозможно. Их частенько ставят бэк-вокалистками, чтобы они своими подпевками вытягивали почти безнадежные голосочки звездочек-однодневок. В результате стандартной гримировки такие девушки становятся похожими друг на друга как близнецы, и различить их становится очень сложно.

Марьяна махнула рукой и вздохнула с облегчением. Можно считать инцидент исчерпанным, если объект ее переживаний сам воспринимает ситуацию так оптимистично, так

нечего и ей волноваться. Единственное, что испортило так удачно начавшийся вечер, – какой-то козел-посетитель умудрился прожечь сигаретой ее любимый шарф. Последнее время Марьяна стала относиться к нему как к талисману. Ей неизменно везло, когда она брала его с собой. Теперь придется его выбросить, а жаль.

Ну а в целом Марьяна была рада, что, только появившись в совершенно незнакомом городе, она сразу приобрела хорошую работу, радужные перспективы и подругу. Эта новоиспеченная подруга оказалась первой, кому Марьяна рассказала, что вскоре выходит замуж и приглашает ее на свадьбу в качестве свидетельницы.

Примерно через месяц после поспешного бегства из Москвы, двери местного загса распахнулись перед почти счастливой и снова уверенной в себе женщиной. Она добилась практически всего, чего хотела. Наплевать, что «молодой муж» далеко не молод и не слишком привлекателен, зато он обожает ее и аккуратно сдувает пылинки, которые имеют наглость садиться на его красавицу-жену. Под Марьяну делают музыкальные программы приглашенные из Москвы специалисты. Она очень быстро стала самой популярной женщиной в городе. Теперь в ресторан ходят не поесть, а посмотреть на Марьяну. К тому же муж – самый богатый человек в городе, а это немаловажно. Когда она еще немного укрепит свое положение, то сможет поехать в Москву и плюнуть в рожу жалкому альфонсу Стасу.

Теперь Марьяне бояться нечего, за спиной неслабая кавказская мафия, и она это прекрасно понимала. Они за нее всегда перережут горло любому, потому что теперь она своя, если не по крови, то по статусу, ее имя отныне – Марьяна Хамбиева, а все остальное, как говорит подружка Светка, фигня, на это можно наплевать и забыть. Любовь со всеми прилагаемыми к ней атрибутами, в сущности, – тоже фигня, о которой можно забыть, по крайней мере на некоторое время. Не стоит это глупое чувство ее переживаний, да еще в такой знаменательный день. Вокруг, с роскошными подарками и глупыми поздравлениями, крутятся властные и финансовые

тузы местного розлива. Жизнь прекрасна, решила Марьяна, грациозно усаживаясь в неизвестно откуда пригнанный белоснежный «роллс-ройс». Теперь ее ждет другая жизнь, и она сумеет взять от нее все!

После медового месяца, проведенного в круизе по Средиземноморью, Марьяна вернулась к «прозе жизни» – вечерним выступлениям, подруге Светке и пустому ресторанному трепу. К счастью, Магомед ничего не имел против ее выступлений. Это льстило его самолюбию.

Каждого человека хоть что-то отличает от остальных. Кого ум, кого способности, кого красота телесная, а кого и душевная. Магомеда же бог наградил непомерными амбициями. С детства он мало чем отличался от окружающих сверстников. Из-за отсутствия каких-либо данных маленького Магомеда не приняли в детский танцевальный ансамбль. В музыкальную школу его тоже не приняли. Это стало для него настоящей трагедией, и хотя сам правильно не смог бы вывести ни одной ноты, но музыку чувствовал хорошо. Более удачливые дети всегда вызывали у Магомеда желание превзойти их в чем угодно, но превзойти.

Так рождались амбиции. Они незаметно росли и к моменту окончания школы достигли угрожающих размеров. В то время Магомед еще толком не знал, в чем сможет себя проявить, но желание было таким огромным, что ни для чего другого уже просто не оставалось места.

Так он стал тем, кем стал. Амбиции пока были удовлетворены, но не прекратили своего существования, проявляясь порой самым неожиданным образом.

Жизнь вошла в свою привычную колею, и Марьяна затоковала. Одним из проявлений этого тоскливого состояния стало возвращение странных ночных кошмаров. Утром ей с трудом удавалось вызвать в памяти только разрозненные обрывки воспоминаний. Но они не давали в руки Марьяне ни одной ниточки. В итоге, она так и не смогла сообразить, о чем же предупреждали возвращающиеся снова и снова ночные видения? Она, как и прежде, в отношениях со Стасом, решила задвинуть их куда подальше и постараться забыть.

В один из вечеров выяснилось, что из Москвы к ним должны приехать партнеры Магомеда по бизнесу, и принять их нужно соответствующим образом. Марьяна не лезла в дела мужа, поэтому ей достаточно было его слов.

Вечером, сидя перед зеркалом и заканчивая сценический макияж, она внушала Светке:

– Приедут солидные люди из Москвы, ты причепурись получше. Вдруг кто клюнет, найдешь себе спонсора...

– Да кому я, на хрен, нужна с такой-то рожей и всем остальным? – неожиданно зло бросила Света.

Марьяна оторвалась от зеркала и изумленно уставилась на подругу. Такого она от нее еще не слышала.

– Да ладно тебе, нормально выглядишь. Не хуже других, – Марьяна улыбнулась. – В конце концов, голос у тебя дай бог каждому, а внешность – дело визажиста. Найдется спонсор, будет такой визажист или даже пластический хирург, который не то что из тебя, а из Бабы Яги конфетку сделает. Успокойся и покажи товар лицом. Можешь мне поверить, таких исполнителей, как ты, и в Москве не пруд пруди.

– Если бы у меня было хоть что-то как у тебя, – мечтательно протянула Светка, – ну не лицо, так хоть фигура или волосы, а так ведь уцепиться не за что! – И она почти с ненавистью уставилась на свое отражение в зеркале позади Марьяны.

– Дело не во внешности, – наставительно произнесла та. – Мне несколько лет никакая внешность не помогала, пока я во всяких забегах за копейки корячилась, – Марьяна поймала в зеркале удивленный и заинтересованный Светкин взгляд.

– Да? – удивленно пробормотала подруга. – А я думала, при таких внешних данных тебе всегда все на блюдечке с голубой каемочкой подавалось, – она смотрела на Марьяну с каким-то странным выражением.

Поверхностный наблюдатель мог бы расценить этот взгляд как сочувствие, но в глубине темных Светкиных глаз бушевали совсем другие бури. В зеркальной глади их лица были почти рядом, и полный ненависти карий взгляд так быстро перебегал с одного на другое, что определить, кому

же конкретно он все-таки адресован, было практически невозможно.

Но Марьяна не была настроена заниматься психоанализом, поэтому услышала только слова и приняла их за выражение сочувствия.

Она уже готова была выложить насторожившейся Светке свою печальную историю, но в этот момент в комнату постучали, а потом, не ожидая ответа, Магомед просунул в дверь довольную и улыбающуюся физиономию. Он, как обычно, с восхищением оглядел Марьяну, скользнул равнодушным взглядом по Светлане и поторопился:

– Через полчасика будьте готовы, красавицы.

Краем уха Марьяна уловила подавленный и разочарованный Светкин вздох. Было слишком очевидно, к кому относилось слово «красавицы». Дождавшись от Марьяны короткого утвердительного кивка, голова Магомеда исчезла за дверью. В последний момент, перед тем как за ним закрылась дверь, Марьяне показалось, что муж чем-то озабочен. Но у нее не было желания вникать в его деловые проблемы. Выждав несколько мгновений после ухода хозяина, Света неожиданно сказала:

– Правда, что-то мне тошно сегодня. Я и тебе кайф поломала своим нытьем. Давай поднимем себе настроение.

– Вызовем по-быстрому клоунов? – в голосе Марьяны не было слышно энтузиазма.

– Лучше, – ухмыльнулась Светка и с заговорщическим видом полезла в сумку. Вскоре она выудила оттуда две розовые таблетки. – Выпьешь, и всю хандру, как рукой снимет, – подмигнув, почти шепотом предложила она.

– Что это? – с недоверием разглядывая розовые кругляшки на ладони подружки, попыталась выяснить Марьяна.

– Таблетки счастья, – хихикнула та.

– Как мало человеку надо для счастья, – фыркнула Марьяна. До нее все еще не доходил смысл Светкиного предложения полностью.

– Кончай трепаться, давай хряпнем, чтобы к выступлению успело забрать. Тогда точно все будет в лучшем виде, – Светлана поставила перед женой хозяина бутылку с минеральной водой.

– А это не опасно? – Марьяна все еще сомневалась.

– Совсем нет и даже очень приятно. Выпьешь и поймешь, как я права. Посмотри на меня. Я пользуюсь ими уже... – Светка задумчиво завела глаза к потолку, будто вспоминая, как давно это случилось, но, так и не придя к однозначному выводу, закончила: – В общем, давно. И, как видишь, ничего со мной не случилось.

Возможно, Марьяна все-таки отказалась бы от сомнительного предложения, но ей было жалко Светлану, не хотелось еще больше ее расстраивать. А совместное мероприятие могло развеять давящее чувство одиночества подружки. В конце концов, от одного раза ничего не будет. Ну, попробует и все, больше – никогда. Марьяна забросила в рот большую розовую таблетку и запила несколькими глотками воды из бутылки. После этого она с улыбкой посмотрела на подружку:

– Ну что, довольна?

– Сейчас ты будешь довольна, – уверенно заявила Светка, тоже делая глоток из другой бутылки.

– А что это все-таки? – Марьяна еще не почувствовала никаких изменений. Тревога опять дала о себе знать мерцающим маяком.

– Да так, мелочевка, экстази называется. Слышала? – Марьяна молча кивнула. – Ее детишки на дискотеках пьют, чтобы веселее было. Не героин какой-нибудь, а детская веселилка.

Марьяна снова молча кивнула и протянула руку за водой. Ей почему-то очень захотелось пить. В самом деле, она где-то слышала, что экстази молодежь частенько употребляет в клубах и на дискотеках. Сама Марьяна никогда не сталкивалась с этим вплотную, но знала, что такие игры небезопасны. Накатывающая зыбь волнения осталась где-то далеко позади. На душу вначале опустилось тихое блаженство, быстро сменившееся радостным возбуждением.

Ей захотелось спуститься в зал, чтобы танцевать всю ночь до упаду. Мрачноватые краски окружающей комнаты стали ярче и наряднее, а предметы выпуклее. Все вокруг стало принимать совершенно иные очертания, казавшиеся намного привлекательнее тех, какими были до этого. Оставалось надеяться, что окружающих людей тоже коснутся эти

волшебные превращения. Сидеть в ожидании своего выхода уже просто сил не было. Зря Светка дала ей таблетку так рано. Надо было подождать хотя бы полчаса. Вот тогда она оторвалась бы по полной программе, а теперь сиди и мучайся. Светке хорошо, ей уже сейчас на сцену. То-то она пританцовывает на месте. Ладно, она тоже не будет сидеть здесь в тоскливом одиночестве. Надо пойти познакомиться с москвичами. На Магомед свет клином не сошелся. Да и зачем ей этот сморчок? Сейчас она поняла – ей нужен настоящий мужчина...

Марьяна изящно вспорхнула со стула, ослепительно улыбнулась подружке и заявила:

– Я пойду в зал с гостями знакомиться. На сцену всегда успею, к тому же сейчас – твой выход. А таблетки – просто супер. Светка – ты молодец, настоящий друг, знаешь, как человека подбодрить.

Она, едва ступая по ковру, выскочила за дверь. До гримерки донеслось только удаляющееся поцокивание каблучков. Светлана с неопределенной улыбкой несколько секунд смотрела на закрывшуюся дверь, а потом вытащила из-за щеки большую розовую таблетку, положила ее в салфетку, тщательно завернула и бросила в сумку. Не стоит оставлять никаких следов, а сейчас и правда – ее выход.

ГЛАВА 4

Оперативник ждал агента уже полчаса. Это настораживало. Агент с оперативным псевдонимом «Янтарь» никогда не позволял себе таких вещей. К тому же он сам позвонил и вызвал на встречу. Значит, появилась какая-то срочная информация. Внимание привлекли два человека, не спеша приближающиеся к лавочке, на которой он сидел. Профессиональное чутье не подвело. В последний момент он успел, перемахнув через скамейку, скрыться за ней, и пуля только царапнула плечо. Ответные выстрелы были более меткими. Киллеры были мертвы, еще не успев упасть на землю. Оперативник недовольно сплюнул. Нужно было постараться хоть одному сохранить жизнь. Вызвав убойный отдел, он покинул

место встречи. Теперь надо срочно ехать на квартиру Янтаря. У оперативника возникли реальные опасения за жизнь агента. Через полчаса он убедился, что был прав. Пришлось вызывать убойный отдел и туда.

Даже невооруженным глазом было видно – агента перед смертью пытали. Его квартира представляла собой зрелище не для слабонервных. Самым неприятным было осознание того, что те, кто провел беседу в лучших традициях святой инквизиции, тоже были профессионалами в своем деле и наверняка не оставили следов. Зато теперь они знали все или почти все.

Единственным, хотя и слабым, утешением в данной ситуации могло стать то, что если квартиру агента посетили те самые киллеры, которые приходили за ним, то они уже ничего никому не скажут. Если же нет, то под угрозой была сложная и хорошо продуманная операция, запросто могли пострадать задействованные в ней люди. Оперативник закурил и сел на подоконник в ожидании полиции. Ему надо было подумать, как составить рапорт областному начальству. А те, в свою очередь, обязаны отчитаться в российском отделении Интерпола.

Почти в это же самое время в международном аэропорту «Шереметьево-2» приземлился борт из Люксембурга. Несмотря на более чем скромные размеры этого государства, затерянного посреди европейских просторов, его жители в основной своей массе были люди далеко не бедные. Причем гражданином Люксембурга может стать практически любой желающий, у кого есть банковский счет на достаточно крупную сумму и желание заплатить за необременительное гражданство энное количество денег.

Одним из таких скромных граждан маленькой европейской страны был господин с классической русской фамилией Иванофф, внешность которого тоже не оставляла сомнений относительно национальной принадлежности. Он спокойно миновал таможду и как раз выходил из здания аэропорта. Светло-карие внимательные глаза господина Иванофф изучали окружающую обстановку. Он явно чего-то побаивался.

Покинув родину несколько лет назад при весьма щекотливых и неприятных обстоятельствах, теперь он снова ступил на землю бывшей родины, а ступив, опять почувствовал если не страх, то уж волнение точно. Но это не было волнение, связанное с ностальгией по утраченной, а затем вновь обретенной родине. Это было крайне неприятное чувство, какое-то ощущение близкой опасности.

Наверное, именно так чувствует себя волк, попав за флажки. Он всеми силами старается вырваться из их смертельного круга, но ему это никак не удастся. А вокруг охотники, много охотников, и все они хотят поймать волка на мушку. Их много, а он один.

Сейчас господин Иванофф был почти уверен – ему ничего не угрожает. Прежде чем решиться снова приехать сюда он навел справки и убедился, что никого из тех, кто представлял опасность для его драгоценной жизни тогда, сегодня уже нет в живых. Все они погибли в криминальных разборках. На их место пришли новые люди, и они совсем не против иметь дело с талантливым химиком Олегом Ивановым.

За несколько лет, проведенных за границей, в спокойном и размеренном Люксембурге, Олег отвык от московской суеты. Зато сейчас, почти что со стороны, ему были лучше видны произошедшие перемены. Они коснулись даже аэропорта. Уже при выходе взгляд Иванова скользнул по тихо щелкающему табло прилета-отлета самолетов. Он мысленно вернулся на несколько лет назад.

Два молодых химика решили открыть небольшой заводик по производству лекарств. Сложив свои небольшие сбережения, они арендовали у разваливающегося фармацевтического завода маленький цех. Оба начинающих бизнесмена в тот момент не учли одного – если у завода не хватило сил выстоять, то уж у них и подавно вряд ли что получится. Поняли это они слишком поздно, когда завязли в долгах по самые уши. Опасность для жизни стала вполне реальной. Надо было срочно искать выход. Сейчас Олег уже не помнил, кому из них первому пришла в голову эта идея. Но, появившись на свет убогой и слабой, она стала быстро расти и набирать силу.

Химики сидели в лаборатории сутками стараясь изобрести что-нибудь подходящее. Что-то такое, что могло бы принести не только огромный, но и мгновенный доход. То, что, наконец, даст им стабильное и спокойное существование. Потому что время оставленной им жизни убывало с катастрофической быстротой, неумолимо сжимаясь, как шагрeneвая кожа. Его с каждым часом становилось все меньше и меньше. А умирать они оба совершенно не хотели. Вот и ломали свои умные головы сутки напролет, закрывшись в лаборатории и без конца повторяя осточертевшие безрезультатные опыты.

День, когда они поняли, что вот он, момент истины, Олег запомнил на всю жизнь. У вновь изобретенного наркотика еще не существовало названия. Это был синтетический, очень дешевый в изготовлении препарат, обладающий эффектом почти моментального привыкания.

Вскоре с долгами они рассчитались, и деньги потекли широкой и полноводной рекой. Для начала крупного бизнеса время было просто идеальное. Никто ни за что не отвечал. Никого ничего не интересовало. Так думали друзья-химики, но ошибались. Оказалось, что еще как интересовало, только не правоохранительные органы, а их коллег по бизнесу и одновременно конкурентов.

Правда, узнать об этом довелось только Олегу, когда однажды ясным летним утром он получил известие, что его приятеля прямо около дома взорвали в новеньком «мерседесе». О чем Иванова поставили в известность, позвонив по телефону и со специфическим акцентом предупредив о подобных перспективах и для него лично. Олег недолго думая собрал все свои многочисленные кредитные карточки и покинул пределы России.

Вначале химик наивно рассчитывал продолжить свое доходное дело за границей, но попав туда, понял, что лучше не рисковать. Оказалось, в Европе борьба с наркобизнесом поставлена значительно лучше, чем в России.

За несколько лет, поменяв несколько стран, Олег, наконец, прижился в Люксембурге, где вскоре стал вхож в высшие слои общества. Его принимали в лучших домах. Но

деньги, даже очень большие, которыми вначале обладал Иванов, имеют свойство заканчиваться. Когда эта безрадостная перспектива приблизилась к нему вплотную, химик заволновался.

Оказалось, что в Люксембурге найти работу по специальности было более чем проблематично, если учесть, что там нет ни одного сколько-нибудь приличного производства. Жители этой маленькой страны очень заботятся о своей экологии и не отравляют ее какими бы то ни было отходами. Сделав несколько безуспешных попыток организовать прибыльный и доходный бизнес, Иванофф вскоре понял, что все лучшие места уже разобраны, и он может рассчитывать разве что на должность скромного клерка в каком-нибудь местном банке. Такое положение дел сильно унижало Олега в собственных глазах, потому что он небезосновательно считал себя талантливым человеком в своей области, и его амбиции простирались значительно дальше старшего клерка над двумя другими.

Скромное объявление в Интернете было понятно только посвященным. Несколько очень привлекательных предложений не замедлили поступить. Олег остановился на одном, показавшемся ему самым заманчивым. Во-первых, оно было из России, где дешевая рабочая сила и большой рынок. Во-вторых, на родине – самая коррумпированная таможня, на случай вывоза товара. И еще много чего привлекательного. Минус был один, но большой. Лично для него Россия оставалась самым опасным местом на земле.

Однако кто не рискует, тот не пьет шампанского. Там же, в Интернете, Иванов нашел адреса нескольких частных детективных агентств. Он догадывался, кто взорвал его партнера в Москве. Поэтому, связавшись с сыщиками, поручил им узнать, как идут дела у его врагов. Полученные отчеты успокаивали, но внутреннее волнение все же осталось. Оно явственно выражалось в быстрых косых взглядах, которые Олег напряженно бросал по сторонам, в нервном потирании рук и передергивании плеч. Но деньги... ах, какие деньги можно было заработать на этих необъятных просторах! Они стоили риска, которому Иванов себя подвергал, вернувшись в Москву.

Толстая потная тетка в спортивном костюме размером с небольшой парус и с необъятной пластиковой сумкой в руках, налетела на Олега и смачно обругала его почти забытыми словами. Это сразу вернуло «иностранца» на грешную российскую землю. Он в который раз обвел глазами открывшуюся перед ним площадку и снова нервно поежился. Неприятное ощущение выслеживаемой дичи его не оставляло. Казалось, взгляды преследователей прожигали одежду, но зафиксировать их он не мог, как ни старался. Олег призвал на помощь все известные ему детективные приемы, почерпнутые из книг и фильмов. Но они тоже не дали желаемого результата. Тогда он решил, что просто слишком нервничает.

Наконец, господин Ивановф заметил, что к нему направляется высокий смуглый мужчина в темных очках. В первый момент гражданин тихого Люксембурга напрягся, но внимательнее рассмотрев незнакомца понял: этот не из органов. Под расстегнутой у ворота рубашкой виднелась толстая золотая цепь, на пальцах пара печаток с бриллиантами, которые слепили глаза даже на расстоянии. У какого-нибудь служивого годовой зарплаты не хватит купить такую роскошь.

Иванов расслабился и широко улыбнулся. В ответ получил довольно сдержанную ухмылку и равнодушный кивок. Влажный страх, уже затаившийся где-то в глубине сознания, снова зашевелился. Олег затравленно оглянулся, как бы прикидывая, не вернуться ли назад, схватив первый попавшийся билет куда угодно и бежать, бежать без оглядки подальше из этой страшной страны. Видимо, почувствовав его паническое настроение, встречающий слегка успокоил химика:

– Да не волнуйтесь так. Никто вас здесь не съест.

Внезапно еще одна неприятная мысль шевельнулась в голове Иванова. Они ведь никогда не встречались. Как мог этот человек так безошибочно его вычислить? Нет, пожалуй, надо было выбирать Польшу или Эстонию. Там не так доходно, но зато гораздо безопаснее. Олег резко остановился, только сейчас сообразив, что, несмотря на все мрачные мысли, он послушно катил свой чемодан за незнакомцем.

– Прошу, – равнодушно процедил тот, открывая перед Олегом необъятный багажник джипа.

С неприятным чувством кролика под ледяным взглядом удава Иванов машинально загрузил вещи и со смиренной покорностью тяжело опустился на сиденье. Мысленно он уже прощался с жизнью. Несмотря на свои внушительные габариты джип легко тронулся с места. Олег нервно ерзал на сиденье, растерянно оглядываясь по сторонам. У него появилось предчувствие, что едут они вовсе не в Москву.

– Если так боитесь, стоило ехать в такую даль? – словно прочитав его мысли, нарушил спутник молчание, ставшее уже невыносимым.

– Просто... – пытался оправдаться Олег, – просто я ожидал несколько, км... другого приема.

– Удивлены, что вам никто не бросился на шею?

– Нет, я удивлен другим, – почти шепотом, хрипло пролепетал Иванов, во рту у него было сухо, как в пустыне, а язык ворочался с большим усилием.

– Тем, как я вас узнал? – опять прочитал мысли незнакомец.

Химик молча обреченно кивнул.

– Ну... скажем так, у нас есть свои источники, – обтекаемо сказал собеседник и добавил: – Кстати, меня зовут Денис, – запоздало представился он. Почему-то это сразу успокоило Олега. Он даже слегка улыбнулся, наивно решив, что убийца вряд ли станет знакомиться с жертвой перед тем, как ее прикончить. А Денис между тем продолжал: – Не стоит паниковать, просто мы едем не в Москву, хотя достаточно близко от нее. Там нас уже ждут нужные люди, и в спокойной обстановке мы сможем обговорить детали.

Иванов почувствовал, как от сердца отступает давящая тяжесть. Жизнь снова показалось вполне приемлемой, а бывшая родина совсем не такой страшной. Теперь можно было не спеша хорошенько обдумать свои условия и предложения. То, что производство будет располагаться не в Москве, это даже лучше, безопаснее, ведь вокруг будут только свои. Узкий круг посвященных людей. Олег покосился на Дениса. Это ж надо было, за интеллигентным человеком, каким он

себя считал, послать такого... Иванов даже не мог придумать достойного определения этому типу.

Правда, выражался он весьма грамотно, но вот все остальное... Хотя, не стоит зря привередничать. Может быть, это лучший из тех, кто у них есть, а остальные так и вовсе гамадрилы. Все приличные люди уже давно покинули этот анклав нищеты и убогости, размышлял Олег, в первую очередь относя к приличным людям именно себя. Успокаиваясь таким образом, он повернул мысли в более приятную колею, стал размышлять о том, сколько денег удастся сорвать с данного мероприятия и когда он сможет вернуться в Люксембург. Голубой мечтой Иванова было осесть там окончательно, женившись на дочке кого-нибудь местного из высшего света.

За окном бесконечной унылой лентой мелькал почти забытый пейзаж с чахлыми березками, чередующимися с полузаброшенными нищими деревеньками. Эта страна всегда, еще со студенческих лет, вызывала у него необъяснимое, но устойчивое раздражение. Нервное возбуждение постепенно отступало. Ему на смену пришла тяжелая усталость. А вскоре, убаюканный комфортабельной машиной, Олег, незаметно для себя, задремал.

Проснулся он от довольно ощутимого тычка в бок. Испуганно открыл глаза и осоловело огляделся. В подступающих сумерках перед ним переливались неоновым светом несколько вполне живописных березок, образующих одноименную надпись на фасаде внушительного здания.

– Пока будем жить здесь, – коротко сообщил Денис, открывая дверцу машины.

Внутри отель производил хорошее впечатление. До прихода Дениса Олег успел немного отдохнуть и привести себя в порядок для знакомства с будущими партнерами по бизнесу. Около десяти вечера Денис снова посадил его в джип, и они поехали, как странно выразился этот интеллигентный мафиозо, на стрелку. Иванов только тяжело вздохнул, он пока еще с трудом ориентировался в современных российских неологизмах. Но, кажется, выражение «забить стрелку», означало – назначить встречу.

Странно, но вывеска заведения, около которого они остановились, выглядела точно так же, как гостиничная, будто они просто сделали круг по городу и вернулись на то же самое место. Не успел Олег вслух удивиться такой метаморфозе, как Денис уже разъяснял:

– Все «Березки» принадлежат одному человеку. Если сговоримся, возможно, он будет заодно и хозяином производства.

Из «березового дупла» суетливо выскочил человек и, радостно улыбаясь, пригласил внутрь. Он провел их через заполненный посетителями, роскошно, хотя несколько аляповато, оформленный зал. Открыл почти незаметную в стенной панели дверь, и они оказались в небольшом уютном кабинете, одну стену которого частично занимало затемненное стекло, через которое можно наблюдать за происходящим в зале. Значит, глазам публики по ту сторону представлялось огромное зеркало, подумал Олег.

Им навстречу поднялся невысокий мужчина. Он улыбнулся Денису как старому знакомому, а Иванова окинул холодным оценивающим взглядом.

– Познакомьтесь, господа, – официально произнес Денис. – Это Олег Иванов – подающий большие надежды химик, а это Магомед Султанович – будущий хозяин нашего, гм... совместного проекта.

Сердце Иванова тревожно затрепетало. Он ничего не забыл и после известных событий просто терпеть не мог этих представителей дружественного Кавказа. И вот, пожалуйста, ему предстояло не только иметь дело с одним из них, но еще и получать от него свою долю прибыли. Провались они все к чертовой матери, решил про себя Олег, а вслух произнес классическое:

– Приятно познакомиться, – и постарался как можно более приветливо улыбнуться. Но улыбка вышла какая-то жалкая и кривоватая. Он это и сам понял.

Их еще не начавшуюся толком беседу прервал звук открывающейся двери. Магомед с недовольным видом повернулся на звук, но увидев, кто вошел, оставил эмоции при себе, а Олег с удовольствием отметил, что все-таки не зря приперся в этот провинциальный городок.

В дверях стояла совершенно потрясающая женщина. Неужели эти волосы нереального лунного цвета могут быть естественными? Тем не менее выглядели они совершенно живыми. Даже на высоких приемах в Люксембурге он не встречал подобных женщин. Иванов решил, что должен немедленно заполучить такую красотку. Ведь ему предстояло провести в этом городишке довольно долгое время. А кто, как не красивая женщина, может помочь мужчине скрасить унылую прозу жизни, которая, по его мнению, всегда сопутствует пребыванию в провинции? Олег по-петушиному расправил плечи и попытался придать своему бесцветному взгляду призывный блеск.

– Я не слишком помешаю вашему деловому разговору, если присоединюсь к компании? – низким, хриловатым голосом осведомилась красавица.

– Нет-нет, присоединяйтесь пожалуйста. – Олег решил, что раз остальные участники разговора промолчали в ответ на такое заманчивое предложение, то хотя бы один человек должен проявить европейскую галантность. Он вскочил и выдвинул для незнакомки оставшийся незанятым стул, на который она сразу же грациозно опустилась.

К немалому удивлению химика, Магомед хотя и молчал, но смотрел на вошедшую с явным неодобрением. Казалось, она совершенно этого не замечала, пока кавказец не заговорил.

– Зачем ты пришла? – спросил он как законченный восточный деспот.

Прекрасная незнакомка несколько секунд изучала Магомеда так, словно увидела впервые в жизни, а потом совершенно спокойно спросила:

– Почему, собственно, ты не хочешь познакомить меня с гостями?

Магомед снова недовольно засопел, потом помолчал, а в итоге процедил сквозь зубы:

– Познакомьтесь, моя жена – Марьяна...

В этот момент Иванов предпочел, чтобы земля разверзлась под ногами и поглотила его сразу и без остатка.

В его технической голове, по привычным алгоритмам, сразу же защелкали многоступенчатые расчеты. Их итог свелся к нескольким коротким и четким пунктам: быстрое обогащение с помощью Магомеда. Он, Олег, естественно, умнее, поэтому справится без особого труда. Затем избавляется от самого Магомеда и бросает к ногам лунной принцессы весь мир. Она стоит того и, бесспорно, согласится на его предложение жить на Западе. Кто же откажется от такой заманчивой перспективы? К тому же с ее внешними данными Марьяна сможет сделать там головокружительную карьеру топ-модели или еще что-нибудь в этом роде.

Олег, как и многие люди, ошибочно полагал, что его мнение является истиной в последней инстанции. Если он так решил, значит, так тому и быть, а что при этом думали окружающие, его мало интересовало.

Обычно это качество присуще людям самоуверенным, а таковым Олег никогда не был. Скорее он относился к людям с врожденной способностью к логическому мышлению. Но любое логическое умозаключение почему-то неизбежно приводило Иванова к выводу о собственном превосходстве над окружающими. Впервые он об этом задумался, когда получил в придачу к аттестату зрелости золотую медаль. Институт тонкой химической технологии им. Д.И. Менделеева для золотого медалиста не оказался непреодолимым препятствием, а диплом с отличием по его окончании – скорее логическим следствием. Дальше должна была следовать аспирантура, потом – ученые степени, звания, почетные дипломы и, может быть, Государственная премия...

Но неожиданный зигзаг истории перечеркнул все далеко идущие планы, смел все традиции и выбросил его на рынок, где больше ценилась не логика мышления, а логика выживания, находчивости и предприимчивости. Правда, на рынке труда он оказался не с пустыми руками.

Между тем Магомед, не подозревая о скорбной участи, которую уготовил ему новоиспеченный компаньон, продолжил представление:

– Это – Денис, наш партнер из Москвы, а это – Олег, он... – Кавказец немного помялся, подыскивая нужное вы-

ражение, но так и не придумав ничего подходящего, закончил, – в общем, он тоже будет работать с нами.

– Очень приятно, – очаровательно улыбаясь, пропела Марьяна.

Иванов искоса посмотрел на Дениса. Ему хотелось узнать, произвела ли жена Магомеда такое же впечатление на москвича, и если да, то в его лице он может получить очень опасного конкурента. Олег заметил, что Денис смотрит на Марьяну каким-то странным, пылливо-изучающим взглядом.

Он еще раз, теперь внимательнее оглядел красавицу. Ничего, что могло вызвать такой повышенный интерес, он не заметил. Пожалуй, она была немного возбуждена и, наверное, чтобы приглушить это чувство, часто пила минералку из высокого запотевшего стакана.

Пока партнеры занимались обсуждением своих дел, Олег решил начать атаку на красавицу. Свято веря в поговорку: «Женщины любят ушами», Иванов стал активно проверять теорию практикой. А рассказать ему было что. Марьяна, казалось, внимательно слушала, глядя на Иванова расширенными и горящими от восхищения глазами. Ее откровенный интерес вдохновлял его на новые подвиги. Рассказы лились не просто рекой, а бурным, все сметающим на своем пути потоком. Войдя в азарт, химик даже не услышал обращенных, в первую очередь, к нему слов Магомеда, но зато не пропустил короткий ироничный смешок Дениса, сопровождающийся ехидной репликой:

– Прекращайте, голубки, даме пора на сцену.

– Ой, правда. Я совсем забыла, – Марьяна поморгала небесной синевы глазами с сексуально расширенными зрачками и мгновенно вспорхнула из-за стола, не забыв на ходу похвалить Иванова: – Олег, вы потрясающий рассказчик, я с удовольствием послушаю еще.

Не успела за ней закрыться дверь, как химик сразу же почувствовал себя очень неудобно под тяжелым неприязненным взглядом Магомеда, который тот сопровождал увесистым ударом кулака по столу, аж приборы подпрыгнули и обиженно зазвенели. Лицо из приветливо-добродушного моментально превратилось в настоящую маску ярости:

– Даже не мечтай, пес. Это моя жена. Сейчас ты у меня в гостях и только поэтому еще жив. Хочешь работать, работай. Попробуешь еще раз флиртовать – пожалеешь, что вообще родился.

Олег вздрогнул и жалобно посмотрел на Дениса. Он надеялся, что москвич, как европеец, должен за него заступиться, но тот даже головы не повернул в его сторону, меланхолично разглядывая ингредиенты салата в тарелке. Иванов воспринял такое поведение как молчаливую поддержку хозяина заведения и счел за лучшее в такой ситуации извиниться:

– Вы меня не так поняли. Это всего лишь недоразумение, прошу меня извинить. Я просто увидел, что даме здесь скучно, и постарался ее немного развлечь своими рассказами о дальних странах.

– Ну-ну, клоун, – неопределенно протянул Магомед, успокаиваясь, и предложил: – А сейчас послушайте, как она развлекает гостей.

С этими словами он настежь раскрыл дверь кабинета. Их глазам предстала сцена, залитая переливающимися огнями. Марьяна на сцене выглядела еще лучше. Голос был не очень сильный, но приятного тембра, и она умело им пользовалась. Зал визжал и топал от восторга. Олег с готовностью присоединился бы к этому всеобщему гимну восхищения, но присутствие сурового мужа сильно охлаждало изъятие любых чувств.

Магомед тоже заметил, что Марьяна сегодня в ударе, но в чем причина, понять не мог. Единственный разумный вывод, который напрашивался сам собой, был неутешителен – появление этого паршивого заграничного гостя и его поганый длинный язык. Это совсем не радовало Магомеда, поэтому вывод его был жестким – использовать химика как можно быстрее и после этого избавиться от него, как от ненужного хлама. Когда он будет как следует выпотрошен, то уже не станет представлять никакой ценности. Туда ему и дорога.

Магомед бросил косой взгляд на химика, сплюнул на пол и растер ногой, живо представляя на месте плевок господина Иванова. Додумав эту мысль, тяжелым взглядом уставился на сцену. Он не видел и не слышал ничего, что на ней про-

исходит. У него были проблемы поважнее. Как настоящий мужчина, он не говорил о них партнерам. Один из его людей оказался предателем, пришлось с ним разобраться. Но разобрались не совсем удачно, и эти ребята тоже сыграли в ящик. Их прихлопнул какой-то оперативник. Что это было? Случайность? Или они угодили в разработку? Его источники в соответствующих органах ничего не знали. И это состояние неизвестности мучило Магомеда больше всего. Чутье тихим шепотом предупреждало об опасности, но откуда?

Понятно, здесь все свои, дело замнут, но... Но ему было неизвестно, куда приведут нити расследования. Это его нервировало. Где-то в подсознании периодически всплывала неприятная мысль, что «мозг» этих подозрительно совпадающих мероприятий находится слишком высоко для того, чтобы можно было до него дотянуться. Возможно даже, он в самой Москве. А если это так, то нужно как можно быстрее провернуть дело с химиком и сматываться куда подальше. Но тревожные мысли никак не отражались на лице Магомеда. Со стороны казалось, что он с гордостью и восхищением наблюдает за выступлением любимой жены.

Денис не стал исключением в их компании и тоже внимательно смотрел на сцену. Пожалуй, он был единственным человеком в зале, кто правильно понял причину необычайно яркого выступления Марьяны. В последнее время он слишком часто видел такое – странную бледность, расширенные зрачки, неоправданное возбуждение. Все вместе наводило на одну-единственную мысль. Но, судя по всему, пока это было только самым началом. Началом конца.

ГЛАВА 5

Сон... опять тот же самый сон... Он возвращался вновь и вновь. Сначала иногда, а в последнее время все чаще и чаще, Марьяна опять видела во сне церковь, черные свечи, щупальца, симпатичный домик в саду, пустые комнаты. Она, уже в который раз, безуспешно бродила по бесконечным переходам странного дома, но за все это время так и не смогла найти то, что искала. А найти было просто необходимо, жизненно

необходимо. Во сне Марьяну уже привычно окутывал ледяной ужас при мысли, что не сможет сделать это в силу каких-то, пока неизвестных причин. Это состояние раздвоенности еще более усугубляло ее восприятие навязчивого сна.

И она упорно, снова и снова обходила запутанные лабиринты казавшегося снаружи совсем небольшим домика. Получается, внешность не только людей, но и предметов часто бывает обманчива. Но если взглянуть на вещь изнутри, ее сущность может неожиданно оказаться совершенно другой. Марьяна до сих пор так и не смогла понять, что ей нужно было отыскать в доме?

Именно сегодня ей показалось, что вот она, разгадка! Дверь в одну из комнат таинственного дома была плотно закрыта. Марьяна изо всех сил, обламывая ногти, старалась открыть ее, но так и не смогла. Оттуда отчетливо слышались какие-то звуки, которые вполне можно было принять за голос. В комнате, совершенно точно, кто-то был. Она уже совсем собралась попросить таинственного жильца открыть дверь, но сон внезапно оборвался...

Марьяна проснулась в скверном состоянии, сопровождаемом сильным головокружением и тошнотой. Голова была свинцовой, как после тяжелого похмелья. Во рту вместо языка царапался кусок наждачной бумаги, посыпанной песком. Мучимая непереносимой жаждой, она со стоном сползла с кровати и, хватаясь за стены, босиком пошлепала на кухню. Влив в себя три стакана сока, немного отошла, но ненадолго. Головокружение и тошнота прекратились, а неприятное состояние не оставляло. Причем она даже не могла определить, в чем конкретно оно заключалось, ей было просто очень плохо. Ни один наркотик не вызывает моментального привыкания, мысленно рассуждала Марьяна. Этого просто не может быть. Значит, ее теперешнее состояние вызвано просто плохим самочувствием. К тому же Светка сказала, что пользуется им уже давно, и ничего плохого до сих пор не случалось.

Головная боль давила и давила. Чуть позже к ней присоединился еще и шум в ушах. Он накатывал бесконечно,

как прибой на пляж. Стеная и охая, Марьяна пыталась вспомнить, куда она вчера ночью забросила сумку. Странно, у нее никогда не было провалов памяти, а сейчас воспоминания о прошлом вечере обрывались где-то в районе знакомства с партнерами Магомеда. Один из них... Вот черт, она не может вспомнить даже, как его зовут! Так вот, один из них рассказывал что-то интересное, кажется, про границу. Сумка почему-то отыскалась на крючке в ванной. Там, в косметичке, валяются таблетки от головной боли. Сейчас она найдет их, выпьет, и сразу станет легче.

Трясущимися руками Марьяна высыпала содержимое сумки на постель. Она была уверена, что ищет косметичку, но первое, что попало ей на глаза, был незнакомый маленький пузырек из-под лекарств с широким горлышком. Несколько секунд Марьяна смотрела на него, боясь взять в руки. Она уже догадалась, что в нем – мгновенное излечение от всех недугов и радость на весь день – подарок от Светки.

Где-то в глубине души еще слабо шевельнулось опасение, но Марьяна уже открыла зубами крышку и высыпала на ладонь несколько розовых таблеток. Сейчас ей точно станет лучше. Она выбрала одну, показавшуюся ей наиболее симпатичной, с блаженной улыбкой забросила ее в рот, запила большим глотком воды прямо из-под крана, легла и стала ждать волшебного превращения, которое не замедлило прийти к ней, окутав волнами пьянящего восторга и счастья...

Наверное, она опять задремала, потому что перед глазами внезапно возникла знакомая запертая дверь. Марьяна снова навалилась на нее всем весом, стараясь открыть, но та упорно не поддавалась. Наконец, когда силы уже почти иссякли, Марьяна решила отложить свои попытки и собраться с новыми силами, как вдруг, дверь слегка скрипнула и сама по себе начала медленно открываться.

В темный коридор проник слабый лучик света. Вначале он осторожно коснулся ног Марьяны, потом более смело начал карабкаться выше, но что-то все еще мешало ей поднять глаза и увидеть то, что она так долго искала. Где-то глубоко внутри себя, Марьяна уже знала, что увидит там. Это были глаза, глубоко сидящие под насупленными седыми бровями.

Глаза странные, белесые, почти невидящие глаза обитательницы комнаты напряженно смотрели в лицо Марьяны, кажется, с легкостью читая все, о чем она думала.

Старуха сидела в кресле. Ее остановившийся взгляд был прикован к окну, не видя его. Она сжимала в руках переливающийся серебристым цветом шарф и пристально наблюдала за его владелицей, которая, закрыв глаза, лежала на роскошной кровати, а на лице ее было выражение блаженного счастья. Агафья видела ее так четко, как если бы находилась с ней в одной комнате.

Наконец-то клиентке удалось совершить задуманное. Старуха поняла это еще ночью, когда внезапно проснулась, как от резкого толчка. Теперь же Агафье захотелось узнать, как идут дела у жертвы. То, что она увидела, наполнило ее душу злорадством. Теперь наглая девица никуда не денется. Вскоре она будет полностью в ее власти, и тогда как миленькая станет выполнять любые ее приказы, даже не понимая, откуда они исходят.

Тогда, много лет назад, Агафья не смогла отомстить разлучнице так, как она того заслуживала. Ее слишком быстрая смерть доставила бы мало радости. Куда приятнее было бы, если бы она помучилась как следует. Но теперь в лице этой шикарной блондинки старуха сможет вернуть долг всем вертихвосткам, мешающим спокойно жить приличным женщинам. И потухшие глаза Агафьи блеснули в сумраке комнаты огнем злобной радости.

Неоплаченная месть стала плотно заполнять пространство, доставляя Агафье то несказанное блаженство, которого она лишилась в молодости по неопытности и торопливости. Теперь она брала свое сторицею. В сущности, старуха вообще не знала эту девку, просто та явилась перед невидящими глазами Агафьи, ярко напомнив ту, с которой Агафья так и не успела как следует посчитаться. Но все это будет потом, позже... А еще позже, когда девица будет окончательно готова, Агафья сделает то, что решила, и ей станет легче, придет полное и окончательное избавление от всех мук и земных страданий.

Марьяна открыла глаза и огляделась. Она чувствовала себя совершенно обновленным человеком, хотя все еще лежала на кровати. Боль куда-то испарилась. Теперь она снова чувствовала себя на все сто. Не могут быть вредными таблетки, которые дарят человеку столько приятных минут. Неожиданно у Марьяны появилось неприятное ощущение, что на нее кто-то смотрит. Она повертела головой. Никого. Дверь закрыта, шторы опущены. Пожав плечами, она сползла с кровати и скользнула в ванную. Пора вставать и приводить себя в порядок. Вот только водички попьет. Если бы не сопутствующая приподнятому настроению жажда, то цены бы не было Светкиным таблеткам счастья. Хотя и так неплохо. С этими мыслями Марьяна погрузилась в душистую, наполненную пьянящими ароматами воду.

Светлана, нервничая, ждала вечера. Хотелось как можно скорее узнать, чем закончилось ее рискованное мероприятие. Если Магомед узнает о ее «дружеской» услуге Марьяне, она может считать себя очередным безымянным трупом на свалке за городом.

Светка не верила, что он так уж сильно любит жену. Просто та значительно повышала его статус в глазах окружающих, и Магомед пока не хотел потерять такой объект всеобщей зависти. Может, позже, когда его глазам предстанет совсем другая Марьяна, грязная, опустившаяся наркоманка с копной свалявшихся волос и потухшими, провалившимися глазами, тогда он сделает нужные выводы. Затем и сам захочет отделаться от такой позорной жены. А пока надо затаиться и ждать. Ждать своего заветного часа, который теперь уже не замедлит наступить. В этом Светка была уверена.

Марьяна появилась вовремя, как ни в чем ни бывало. Выглядела как всегда превосходно. Ничто ее не берет, досадливо подумала Светка, при этом не забывая преданно улыбаться. Однако глаза ее бегали, а внутренности сжались в тугой комок, как перед опасным прыжком.

– Это ты мне пузырек в сумку записала? – неожиданно спросила Марьяна.

– Ну... да... – Светка не была уверена, что «подруга» в восторге от ее подарка, поэтому надо вначале прощупать по-

чву. – Просто я по себе знаю, что после первого раза бывает не очень хорошо. Поэтому хотела немного тебе помочь. Они что, не пригодились?

Она пыталась говорить с уверенностью, которой на самом деле не чувствовала. Просто старуха сказала, что так должно быть, значит, так и будет. Пока что все шло как она говорила, а триста долларов совсем небольшая цена за избавление от проблем, которые возникли с появлением Марьяны.

– Тебе ведь сейчас лучше? – Почему-то в душе она была уверена, что Марьяна приняла очередную дозу.

– Как ни странно, да. Только вот хотела спросить, – протянула Марьяна и примолкла, обдумывая, стоит ли сознаваться Светке в том, что она почти ничего не помнит.

– Давай, спрашивай. Не бойся, я ведь тоже через это проходила, – начала подталкивать подружка. Ей явно хотелось узнать, какой эффект вызвали ее таблетки счастья. Сама не попробовала, так хоть от других узнает.

– Я почему-то почти ничего не помню из того, что было вчера, – растерянно пробормотала Марьяна.

Светка в радостном изумлении воззрилась на нее. Надо же, это даже лучше того, что можно было ожидать! Просто супер! На эту телку таблетка подействовала замечательно, как и предсказывала старая карга. Если все и дальше пойдет так гладко, то нужного момента осталось ждать совсем недолго. Но Светке быстро удалось справиться с эмоциями и не показать своей очевидной радости от произошедшего.

– Да, – спокойно-равнодушным голосом сказала она, – у меня вначале тоже так было. Я просто ничегошеньки не помнила, а потом прошло. – И она мило улыбнулась, этим окончательно уняв тревожное ожидание Марьяны.

Та благодарно улыбнулась в ответ и выглянула в зал. Почему-то Магомеда там не было. Марьяна задумчиво нахмурила брови. Кажется, утром сквозь сон она слышала, как он что-то говорил про сегодняшний вечер. Но липкий кошмар не дал возможности запомнить сказанное.

Ну и черт с ним, без него даже веселее будет, решила Марьяна, увидев, как в зал входит ее вчерашний знакомый. К своему стыду, она не могла вспомнить его имени. Ну да

ничего, это мелочи жизни. Зато теперь она точно знала, как снять нервное напряжение и сделать приятным даже самый тяжелый момент жизни. Таблетки понемногу становились для нее необходимостью.

Олег, еще утром узнав, что новые партнеры весь день, а возможно, и вечер, будут заниматься подготовкой помещения для нового проекта, решил воспользоваться внезапно представившейся возможностью. Сегодня никто не будет ему мешать, и он в полной мере сможет проявить все свои многосторонние возможности по обольщению провинциальной красавицы, которая так ярко и внезапно вошла в его жизнь.

Вальяжной походкой уверенного в себе человека, многое познавшего в этой непростой жизни, Иванов вошел в зал и небрежно осмотрелся. А, вот и та, ради которой он здесь. Олег сразу же расцвел широкой улыбкой.

– Здравствуйте, – Марьяна приветливо помахала ему рукой. Иванов, вдохновившийся столь теплым приемом, моментально подошел к ней. – Извините, я вчера не слышала вашего имени...

– Олег, – от наплыва непередаваемого восхищения химик даже слегка прищелкнул каблуками, как гусар на балу.

– Надеюсь, вам вчера у нас понравилось? – глубокий голос Марьяны теплой волной обволакивал трепещущее сердце Иванова, которое чувствовало себя, будто на американских горках.

– Да-да, конечно. Здесь все на мировом уровне, – рассеянно ответил он и равнодушным взглядом скользнул по совершенно бесцветной особе на сцене. Хотя голос у той был неплох, но все остальное... Просто кошмар! Как у провинциальной курицы, претендующей на изысканный столичный вкус. Олег даже поморщился и перевел глаза на объект своего рискованного обожания. Зато здесь, абсолютно точно, все было в полном порядке.

– Присаживайтесь, – Марьяна плавным движением руки указала на ближайший столик в углу. Иванов послушно опустился на стул. Хотя он бы предпочел сейчас оказаться

в отдельном кабинете, как вчера, тогда появилась бы значительно большая свобода действий. Увы, пока еще такой возможности у него не было.

Но сегодня явно оказался не его день. Не успел Олег начать заливаться соловьем, как в зале появились Магомед с Денисом. Хозяин заведения неприязненно посмотрел на Иванова и молчаливым кивком указал на кабинет, только теперь эта дверь совершенно не манила химика, скорее наоборот. Но в данной ситуации дело – прежде всего. От результата их переговоров сейчас зависит очень многое, если не все.

Магомед быстро понял, чем ему грозит присутствие Иванова, и немедленно принял экстренные меры. Капитальный семейный скандал мало что изменил в расстановке сил. Марьяна только обиженно надула губы и полностью замкнулась в себе, с равнодушной улыбкой глядя в окно. Крики и ругань мужа так и не вывели ее из состояния блаженной прострации. Что бы ни происходило вокруг, ей теперь было глубоко все-рав-но. Марьяна жила в своем внутреннем призрачном мире, куда внешние раздражители проникали с большим трудом или вовсе проходили мимо незамеченными. В итоге все закончилось тем, что, по распоряжению Магомеда, ее постоянно стал сопровождать кто-нибудь из его громил.

Теперь Марьяна ни на минуту не оставалась одна, что немисливо выводило ее из себя. Постоянное присутствие абреков, методично сменяющих друг друга почти ежедневно, вызывало у нее плохо скрываемое чувство раздражения, которое Марьяна пыталась сорвать на них. Но они только скалили зубы и цокали языком, покровительственно поглядывая на глупую и взбалмошную женщину. Чувство растущей неприязни и возмущения было настолько сильным, что Марьяна отказывалась выступать, закрываясь вечерами в примерке, чтобы хоть там побыть одной.

В столь безвыходном положении оставалась единственная приятная отдушина – Светкины таблетки. Та поставляла их исправно и безотказно. Марьяна теперь просто не представляла жизни без этих маленьких розовых кругляшков.

Каждое утро начиналось с приема таблетки счастья. Они помогали жить, давали необходимый стимул, исправно поддерживали безнадежно упавший тонус. И Иванов почему-то больше даже не попадался на глаза.

Конечно, в глубине души Марьяна понимала, что послужило причиной его вынужденного отсутствия. Было совершенно очевидно, что Олег не относится к людям, способным постоять за себя и других. Его заячья душа трепетала от любого сурового взгляда, которому он не мог и не умел ничего противопоставить, поэтому и сейчас оказалось достаточно всего лишь тонкого намека на гнев Магомеда, чтобы бесследно испариться. Теперь тоска вынужденного одиночества грызла Марьяну непрестанно, неотвратимо подталкивая в объятия розового обмана.

В один из самых разнесчастных дней она утром не нашла в сумке ни одной розовой таблетки. Дрожа от нетерпения и злости, Марьяна перекопала ее всю, вывернув даже карманы. Таблеток не было. Но ведь она точно помнила, что клала их в сумку! Марьяна нервно схватила телефон и непослушными трясущимися пальцами набрала Светкин телефон.

– Может, ты выронила их по пути? – равнодушно спросила подружка. Выслушав без комментариев заверения Марьяны, что этого не могло быть, она предложила приехать. У нее дома есть несколько штук, которыми готова хоть сейчас помочь страждущей.

После такого многообещающего разговора Светлана буквально прилипла к окну. Ей хотелось видеть все. То, что предстало глазам, не разочаровало ее. Буквально через несколько минут у дверей подъезда притормозило такси. Значит, Марьяне удалось-таки улизнуть из-под опеки горилл Магомеда. «До чего же изобретательны бывают наркоманы», – зло усмехнулась Светка. Из такси вытряхнулась бледная Марьяна с темными кругами под глазами и без малейших следов косметики. Роскошные светлые волосы бесцветным куском пакли уныло свисали на одну сторону. Оглядев пустыми глазами дом и сверившись с бумажкой, которую держала в руках, она, слегка пошатываясь, направилась в подъезд. Светка решила, что там записан ее адрес. Надо будет изъять

бумажку. Дело явно шло к концу, и лишние следы ей были ни к чему.

Первыми словами, которые произнесла Марьяна, едва перенеся ногу через порог, были:

– Давай быстрее, я сейчас умру!

– Подожди, я же не ракета. – Не спеша закрыв за вошедшей гостьей дверь, Светка нарочито медленными шагами прошлепала в комнату, бормоча по пути, но так, чтобы было слышно Марьяне: – Что-то не помню, куда я их задевала, может, они вообще кончились?

Светка оглянулась и, к своей огромной радости, увидела, как Марьяна нетвердыми, заплетающимися ногами буквально вползла в комнату и тяжело плюхнулась на старую продавленную тахту. Ее заметно трясло. Светка неторопливо полезла в шкаф, медленно стала перекладывать вещи. Она так увлеклась работой на публику, что даже вздрогнула от неожиданного выкрика Марьяны:

– Что ты копаешься, давай быстрее! Не видишь, я не могу больше ждать!

– А ты не ори на меня, – возмущенно обернулась Светка. – Не видишь? – ищу. А будешь орать, вообще искать не буду.

Ее слова возымели немедленное действие. Марьяна тихо всхлипнула, сползла с тахты на пол и захныкала:

– Светуль, ну, дорогая моя, давай быстрее. Не видишь, как мне плохо? Ну что ты хочешь за эти чертовы таблетки?

Вот он – долгожданный момент истины. Старая карга предсказывала и его. Теперь надо впарить этой вконец отупевшей наркоманке ту самую, вторую таблетку, которую старуха заговорила. Первая была уже скормлена Марьяне в самом начале, после чего она сразу оказалась хронической наркоманкой. Наука едва ли смогла объяснить этот феномен, но старуха в этом и не нуждалась. У нее были свои методы воздействия на окружающих.

Теперь для Светки настал тот великий момент, который принес ей ощущение полной и окончательной победы над поверженной соперницей. Оставалось только завершить начатое. После этого глупая красotka перестанет иметь да-

же собственные мысли и будет послушно выполнять чужую волю. И Светка, наконец, сможет избавиться от них обоих. Сволочь Магомед тоже получит свое.

До появления этой твари у нее еще был, пускай небольшой, но все-таки шанс окрутить его. Столько времени он пользовался ею как вещью, где, когда и как хотел, а она лишь молча терпела, ничего не прося, но, надеясь в итоге получить все. Обломалось. С появлением этой штучки Светка лишилась не только Магомеда, но и всех надежд на обеспеченное будущее, а это было для нее более существенно. Выходит, виноваты они оба, поэтому оба и получают по полной программе, но не сразу, а чуточку позже. Пока надо позаботиться о себе. С мертвого Магомеда много не возьмешь, а вот с еще живой Марьяны можно поиметь очень даже немало.

Светка совершенно не догадывалась, что не только у нее имелись планы на будущую жизнь Марьяны. У нее и мысли не появилось, что, скормив подруге вторую таблетку, отнюдь не она, Светка, станет полновластной хозяйкой ее души. Агафья была значительно умнее и хитрее своей клиентки, поэтому всего лишь использовала ее в качестве очередной ступеньки на пути к задуманному.

Светка лишь упивалась плодами своей сиюминутной победы, поэтому высокомерно усмехнулась, глядя на униженно ползающую по полу подругу, и успокаивающе сказала:

– Вот, кажется, я нашла одну, последнюю. В шкафу завалялась.

Она покровительственно потрепала Марьяну по плечу и на раскрытой ладони протянула заветную таблетку. Та, ни секунды не сомневаясь, проглотила ее и затихла в ожидании кайфа.

– Когда придешь в себя, нам предстоит кое-что обсудить, – ледяным тоном выплюнула сквозь зубы Светка и, перешагнув через лежащую Марьяну, села в кресло.

Вскоре она заметила, что краски возвращаются на бледное до синевы лицо подруги. Светка решила получить еще немного садистского удовольствия и слегка пнула ногой поверженную Марьяну. Та вздрогнула, открыла глаза и с улыбкой посмотрела на Светку. Было ясно – она совершенно

не помнила, что происходило здесь всего несколько минут назад.

– Ты просто спасла мне жизнь, – благодарно пробормотала Марьяна.

– Кстати, а как ты думаешь, сколько стоит твоя жизнь? – мертвой хваткой уцепилась за ее реплику Светка.

– Не знаю, – равнодушно пожала плечами Марьяна, ей было уже все равно, таблетка сделала свое дело.

– А я думаю – много. Ты должна понимать, таблетки стоят дорого. Сколько времени я помогала тебе по доброте душевной? Как видишь, девушка я бедная, – Светка обвела руками неказистую обстановку квартиры и вопросительно уставилась на подругу.

Марьяна, кажется, только сейчас поняла, где находится, и растерянным взглядом проследила за ее жестом, все еще не совсем понимая, к чему клонится разговор.

– А ты как раз наоборот – девушка совсем не бедная, – сейчас в Светкином голосе явственно послышалась неожиданная жесткость, даже жестокость. – Так что, думаю, мы договоримся.

Марьяна вдруг новыми глазами посмотрела на ту, которую еще совсем недавно считала своей лучшей подругой. Страшная правда постепенно стала доходить до нее. Она побледнела и отползла подальше от Светки.

В первый момент ей показалось, что она сделала это инстинктивно, и только немного позднее почувствовала, как от Светки исходят упругие волны ненависти. И тут, наконец, она начала понимать, что нет и никогда не было добродушного всепрощения, не было верной, преданной и надежной подруги Светки, а постоянно присутствовал только колющий сгусток ненависти, неизмеримой и глубокой. Пропасть между ними пролегла не сейчас, она появилась с того самого момента, когда Светка впервые увидела Марьяну. Когда-то давно, почти полстолетия тому назад, по этому пути уже прошла Агафья, но Светка не знала об этом, да и не хотела знать. Она ненавидела и знала, что только ненависть безгранична.

– Кажется, даже до такой тупицы, наконец, дошло, – цинично усмехнулась она, – но поздно. Теперь ты никогда не

сможешь избавиться от этого и будешь зависеть от меня всю свою оставшуюся поганую жизнь. – Она попыталась улыбнуться, но на лице появилась только гримаса оскала, который, наверное, бывает у хищника перед тем, как сожрать свою жертву.

Марьяна почувствовала, как ее прошиб холодный пот. Пока она еще могла что-то соображать и сопротивляться, но это ненадолго. Когда действие таблетки пройдет, ей понадобится новая. Тут Светка права на все сто процентов. Она неизбежно становилась практически рабыней этой мерзкой гадины. Марьяна облизала ставшие вмиг сухими губы и попросила:

– Дай попить.

– Иди на кухню и хлебай, сколько влезет, нашла служанку, – Светка вызывающе повела плечами.

Марьяна поднялась с пола и, под неприязненным взглядом товарки, уныло поплелась на кухню. После чего почти в нормальном виде снова вернулась в комнату.

– Ну что, очухалась? – раздраженно спросила Светка.

Марьяна только молча кивнула в ответ.

– Тогда продолжим, – в Светкином тоне явно проскальзывали нотки победного торжества. – Итак, твое хорошее состояние так же, как и твоя жизнь, стоят дорого. Пока я оцениваю свои услуги в десять тысяч долларов в месяц. Заметь, – Светка подняла вверх короткий указательный палец, – в эту сумму входит и мое молчание. Ты ведь не хочешь, чтобы благоверный узнал о твоей маленькой слабости?

– А не дороговато ли ты ценишь свое молчание? – хрипло спросила Марьяна.

– Знаменитый афоризм гласит: молчание – золото, дорогая подруга, – снова хищно оскалилась Светка. – Надеюсь, кредитка при тебе?

Марьяна, опустив плечи, опять молча кивнула.

– Тогда мы сейчас, как лучшие подружки, сходим в банк, снимем денежки и вернемся сюда за новой порцией таблеток, – щебетала с прежним дружелюбием Светка, как будто ничего не произошло.

Марьяна только глубже втянула голову в плечи и снова обреченно кивнула. Про себя она уже решила, что на данный

момент выхода у нее нет, а там будет видно. Дома она более детально взвесит сложившуюся ситуацию и тогда, возможно, найдет тот единственный правильный ход, который выведет ее из мрачного глухого тупика на свет.

Вскоре Светка получила требуемые деньги, а в ответ отсыпала Марьяне горсть розоватых таблеток. Когда за той закрылась дверь, Светка решила, что уже сегодня позвонит Магомеду и с него тоже сшибет денег за эксклюзивную информацию. Этого идиота, пожалуй, стоило поставить в известность, что его драгоценная талантливая красавица-жена законченная наркоманка.

Вернувшись домой, Марьяна угрюмо зыркнула на очередного охранника и закрылась в комнате. Ей без посторонних хотелось обдумать то страшное положение, в которое попала. Час за часом проходило время, а Марьяна так и лежала на кровати, тупо глядя в потолок. Нужное решение все не приходило. В комнате уже начало темнеть, как внизу послышался голос Магомеда. Это был даже не голос, а какой-то звериный рык. Марьяна равнодушно закрыла глаза. Ей и в голову не приходило, что плохое настроение мужа может быть как-то связано с ней.

Через минуту Магомед рванул дверь и, когда она не поддалась, рывкнул:

– Открывай!

– Не хочу, – меланхолично ответила Марьяна. – Я себя плохо чувствую.

– Сейчас ты почувствуешь себя еще хуже! – завопил из-за двери Магомед.

Марьяна с тяжелым вздохом сползла с кровати и не спеша направилась к двери. Не успела она сделать и двух шагов по комнате, как дверь с треском распахнулась. На пороге стоял разъяренный донельзя Магомед. Увидев, в каком он состоянии, Марьяна растерянно попятилась, даже ее одурманенному мозгу стало ясно, что это может плохо кончиться.

Магомед включил свет и потемневшими от бешенства глазами обвел комнату. Когда его взгляд натолкнулся на

брошенную в углу сумку, Марьяне все стало ясно. К сумке они прыгнули одновременно. Но движения Марьяны были замедленными и неточными, поэтому мужу первым удалось ухватить сумку.

– Отдай! – истерично взвизгнула Марьяна и вцепилась в нее с другой стороны. Если Магомед найдет таблетки, все пропало.

Дорогая тонкая кожа недолго сопротивлялась их противоположным усилиям. Раздался легкий треск подкладки, и на пол посыпалось содержимое. Розовые таблетки, в спешке брошенные Марьяной прямо в сумку, рассыпались по ковру затейливым узором. Оба замерли. Первым пришел в себя Магомед.

– Ах ты, дрянь! Наркоманка! Шалава подзаборная! – зарычал он. Дальше следовал набор слов, неупотребляемых в приличном обществе. Когда Марьяна попыталась что-то тихо пропищать в ответ, то получила такую затрещину, что отлетела в угол комнаты и затихла.

Когда через мгновение она пришла в себя, то всем телом почувствовала, что гнев Магомеда еще отнюдь не исчерпан. Он продолжал методично пинать ее ногами. Марьяна никогда не видела его в таком состоянии, поэтому сжалась в комок, стараясь прикрыться от сильных и точных ударов. Она не знала, сколько прошло времени. Для нее, кажется, прошла вечность и еще немного, но уже от другой, параллельной вечности. Видимо, Магомед подустал, а посему дал возможность ей и себе немного передохнуть.

Марьяна осторожно приподняла голову и посмотрела на мужа. Самое странное, она совершенно не злилась на него, в глубине души понимая, что, в принципе, он прав. Единственное, о чем она жалела, что на ее месте не оказалась эта мерзкая тварь – Светка.

Магомед, продолжая что-то возмущенно бормотать под нос на своем языке, отвернулся к окну. Она, старалась ничем не выдать себя, тихо выдохнула. Но этого легкого звука оказалось достаточно, чтобы муж снова повернулся к ней. В руках Магомеда тускло блеснул пистолет. Марьяна широко распахнула глаза и из последних сил рванулась к

двери. Несмотря на все проблемы на тот свет она все-таки не спешила.

Марьяна уже открывала дверь, как вдруг в мозгу у нее что-то щелкнуло. Она как будто раздвоилась. Одна ее часть торопилась покинуть поле боя, оставив окончательную и бесспорную победу за противником, но сохранив жизнь. Другая, новая и пока не совсем понятная ее часть внезапно приказала остановиться. Почему-то Марьяна сразу подчинилась этому неожиданному приказу. Она остановилась и медленно повернулась, пристально глядя мужу в глаза. Это затормозило его на какое-то время. Магомед удивленно и вопросительно тоже уставился на нее.

Марьяна почувствовала, что разум ей больше не повинуется, а что-то темное и страшное уже прочно заняло его место, полностью распоряжаясь ею. Она медленно проваливается в темную бездну, где нет ничего, только мрак. Теперь Марьяна видела себя как бы со стороны. Она не осознавала, как, каким образом у нее в руках оказалась лампа с прикроватной тумбочки. Не понимала, куда наносит удар за ударом, не постигала, откуда у нее взялось столько сил... Похоже, это вообще уже была не она...

ГЛАВА 6

Сознание не спешило возвращаться в истерзанное тело и довольно долго витало в неизведанных мрачных глубинах. Когда Марьяна открыла глаза, за окном уже почти совсем стемнело. Яркий свет люстры слепил глаза, а голова раскалывалась на множество мелких кусочков, каждый из которых болел своей особенной, но оттого не менее сильной болью. Все тело ныло, казалось, в нем не осталось ни одной целой косточки.

Какое-то время Марьяна не могла сообразить, где находится. Но постепенно возникало осознание того, что это ее спальня, только почему-то она лежит на полу, в обнимку с настольной лампой. Громко стелая и охая, она медленно повернулась набок, потом осторожно села. По светлomu фарфору лампы была размазана какая-то липкая бурая грязь, а

часть ее непостижимым образом оказалась у нее на руках. Отставив в сторону лампу, Марьяна растерянно осмотрелась по сторонам.

Ее взгляд действовал независимо от хозяйки, порхая по комнате сам по себе. Он с легкостью прошелся по потолку, коснулся стен, потом с некоторым, еще не вполне осознанным усилием спустился ниже, стал детально изучать узоры ковра. Взгляд явно не хотел двигаться только в одном определенном направлении. С напряжением моргнув, Марьяна заставила себя посмотреть именно туда, куда, следуя четким указаниям подсознания, упорно отказывались смотреть глаза. Ноги... Мужские ноги... Марьяна осторожно, чтобы не сильно тревожить больную голову, встала на четвереньки и неторопливо поползла к загадочному объекту.

Но не успела она преодолеть и пары метров, как в голове внезапно начало проясняться. Она все вспомнила – свое избиение и пистолет в руках Магомеда, внезапно накатившую на нее ярость в безнадежной попытке защититься. Правда, скорее, эта была не защита, а нападение. Напасть первой и избавиться от врага, угрожавшего ее жизни. Но по-прежнему оставалось загадкой, откуда взялось столько ненависти и сил сделать это? Она никогда не замечала в себе таких черт. Но, оказывается, они дремали где-то глубоко внутри, ожидая нужного момента, чтобы проявить себя во всей убийственной красе. Неужели и правда – убийственной?

Марьяна медленно подползла к неподвижно лежащему мужчине и осторожно заглянула ему в лицо. То, что совсем недавно было ее мужем, теперь стало всего лишь телесной оболочкой. Под головой Магомеда по дороговому ковру растеклось темно-бурое пятно... Марьяна в ужасе уставилась на дело своих рук. В том, что это так, у нее не было никаких сомнений. Конечно, существовала призрачная вероятность того, что он может быть жив, но Марьяна не могла заставить себя прикоснуться к телу. Была ли это боязнь почувствовать под рукой остывающую плоть или нечто другое, она не знала. Да и не хотела знать.

Ее надежды на красивую жизнь снова рухнули и развалились на бесчисленное множество осколков. В голове настой-

чиво стучало: убийца, колония, убийца, колония... Марьяна всхлипнула, заглушая звук прижатой ко рту окровавленной ладонью. Надо что-то делать, чтобы избавиться от этого назойливого стука в голове. Несмотря на ноющую боль во всем теле, она с усилием поднялась на ноги. Чтобы не привлекать лишнего внимания, потушила свет и направилась в ванную. Вот сейчас приведет себя в порядок и тогда придумает, что надо делать, хотя, на первый взгляд, – выхода не было. Почему, ну почему ей так фатально не везет в жизни? Что она делает неправильно, не так? Все люди как люди живут, и только она, глупая Марьяна, вечно вляпывается в какие-то сомнительные и грязные истории. Зачем она уехала из дома? Сейчас спокойненько бы преподавала в школе, вышла бы замуж за какого-нибудь работягу... Нет, пожалуй, даже сейчас она не хотела такой жизни. Ладно, поехали дальше. Ведь могла же в Москве найти достойную работу с хорошей оплатой! Так нет, известности ей захотелось, вот и связалась с этим жалким альфонсом и его состоятельной, но непредсказуемой женой-бандершей. Судьба уберегла тогда ее на самом краю обрыва.

И что же? Стала она умнее? «Нет! – честно ответила она себе. – Не стала». А сделала очередную глупость. Кто, ну скажите, ради бога, кто заставлял ее тогда жрать эту чертову таблетку? Не сделала бы этого, все и дальше шло бы превосходно. Ведь ничего страшного, что муж старше на двадцать лет, ниже на полголовы, да и вообще далеко не Аполлон. Но ведь он, хотя и по-своему, любил ее, дуру разнесчастную! А она сама, своими руками разрушила всю их хорошо отлаженную и размеренную жизнь. Теперь еще и это убийство... Выходит, что она душой родилась, душой прожила лучшую часть жизни, и если до сих пор не поумнела, значит, душой и в колонию пойдет, а дальше может отправиться и на тот свет.

По пути в ванную Марьяна успела так сурово разобраться с собой, как не сделал бы ни один самый строгий и взыскательный критик. Она бросила последний затравленный взгляд на неподвижно лежащее тело Магомеда и быстро захлопнула за собой дверь, словно закрывая эту страницу жизни.

Марьяна открыла кран и сунула голову прямо под упругую струю холодной воды. Боль в голове потеряла свою остроту и слегка поутихла, стало немного легче дышать. Это позволило бросить косой взгляд в зеркало. Она предполагала, что выглядит неважно. Но почти незнакомая физиономия в зеркале превзошла самые худшие прогнозы. Расплывавшиеся синяки уже начали опухать и грозили вскоре превратить ее вполне европейское лицо в монголоидную маску с багрово-черными пятнами. Марьяна тяжело вздохнула и пустила почти холодную воду в джакузи, надеясь, что массаж поможет. Монотонный голос в голове затих, и ей сразу стало совершенно наплевать, что прямо за стеной лежит труп ее мужа, которого она убила. Возможно, скоро ее посадят в колонию, и проведет она там ближайшие лет десять, а может, и не успеет провести, потому что в порядке кровной мести ее убьют его родственники...

Вода с умиротворяющим журчанием наполняла ванну. Марьяна сбросила одежду и со всех сторон оглядела свое тело в зеркале. М-да, надо отдать ему должное, Магомед постарался на славу, живого места не оставил. Когда Марьяна плюхнулась в воду, она мгновенно почувствовала резкую боль, которая постепенно слабела и уходила, а на смену ей приходили легкость и спокойствие. Вначале она набросила на лицо полотенце, смоченное в холодной воде, потом намазала крем, который, как утверждалось на упаковке, снимает отеки.

Часть ночи Марьяна провела в приятном и расслабленном состоянии. Даже самой себе она не смогла объяснить, откуда так внезапно напозла апатия, а потом – равнодушное спокойствие, которое позже сменилось совсем уже необъяснимой уверенностью в том, что все будет хорошо. Неисправимая русская ментальность делала свое дело.

Когда Марьяна вылезла из джакузи и снова глянула на себя в зеркало, то убедилась, что реклама не всегда врет. Отеки на лице и вправду заметно уменьшились, хотя неповторимый синюшный оттенок все еще оставался. Но это уже – мелочи, на то и существует косметика, чтобы маскировать недостатки. Она облачилась в банный халат и, внимательно

глядя в зеркало, осторожными мазками начала наносить на лицо смягчающий крем, одновременно обдумывая будущие шаги.

Самое срочное – это избавиться от тела в спальне. Но как? У нее не хватит сил дотащить его даже до двери, а тем более до машины, стоящей во дворе. Марьяна прикрыла глаза, живо представляя себе, как, сгибаясь под тяжестью тела, завернутого в ковер, медленно сползает по лестнице, а потом, шатаясь, бредет по двору. Почему-то она сразу решила, что окровавленный ковер непременно должен последовать за своим хозяином. Картинка была такой реалистичной, что Марьяна вздрогнула, встретившись с затравленным взглядом своего двойника в зеркале.

А дальше... Ей понадобилась всего лишь доля секунды, чтобы понять – лицо в зеркале не принадлежит ей. Из легкого, подернутого паровой дымкой зазеркалья на нее остановившимся взглядом смотрело лицо совершенно незнакомой старухи с белесыми, почти невидящими глазами. В первый момент оно выглядело, как замерший стоп-кадр, но, как только Марьяна моргнула, чтобы отогнать наваждение, лицо слегка шевельнулось, затем издевательски ухмыльнулось беззубым провалившимся ртом, и сразу же, без перехода старуха зашлась в жутком хохоте.

Марьяна хотела закричать, но голос ей не повиновался. Она стояла перед зеркалом и беззвучно, словно рыба, из последних сил хватала ртом воздух, впившись глазами в страшное лицо, а в ушах, давя на барабанные перепонки, продолжался хохот. Сейчас на эти страшные звуки прибежит охрана, увидит труп Магомеда с разбитой головой, и она незамедлительно составит компанию своему покойному супругу. Глаза... Они, казалось, были знакомы Марьяне. Где же она видела эти неприятные белесые глаза? Но громкий безудержный хохот старухи мешал сосредоточиться, полностью выбивая из колеи.

Марьяна из последних сил старалась собрать воедино остатки воли, рассыпавшейся даже не на мелкие фрагменты, а просто в песок. Не отводя глаз от зеркала, она нащупала какой-то предмет, показавшийся ей достаточно увесистым, и

изо всех сил треснула по страшной роже. Посыпалось стекло. Старуха пропала. На Марьяну из разбитых осколков зеркала смотрело мозаичное изображение бледной, растрепанной и испуганной женщины. Она опустила глаза и увидела, что побелевшими от напряжения пальцами все еще сжимает в руке стеклянную баночку с кремом. Марьяна разжала руку, баночка выскользнула и мягко опустилась на коврик. Сама она, прижимая ладони к вискам, вскоре последовала за баночкой. Обхватив себя руками, Марьяна несколько минут раскачивалась, сидя на корточках около раковины, и тихо поскуливала, стараясь прийти в себя.

Она понимала, что действие таблетки давно уже закончилось, поэтому страшилка в зеркале не могла быть глюком. Или все-таки могла? А если нет, тогда что это? Может, она сходит с ума? Дойдя логическим путем до такой возможности, Марьяна даже смогла выдавить из себя облегченный смешок. Тогда ее не посадят. Психов не сажают. Им обеспечивают пожизненный дурдом с полным пансионом, что, впрочем, тоже не является благоприятным исходом.

Она поднялась на ноги и, перед тем как выйти, не удержалась, чтобы еще раз украдкой не бросить косой взгляд в остатки зеркала. Ничего. Просто разбитое зеркало в многочисленных трещинах, и ничего больше. Она судорожно вздохнула и, на всякий случай плотно прикрыв за собой дверь, шагнула в комнату.

Нужно срочно что-то решать с трупом, а то ведь уже скоро утро. Марьяна посмотрела на часы и автоматически отметила про себя, что в ванной провела больше двух часов. С усилием затолкав подальше все страхи и сомнения, она быстрым шагом подошла к тому месту, где оставила тело Магомеда. Там ничего не было...

Очевидно, находясь в состоянии прострации, она просто перепутала место, хотя кровавое пятно на ковре говорило о том, что она не ошиблась. Марьяна стала озираться вокруг, заглянув даже под кровать, хотя даже ежу понятно, что мертвецы не бегают и не ползают, подыскивая местечко посимпатичней, где можно спокойно полежать и недурно отдохнуть. Однако трупа в комнате все-таки не было. Может,

ей вообще все это приснилось или привиделось в наркотическом кайфе?

На всякий случай Марьяна еще раз обошла спальню. Теперь она действовала уже более спокойно и методично. Заглянула в гардеробную, перебрала одежду на плечиках, выдвинула ящики для обуви. Открыла дверь на балкон, с которого ажурная лесенка вела прямо в сад. Сделала по ней несколько неуверенных шагов. Пусто. Марьяна на цыпочках вернулась в спальню и без сил опустилась на постель. И только собралась заплакать, как в голове шевельнулась приятная мысль: «Какого черта! Нет трупа – нет убийства. Нечего лить слезы! Наоборот, надо порадоваться!»

Если Магомед исчез, значит, ушел. Если ушел, значит, жив. О чем беспокоиться? Скосив глаза на пол, она увидела такие необходимые и такие ненавистные теперь розовые таблетки, но сейчас только они смогут поправить ее ужасное состояние. Не поворачивая головы, Марьяна протянула руку и нащупала ближайшую таблетку. Она понимала, что в такой ситуации надо непременно завязывать с этим, и чем скорее, тем лучше. Но ведь ей сейчас так плохо, а проглотит розовый кругляшек, и сразу станет очень хорошо. К тому же эта гадость, как ни странно, хорошо стимулирует мыслительную деятельность.

Вот сейчас – Марьяна одним большим глотком запила таблетку – ей в голову придет очень много умных мыслей. Надо только успеть их зафиксировать. На всякий случай она положила на тумбочку лист бумаги и ручку для записи гениальных идей, которые вскоре непременно ее посетят, и, поудобнее угнездившись на кровати, закрыла глаза. Прекрасные картины, сияющее солнце, яркое голубое небо, неземная музыка и... никаких мыслей! Все это окутало Марьяну плотным приятным коконом, мешая сосредоточиться. С блаженной улыбкой на лице она заснула и видела такие же красивые и светлые сны. Ничто не тревожило Марьяну и не мешало отдыху...

Только в самый последний момент череда благостных сновидений все-таки оказалась подпорчена. Она снова оказалась перед входом в комнату. Но сейчас Марьяна уже не

стала прикладывать никаких сил для того, чтобы открыть дверь. Почему-то она очень четко помнила – все произойдет само собой. Так и случилось. Дверь знакомо скрипнула, открылась, и взгляд Марьяны натолкнулся на безобразное лицо старухи. Откуда-то из глубин подсознания выплыло напоминание – они уже виделись в зеркале. Старуха ухмылялась беззубым ртом и внимательно смотрела на Марьяну белесыми, почти слепыми глазами, в которых ничего не отражалось. Но это не мешало им быть такими жуткими, что Марьяна вскрикнула и проснулась.

Сквозь незадвинутые шторы солнце тонкими лучиками шаловливо коснулось ее лица. Марьяна лениво открыла глаза и улыбнулась. Улыбка немедленно превратилась в болезненную гримасу. Несмотря на антиотечную маску, лицо побаливало, а засохший от невероятной жажды язык еле ворочался во рту. Поэтому Марьяна первым делом опрокинула в себя полный стакан воды. Немного полегчало. Свесив голову с кровати, она окинула затуманенным взором вчерашнее поле боя.

Все осталось без изменений. Небрежно брошенная фарфоровая лампа с бурыми пятнами, какие-то разбросанные по полу вещи, перевернутый стул, рассыпанные розовые таблетки на ковре, а сразу за ними – потемневшее пятно засохшей крови. Запустив руку в растрепанную гриву волос, Марьяна задумчиво почесала голову. В принципе, единственным предметом, указывающим на произошедшее здесь, был ковер. От него необходимо избавиться в первую очередь. А, собственно, зачем? Если Магомед жив – а, судя по тому, что он своими ногами ушел отсюда ночью, так оно и есть. Вот пусть и занимается своим ковром, когда остынет горячая кавказская кровь.

Объективно оценив свой непрезентабельный внешний вид, Марьяна решила пару дней пересидеть дома, не показываясь на люди. Да и не стоит лишний раз попадаться на глаза разъяренному Магомеду. Вдруг он снова захочет ее пристукнуть? Марьяна собрала с пола таблетки, попутно заглянув под кровать и тумбочку. Вдруг и туда закатились?

Пересчитала. Оказалось восемнадцать штук. Спрятала их в пустую коробочку от крема и снова прилегла.

Несчастливая жертва семейной разборки может себе это позволить. За последнее время окружение их семьи уже привыкло к чудачествам жены хозяина и не тревожило ее по пустякам. Для полного расслабления Марьяна проглотила таблетку и снова заснула. Почему-то сегодня старуха из сновидений решила оставить ее в покое. Может быть, ночным кошмарам тоже время от времени надо отдыхать и даже спать. Если это на самом деле так, то полуслепая ведьма сейчас, возможно, смотрела какой-то свой собственный любимый кошмар. Так ей и надо, чтобы не тревожила людей. Утро не принесло Марьяне никаких особых проблем. Она и дальше продолжала бы спокойно спать, но ее разбудил настойчивый стук в дверь. Натянув на голову подушку и свернувшись калачиком, Марьяна еще какое-то время пыталась вернуться в счастливое состояние волшебного сна. Но настырный стук грубо вторгался в приятные видения и мешал на них сосредоточиться. Вскоре послышался и голос с явно кавказским акцентом, но это точно был не Магомед.

– Сейчас, – недовольно буркнула Марьяна, шлепая босыми ногами по полу и на ходу стараясь ощупью попасть в рукава халата. – Ну, что надо? – с этими словами она широко распахнула дверь и встала на пороге, всем своим видом демонстрируя недовольствие.

Перед ней неуверенно топтался один из охранников, приставленных Магомедом. Будучи невысокого роста, он старался заглянуть ей через плечо, и это ему не удавалось.

– Ты кого-то ищешь? – холодно спросила Марьяна.

Охранник перестал вытягиваться и посмотрел на нее. От ее вида глаза парня округлились. Марьяна ухмыльнулась и ехидно сообщила:

– Мы вчера немного поцапались, и Магомед Султанович ушел. А я плохо себя чувствую и просила бы меня не беспокоить, – с этими словами она попыталась захлопнуть дверь, но не тут-то было. Охранник успел подставить ногу.

– Еще какие-то вопросы? – в голосе Марьяны уже звучала сталь. Это подействовало.

– Магомед Султанович... Он пропал, – в голосе парня появились просительные нотки.

– Как пропал? – Марьяне даже не потребовалось разгрызывать изумление. Она в самом деле не верила своим ушам. Куда же в таком случае он делся?

– Ну, его никто не видел со вчерашнего вечера. Говорят, – охранник неопределенно кивнул головой в пространство, – Магомед Султанович возвращался домой в очень плохом настроении. Ему кто-то позвонил, и он очень расстроился.

«Бедняжка, – буркнула Марьяна сквозь зубы, – надо же, расстроился». Парень сделал вид или правда не расслышал ее слов и промолчал. Марьяна подтвердила:

– Это точно. Домой он явился очень расстроенный. После чего мы... гм... поругались, и я закрылась в ванной. А когда вышла оттуда, его уже и след простыл, – она сама не понимала, почему объясняет это какому-то охраннику. Хотя, наверное, стоило прокрутить эту версию на первом повернувшемся под руку. Марьяна почувствовала, что скоро придется объяснять то же самое уже в полиции. Дело принимало неприятный оборот, и мысли сразу же вернулись к окровавленному ковру.

– Да, – задумчиво протянул охранник, – и мобильный молчит. Что же теперь делать?

– Ну, я не знаю, – Марьяне хотелось поскорее закрыть дверь и заняться ковром. – В конце концов, когда Магомеда Султановича нет на месте, жизнь же не останавливается. У него есть... этот как его... – она щелкнула пальцами, стараясь вспомнить имя заместителя своего мужа. Оно никак не всплывало. Так, уже начались провалы в памяти. Дело дрянь. Пора принимать меры.

– Хасан, – осторожно подсказал охранник.

– Он самый, – с облегчением выдохнула Марьяна. – Вот пусть Хасан пока и занимается делами, а когда Магомед Султанович вернется, то все объяснит.

– Но Хасан меня сюда и направил, – слова парня прозвучали не столько вопросом, сколько утверждением.

– Ничем не могу помочь, – Марьяна пожала плечами и закрыла дверь. Послышались удаляющиеся шаги.

Вздыхнув с облегчением, она заперла дверь и достала из сумки мобильник. Парень прав, надо попробовать набрать номер Магомед. Быстро пробежав по клавишам, Марьяна услышала сообщение, что абонент временно недоступен. Неврежно забросив телефон в угол комнаты, Марьяна присела перед пятном на ковре и постаралась сосредоточиться.

Она ведь ни в чем не виновата и отвечать перед законом ей не за что. Магомед мог уйти из комнаты только своими ногами. Значит, на тот момент он был жив. Марьяна снова и снова мысленно повторяла эти слова, словно стараясь убедить в этом саму себя. Но уверенности почему-то не прибавлялось, и это мешало сосредоточиться. Вскоре Марьяна поймала себя на том, что все чаще и чаще поглядывает на коробочку из-под крема.

Нет, сразу одернула она себя, не стоит, и вообще надо забыть про эти таблетки, просто прекратить их принимать, и все. Быстрым движением Марьяна поднялась с пола, резко выдвинула ящик тумбочки и бросила коробочку туда, чтобы не мозолила глаза. Выбросить – рука пока еще не поднималась. Хотя, возможно, это был бы самый правильный вариант.

Заглянув в ящик, она увидела маникюрные ножницы. Мысль пришла мгновенно – разрезать этот чертов ковер на мелкие кусочки и выбросить. Первым делом надо найти большие ножницы. Марьяна сразу же приступила к исполнению плана. Она шла по безмолвному, будто вымершему дому.

Тишина, окружающая ее, почему-то казалась зловещей. Обнаружив в одной из комнат большие портновские ножницы, Марьяна так решительно занялась делом, что уже не замечала ничего вокруг. Толстый ковер имел свои преимущества – кровь не протекла до пола. Но зато его так трудно было резать, что к концу Марьяна совершенно вымоталась и проголодалась. Рассовав куски ковра по многочисленным шкафам, она надеялась постепенно избавиться от улик. Наскоро перекусив, усталая, упала в постель. Впервые за много дней она спала без помощи таблеток.

Но к этому времени кошмар уже хорошенько отдохнул и решил начать очередную атаку на свою жертву. Та же ком-

ната, освещенная тусклым светом слабой лампочки, оказалась спальней. Старуха, тщательно укрытая пледом, сидела в кресле и смотрела на Марьяну зловещими бесцветными глазами... Время шло, старая ведьма молчала. Стояла такая тишина, что за окном был слышен шелест листьев. Внезапно лампочка под потолком начала мигать, а потом и вовсе погасла. Теперь стало не только тихо, но и темно.

Марьяна, видя, что ничего не происходит, решила тихонько выйти из комнаты. Вдруг она ошиблась дверью, и то, что ей нужно, находится где-то еще? Уже повернувшись к старухе спиной, она услышала позади слабый, надтреснутый голос:

– Ты не ошиблась дверью.

Марьяна теперь окончательно убедилась, что старуха в состоянии читать ее мысли, и испуганно остановилась. Внезапно в душе проснулся давно забытый детский страх перед темнотой. Она вспомнила, что когда была маленькой и оставалась одна в темной комнате, то старалась залезть под одеяло, закрыть глаза, там никакое чудовище ее не найдет. Почему-то тогда казалось, что если не видишь ничего страшного, то его как бы и не существует.

Вот и сейчас Марьяна замерла, стоя спиной к старухе. Ведь если не оглядываться, то можно представить, что там никого нет. А если никого нет, то и бояться некого. Она осторожно вздохнула. И в этот момент сзади послышался шорох. Вскрикнув от неожиданности, Марьяна резко оглянулась. В ночном сумраке комнаты лицо старухи белело каким-то размытым пятном. Но зато страшные глаза внезапно, сначала слегка, а потом все сильнее и сильнее, стали светиться холодным фосфоресцирующим светом.

Марьяна начала медленно пятиться к двери. Но слова старухи заставили ее остановиться и замереть.

– Тебе никуда от меня не деться! Никуда! Даже не надейся! – теперь ее голос совершенно не звучал слабо и надтреснуто. Скорее он был похож на громкое резкое карканье.

Марьяне показалось даже, что она слышит шум крыльев за окном.

Вскрикнув, она проснулась и сразу же включила лампу на тумбочке. Спальня озарилась теплым уютным светом.

Он успокоил Марьяну, и вскоре она заснула, теперь уже без кошмаров. Возможно, старуха на сегодня сказала все, что собиралась, и отстала до следующего раза. А в том, что он обязательно будет, теперь у Марьяны не оставалось никаких сомнений.

С утра пораньше, убедившись, что Магомед так и не появился, она решилась. Вскоре красный «рено» затормозил около отдела полиции. Положенных по закону трех суток с момента исчезновения еще не прошло, но доводы Марьяны были очень убедительны. Ей активно сочувствовала вся мужская часть отдела. Теперь оставалось только ждать. Она медленно ехала домой, размышляя по пути над тем незавидным положением, в котором оказалась.

Если Магомед по каким-то причинам скрывается, она не может стать наследницей, а деньги, оставшиеся на карточке, после расплаты с этой гадюкой Светкой, скоро закончатся. И что ей тогда делать? Если же Магомед на самом деле мертв, то, когда найдут его тело, родственники наверняка решат, что именно она прикончила мужа из-за денег, и быстренько отправят ее вслед за ним. Тогда вопрос, что ей делать, снимется сам собой. «Светка – сука. Это она во всем виновата». Придя к этому окончательному выводу, Марьяна заметила, что на автопилоте уже въезжает в ворота собственного дома.

Там стоял чей-то джип. Первой мыслью Марьяны было – вернулся Магомед! Не то чтобы она была счастлива его видеть, но это сразу снимало массу проблем, Бегом она влетела в дом и чуть не вцепилась в радостно улыбающегося Олега. Позади него маячила мрачная физиономия Дениса. Они составляли такую колоритную парочку, что впору было засмеяться, но Марьяна чуть не расплакалась. Только Иванов начал рассыпаться в любезностях, как Денис резко прервал его:

– Про Магомеда ничего не известно?

Марьяна тяжело вздохнула и уже хотела начать рассказывать о своем визите в полицию, как вдруг почувствовала, что на нее накатила волна слабости. Руки и ноги стали ватными и затряслись, голова закружилась, во рту пересохло. Казалось, заболела каждая косточка. Точно, она же с утра так

торопилась, что забыла выпить таблетку! Ей стало страшно. Неужели теперь она всю жизнь будет привязана к этому? Иванов снова заливался соловьем и, казалось, ничего не замечал. Слава богу! Марьяна украдкой глянула на Дениса. Он, не мигая, в упор смотрел на нее. Неужели догадался?

– Извините, одну минуточку, – еле выдавила из себя Марьяна. – Я сейчас вернусь и все расскажу.

Из последних сил она поднялась по лестнице. От внезапно появившегося озноба даже зубы застучали. Осторожно, стараясь не шуметь, Марьяна прикрыла за собой дверь, трясущимися руками вытащила коробочку и опять рассыпала таблетки, но собирать их времени не было...

Минут через десять она спустилась к гостям, снова уверенная в себе и улыбающаяся. Конечно, у нее есть проблемы, но это не мешает выглядеть и чувствовать себя неплохо, говорил весь ее вид.

Несколько урезанный рассказ Марьяны сильно озадачил Олега и Дениса. Ей даже показалось, что Иванов втайне обрадовался такому повороту событий. Теперь он распустил павлиний хвост уже открыто. Марьяна понимала: если Магомед мертв, то ей никак не обойтись без мужской поддержки, но внутренний голос настойчиво нашептывал, что Олег не тот человек, на которого стоит полагаться в сложных ситуациях. Пока Иванов вешал ей на уши очередную дребедень из западной жизни, а Марьяна делала вид, что очень внимательно его слушает, они даже не заметили, что Денис куда-то выходил. Вскоре, пожелав удачи, гости ушли, и Марьяна снова поднялась к себе.

Рассыпанные таблетки сразу же привлекли ее внимание. Аккуратно, по одной, она складывала их в коробку, автоматически пересчитывая. С глухим стуком они падали на дно – раз, два, три... четырнадцать, пятнадцать. Марьяна сунула их в ящик, но буквально через секунду открыла и снова пересчитала. Их должно было остаться шестнадцать. Она была уверена в этом. Только вчера их было восемнадцать, а она приняла всего две. Или три? Старательно отматывая время назад, Марьяна теперь уже не была полностью уверена, сколько же на самом деле штук она приняла.

Странно, но многое из того, что произошло совсем недавно, она уже не могла вспомнить. На нее снова накатила волна страха. Если все оставить как есть, она постепенно будет опускаться все ниже и ниже, пока не упадет на самое дно и сдохнет где-нибудь под забором. Она не может, не должна допустить этого.

Когда Марьяне окончательно удалось убедить себя в этом, она снова резко задвинула ящик, но опять не выбросила таблетки, решив, что когда ей будет очень плохо, ну просто совсем ужасно, вот тогда она, может быть, выпьет одну. Совсем малюсенькую таблеточку, но только одну. Мучимая бессонницей, она проглотила ее уже через несколько часов, даже не дожидаясь возвращения неприятной слабости и трясучки.

– Что-нибудь еще хочешь сказать? – сегодня Марьяна решив, что нападение – лучший способ защиты, сама начала разговор, едва оказавшись на пороге уже хорошо знакомой комнаты.

Лампочка снова горела прежним тусклым светом. Наверное, в отсутствие Марьяны кто-то ее успел заменить.

– Я еще больше убеждаюсь, что сделала правильный выбор, – не отвечая на вопрос, а комментируя какие-то свои потаенные мысли, зловредно хихикнула старуха и замолчала.

В комнате снова повисла зловещая тишина. Напускная храбрость Марьяны быстро начала предательски таять, а ее место мгновенно занял противный, клейкий страх, окутавший все тело от пяток до затылка. Но она совершенно не хотела показывать старухе своих истинных чувств и, вздернув подбородок, снова спросила:

– Может, расстанемся по-быстрому, если нам нечего сказать друг другу?

– Нет, – снова хихикнув, прошамкала старуха. – Рано еще нам расставаться. У меня к тебе есть дело. Пока еще ты не готова окончательно, но скоро... Скоро... Ты ведь даже не имеешь понятия, что тебя ждет. Скоро ты получишь такие возможности, о которых любой человек может только мечтать.

После этих слов Марьяна снова оказалась перед закрытой дверью в комнату старухи. А буквально через мгновение она стала уменьшаться, будто отдаляясь. Вскоре Марьяна поняла, дверь и, на самом деле, удаляется, а она летит все выше и выше. Это чувство не было страшным или неприятным, скорее наоборот. Ощущение полной свободы и необыкновенной легкости окутало ее и подняло на крыльях вверх. Рядом уже не было ни домика в саду, ни темных щупалец, ни старых церквей с черными свечами, только синева чистого неба без единого облачка и безграничная свобода.

Следующие несколько дней она провела, практически не вылезая из постели. Как объяснила себе – ей надо отдохнуть. Эти дни проскочили совсем незаметно, так же как и еще несколько таблеток, облегчивших ей тоскливое состояние тупой апатии. Магомед не появлялся. Полиция тоже молчала. Зато каждый день навещался Олег, но Марьяна, ссылаясь на болезнь, не хотела видеть и его.

Сейчас ей вообще никого не хотелось видеть. Однако никто, кроме Олега, к ней не заходил. Даже охранники, приставленные к ней Магомедом, незаметно куда-то испарились. Но это – даже к лучшему. Теперь она сама себе хозяйка. Во всяком случае, пока, до возвращения Магомеда. А там будет видно.

Когда однажды утром резко зазвонил телефон, она даже удивилась, решив вначале, что просто ошиблись номером. Не ошиблись. Звонили именно ей, и Марьяна без малейших сомнений проглотила очередную розовую таблетку. Ей надо быть в форме, потому что ехать предстояло на опознание. Судьба неотвратимо приближала ее к наихудшему варианту. Если это на самом деле Магомед, она – наследница, к тому же очень богатая. С этого момента ее жизнь постоянно будет в опасности. В этом Марьяна не сомневалась ни на минуту.

Красный «рено», взвизгнув шинами, резво покотил в город. Там ее ждала леденящая душу процедура – опознание тела, найденного полицейскими где-то за городом, в лесу.

ГЛАВА 7

Здание судмедэкспертизы выглядело сумрачно и неприятливо, а внутри царил арктический холод. Пока Марьяна, в сопровождении полицейского, шла по коридорам, успела продрогнуть до костей. Вскоре они остановились около двери, обитой светлым металлом. Навстречу им вышел здоровенный мужик, представившийся патологоанатомом. Он был в резиновых сапогах и таком же фартуке.

Марьяне показалось, что в его глазах промелькнуло сочувствие. Набрав в грудь побольше воздуха, она шагнула внутрь. Комната освещалась зеленоватыми софитами, претендующими на лампы дневного света, которые придавали и без того невеселой окружающей обстановке подчеркнуто мертвенный цвет, как и положено в таком месте. Здесь находились еще несколько человек в штатском. Конечно, Марьяна видела в кино, как это происходит, и ей казалось, что была готова ко всему. Но то, что предстало ее глазам, превзошло все самые неприятные ожидания.

Патологоанатом подвел Марьяну к каталке, накрытой простыней. Она почувствовала, как к ощущению чисто физического холода прибавляется какой-то потусторонний холод. Марьяна постаралась незаметно вытереть о юбку внезапно вспотевшие руки. Кажется, это не удалось, потому что взгляды всех присутствующих были направлены на нее.

– Вы готовы? – осторожно осведомился патологоанатом.

В горле внезапно пересохло, и она поняла, что вряд ли сможет членораздельно ответить. Поэтому только кивнула. Патологоанатом быстро откинул простыню, и перед ее остановившимися глазами предстало нечто. То, что Марьяна увидела, с трудом можно было назвать телом, потому что голова у него практически отсутствовала. На ее месте была какая-то бесформенная лепешка с торчащими во все стороны клоками пегих волос.

Комната перед глазами Марьяны закружилась, к горлу подкатила тошнота. Несколько секунд она пыталась сообразить, как лучше поступить, сразу падать в обморок или нестись в ближайший туалет и освобождаться от завтрака.

Почувствовав во рту противную горечь, Марьяна выбрала, второе и, прижав руку ко рту, умудрилась издать жалобный писк, содержащий только одно слово:

– Где?!

Патологоанатом правильно ее понял и выпалил в спину:

– По коридору, третья дверь направо!

Марьяна пулей понеслась в указанном направлении, надеясь, что успеет добежать и не опозориться где-нибудь по пути. Машинально отсчитав третью дверь, из последних сил влетела в кабинку. Желудок просто выворачивало наизнанку, из глаз текли слезы. Она судорожно кашляла, стараясь избавиться от всего лишнего. Наконец конвульсии прекратились, и Марьяна подошла к зеркалу. Цветом лица она сейчас вполне может поспорить с любым клиентом заботливого патологоанатома. Она умылась ледяной водой из-под крана. Кто-то осторожно постучал в дверь и вежливо спросил:

– С вами все в порядке?

– Почти, – буркнула Марьяна и открыла дверь. Там стоял один из людей в штатском.

– Вы в состоянии продолжать опознание? – спросил он.

– М-м... да-а, – без особой уверенности протянула она и всхлипнула. Мужчина поддержал ее за локоть, и они вернулись в комнату.

Наверное, пока Марьяна висела над унитазом, они решили больше не травмировать ее нежную психику и прикрыли голову тела, лежащего на каталке, простыней. Дальнейшая процедура прошла относительно спокойно. Не особенно приглядываясь к телу, Марьяна опознала Магомеда больше по костюму, дорогим часам «Ролекс» и сотовому телефону, лежащим на отдельном столе. Единственное, что смущало ее, – так это какой-то странный запах, исходящий от тела. Он был несильным, но уж очень неприятным. Марьяна благо-разумно промолчала, полагая, что так и должны пахнуть все трупы, пролежавшие несколько дней неизвестно где, до того, как оказались в морге.

Когда она подписывала соответствующие необходимые бумаги, вдруг заплакала. Не потому, что очень любила Магомеда, просто, за исключением последних событий, в кото-

рых, по большому счету, она сама была виновата, он был ей удобен. Марьяна знала, что с ним ей не о чем беспокоиться, у нее всегда будут деньги и спокойная, беспроblemная жизнь.

Нет, она никогда не желала смерти своему мужу, даже тогда, когда он поколотил ее. Правильно сделал. Если бы Магомед узнал ее тайну раньше и бил чаще, она, возможно, излечилась бы от своей пагубной привычки, и все могло сложиться совсем иначе.

Хлюпая носом и сморкаясь, Марьяна добрела до машины и, только загрузившись в нее, подумала, что красный «рено» – это единственная вещь, которую она сохранила от той, прошлой московской жизни. Почему? Ведь Магомед много раз предлагал купить ей что-нибудь получше, но Марьяна все-таки оставила себе «рено». Возможно, из-за мазохизма, присущего многим женщинам, чтобы уяснить для себя окончательно и больше не забывать, какой она была дурой. А может быть, подсознательно хотела постоянно напоминать себе, что все в мире преходяще?

Марьяна снова вернулась к тем же мыслям, которые посетили ее ночью, когда она вроде бы убила Магомеда. Почему, ну почему вся ее жизнь состоит из острых углов, взлетов и падений? Почему у нее не получается тихого и размеренного существования? Марьяна тут же представила себе, что продает бизнес Магомеда, ну, скажем, тому же Хасану, возвращается в свой занюханный городок и маленькую квартирку. Имея деньги, она сможет поменять ее на большую, сделать там евроремонт, хорошо обставить... И пойти работать учительницей, получая хорошие проценты с оставшихся денег, естественно, положенных в банк.

Слезы моментально высохли. Нет, она не хочет такой жизни в стоячем болоте, ей, как любому авантюристу, необходимо наличие адреналина в крови. Уж лучше пускай будет то, что есть, даже несмотря на ощущение постоянной угрожающей опасности. Видимо, из-за желания почувствовать адреналин в крови, она и попадает постоянно в какие-то сомнительные ситуации. Наверное, такие, как она, не могут существовать иначе. Теперь надо только понять, на каком

этапе она сейчас находится? Взлет это или падение и, соответственно, что за этим последует? Поэтому красный «рено» она оставит себе в качестве напоминания, пока...

Когда Марьяна выезжала со стоянки судмедэкспертизы, то сразу заметила, что за ней сразу пристроился черный «БМВ». Она присмотрелась и узнала за рулем Хасана. Странно, что он один, подумала Марьяна. Но, в конце концов, это не ее дело. Он явно хочет узнать, как дела, причем первым. Притормозив, Марьяна высунулась из машины и крикнула:

– Поехали домой!

Хасан через стекло утвердительно кивнул, и они направились в сторону особняка. Как только машины въехали во двор, она не успела толком открыть дверцу – Хасан уже выскочил из машины, подбежал к Марьяне и, не дожидаясь пока они войдут в дом, спросил:

– Ну что?

– Это он, – тихим, приличествующим случаю голосом ответила Марьяна.

Ей показалось или действительно в глазах Хасана на мгновение блеснула радость? А может, просто солнце сыграло с ней такую шутку? Если это правда, то можно сделать вывод, что Хасан рассчитывает занять место Магомеда во всех отношениях. Он думает, что Марьяна просто глупая вдова и ею можно будет крутить как угодно, по своему разумению. Вот она, первая проблема! Но вместо того чтобы расстроиться, Марьяна внезапно почувствовала азарт и желание бороться. Отчего-то сейчас Хасан напомнил ей грифа, прилетевшего на трупный запах в поисках легкой добычи. И Марьяна решила: «Ничего у тебя не выйдет!»

Теперь я, а не ты, буду править в городе. Просто пока не решила, каким способом этого добьюсь. Мысли проскользнули в ее голове легким перышком. Хотя и осунувшееся, но по-прежнему красивое ее лицо не выражало ничего кроме глубокой печали, и только небо отражалось в глубоких синих глазах. А Хасан лишь укрепился во мнении, что все красивые женщины – дуры. Вдове пора подумать об очередном замужестве. Любая женщина нуждается в том, чтобы за ней

присматривал настоящий мужчина, а уж богатая тем более, потому что большим деньгам нужен хороший хозяин.

Марьяна сделала приглашающий жест в сторону дома. Хасан не стал отказываться. Почему бы не утешить вдову?

– Помянем? – слова Марьяны прозвучали не столько вопросом, сколько утверждением.

– Да, пожалуй. Хороший был человек, – согласился Хасан, по-хозяйски развалившись в большом кожаном кресле в гостиной.

Марьяна подошла к бару, выбрала из множества стоящих там бутылок «Хеннесси», плеснула в толстые пузатые стопки золотистой жидкости на два пальца, молча поставила на низкий журнальный столик, а сама опустилась в кресло напротив. Хасан тут же уставился горящими глазами на красивые длинные ноги, покрытые ровным золотистым загаром, которые оказались у него практически перед носом. «Сейчас у него слюни потекут, – равнодушно отметила про себя Марьяна. – Надо бы слюнявчик предложить». А вслух издала тяжелый протяжный вздох и захлопала синими глазами, как бы прогоняя навернувшиеся слезы. Хасан тоже подчеркнуто печально вздохнул, а его взгляд опять вернулся к ее ногам.

Пауза становилась просто неприличной, даже Хасан, не будучи светским человеком, почувствовал это. Но вдова продолжала упорно молчать, глядя пустым взглядом в окно, а он все никак не мог найти подходящих слов для начала разговора. Из-за этого Хасан начал слегка нервничать. Поэтому, когда Марьяна с очередным тяжким вздохом задала вопрос, он был ей даже благодарен, хотя сам вопрос прозвучал для него далеко не приятно:

– Конечно, надо еще посоветоваться с адвокатами, но, судя по всему, я являюсь единственной наследницей?

Вначале Хасану показалось, что в ее голосе мелькнула легкая насмешка. Но присмотревшись внимательнее, он не увидел в спокойно-грустном лице Марьяны ни малейшего намека на издевку, поэтому решил ответить правдиво.

В конце концов, если эта дура станет претендовать на фактическое руководство холдингом, ее всегда можно убрать. А пока пускай будет красивой ширмой. Если все

пойдет, как задумано, то вскоре он покажет ей, кто в доме хозяин. На самом деле Хасану было даже выгодно, чтобы все досталось этой кукле. С ней будет намного проще иметь дело, чем с дальними родственниками Магомеда. На женщин давить легче. Они слабые и зависимые существа, легко поддающиеся влиянию. Так он думал, но говорил совершенно другое:

– Вроде бы, да. Там, в горах, у Магомеда, конечно, есть родственники, но все очень дальние. К тому же не факт, что они захотят переезжать сюда. Так что, думаю, с этой стороны тебе волноваться не о чем, а вот с другой стороны...

– Но я слышала, что надо ждать целых полгода, – капризно надувая губы, протянула Марьяна, и одновременно положила ногу на ногу, отчего юбка поднялась значительно выше допустимых приличиями норм. Пару минут она, как бы не замечая этого, меланхолично смотрела в пространство, давая Хасану возможность как следует оценить всю красоту открывшегося вида, потом равнодушно одернула юбку. Хасан моргнул и постарался сосредоточиться на существе заданного вопроса. Хотя он понятия не имел про эти полгода, но с видом полного превосходства над умственными способностями женщины заявил:

– В общем, да. Но любой закон всегда можно обойти, если найти необходимых людей, ну и при наличии определенных средств, конечно.

– Надеюсь, я могу рассчитывать на тебя в этом вопросе, а то я просто теряюсь во всех этих юридических тонкостях, – Марьяна слегка всхлипнула. – Мне сейчас и так очень трудно. Ты же понимаешь?

– Не волнуйся. Все будет сделано в лучшем виде, – Хасан покровительственно похлопал ее по руке.

– Хорошо, я рассчитываю на тебя, заодно займись и организацией похорон, пожалуйста. Я сейчас пойду, полежу немного, – произнесла Марьяна, поднимаясь с кресла и этим давая понять, что разговор окончен.

Выпроводив Хасана, она поднялась в спальню, открыла ящик тумбочки. И только в этот момент поняла, что мечтала об этой коробочке уже часа два. Розовые таблетки так

манили и притягивали к себе, что Марьяна даже облизнула губы кончиком языка. Вот сейчас, сейчас... Она высыпала на ладонь оставшиеся кругляшки. Шесть штук. Марьяна уже поднесла руку ко рту и замерла. Шесть штук. Если дальше все пойдет такими же темпами, то таблеток ей хватит на три-четыре дня. А что потом? Потом бежать к Светке и снова униженно валяться у нее в ногах, умоляя продать еще, еще, и еще... Нет! Марьяне показалось, что она произнесла это вслух.

Рука бессильно упала, и таблетки с сухим стуком раскатились по полу. Марьяна облизала сухие губы. Ее снова начинала мучить жажда. Первый предвестник. Она прикрыла глаза, представляя, что будет дальше. А дальше пойдут головокружение, тошнота, ломота во всем теле... Таблетка, провалы в памяти, катастрофически растущие, как снежный ком, расходы на покупку все большего количества зелья, постоянное унижение перед этой сукой. А потом, потом она потеряет все, включая жизнь. Марьяна точно знала, что наркоманы долго не живут.

Она вздрогнула, открыла глаза и тупо посмотрела вниз. Розовенькие веселенькие кругляшки так и притягивали к себе взгляд. С этим надо кончать, причем немедленно. Если она будет и дальше раздумывать, то уже точно не решится завязать. Надо действовать. Марьяна присела и аккуратно собрала таблетки с пола. Еще раз пересчитала. Шесть штук. Боясь передумать, она быстро вошла в ванную и высыпала таблетки в унитаз. Зашумела вода. Все. Теперь назад пути нет. Только вперед.

Марьяна вернулась в спальню и легла, ожидая очередного приступа, который не замедлил проявиться во всей полноте. Обхватив себя руками, сжавшись в комочек, она кусала губы и, скрипя зубами, каталась по кровати. В голове гудело, перед глазами прыгали разноцветные пятна, зубы стучали, выбивая неровную дробь. Все тело покрылось противным холодным и липким потом. Слабость, слабость, слабость... Она сопровождалась упорно давящим на уши противным монотонным шумом.

Марьяна расслабилась и открыла глаза. Боль, кажется, отступила. Надолго? Едва переставляя дрожащие ноги, она доплелась до ванной. С отвращением глянула на свое бледное отражение в остатках разбитого зеркала. Сколько времени будет продолжаться этот кошмар? Сколько еще сил ей понадобится? Водный массаж немного помог, но в столовую она смогла спуститься только к вечеру. На еду было тошно даже смотреть, а есть и подавно. Она буквально проталкивала в себя пищу, напоминавшую вату, совершенно не ощущая вкуса. Хорошо, что Магомед еще до женитьбы нанял женщину для приготовления еды и ухода за домом. Если бы не она, Марьяна умерла бы с голоду. В последние сутки не было сил даже шевелиться.

Ночью ей стало еще хуже. Натянув на голову одеяло, она проклинала свой опрометчивый поступок. Нельзя, нельзя было выбрасывать все таблетки. Сейчас выпила бы парочку и заснула, как младенец, а теперь неизвестно, удастся ли заснуть вообще. Когда первые лучи солнца начали рисовать импрессионистскую картину на шторах, ей все-таки удалось немного подремать.

Уже оказавшись по ту сторону сновидений, Марьяна поняла, что теперь, как должного, ждет появления очередного кошмара. Но старая карга, видимо, решила дать ей передохнуть. Конечно, как и положено, они опять встретились в плохо освещенной спальне. Старуха, правда, не говорила и не делала ничего страшного, а даже посочувствовала Марьяне.

– Тебе сейчас плохо, очень плохо, – сегодня ее голос снова по старчески дребезжал. – Но это пройдет...

– Скоро? – перебила ее Марьяна.

– А это уж зависит от тебя самой, – хитрая ухмылка скривила беззубый рот...

Больше Марьяна ничего не помнила.

А утром, когда она сидела, обхватив обеими руками чашку, и раздумывала над сложной проблемой, – как донести ее до рта, не расплескав по пути половину, вдруг появился Ха-

сан. Марьяна посмотрела на него мутным невыразительным взглядом. К счастью для нее, статус безутешной вдовы позволял ей выглядеть именно так. Проблема могла возникнуть недели через две, когда любое горе должно несколько притупиться. Марьяна с усилием моргнула и постаралась сфокусировать взгляд на его упорно расплывающемся лице.

Хасан смотрел на вдову с некоторым удивлением. Он явно не ожидал такого проявления горя, будучи уверен, что застанет ее в радостном волнении по поводу ожидаемого наследства. Марьяна, наконец, нашла позу, при которой Хасан имел одну, а не две головы. Надо было просто смотреть исподлобья. Немигающим взглядом она уставилась на собеседника. Если бы он знал, чем вызван такой прием, то, вероятно, очень обрадовался бы, но сейчас ему было не по себе.

– Есть хочешь? – чужим, охрипшим голосом, еле ворочая языком, спросила Марьяна.

Такое предложение успокоило Хасана. Похоже, она, в самом деле, очень переживает смерть мужа. Еще не понимает, что вскоре лишится вообще всего, решил он. За прошедшее время он пытался провести свое расследование по поводу зверского убийства Магомеда. В городе было немало людей, желающих тому смерти, но вот у кого могла появиться такая возможность? Как он мог оказаться в лесу, около какой-то речушки, где нашли тело? Куда он вообще делся ночью из собственного дома, оставив машину на месте?

Хасан все время упорно возвращался к одной и той же мысли. Мини-завод по производству наркотика они уже запустили. Само собой, подпольно, значит, законного, задокументированного хозяина у него нет, поэтому доходное место будет принадлежать тому, кто останется в живых. Вдова даже не догадывается о существовании такого лакомого кусочка. Остаются двое приезжих. В принципе, тихо их пришить – не проблема. Но если Магомед имел с ними дело, значит, за москвичом стоят такие силы, что убирать его – себе дороже. Обидно, что Магомед был таким скрытным человеком. Даже с ним, Хасаном, своим заместителем и помощником, далеко не всем делился.

Теперь ему, как слепому котенку, придется тыкаться во все, даже самые маленькие дырки, разыскивая концы. Единственное, что можно сделать в этой скользкой ситуации, – натравить на этих приезжих вдову. Короче, сдать ей заводик. Пусть она свою голову подставляет, а он потом воспользуется плодами ее трудов. Хасан довольно усмехнулся и в этот момент заметил, что Марьяна смотрит на него в ожидании ответа. Судя по ее напряженному взгляду, смотрит уже довольно давно.

– Да, пожалуй, перекушу немного, а то набегался с утра из-за похорон.

Марьяна, слегка пошатываясь, побрела на кухню. Хасан с любопытством смотрел ей вслед. Странно она как-то выглядит. Ну, понятно, горе и все такое. Но что-то в ее поведении определенно настораживало. Надо будет поговорить со Светкой. Может, скажет что-нибудь интересное. Будет просто шикарно, если Светка подтвердит возникшее у него подозрение. Тогда вдовушка точно не вырвется из его цепких объятий. Из задумчивости Хасана вывел запах кофе и стук чашки, которую Марьяна резко поставила у него перед носом. Подождав, пока помощник Магомеда поест, она предложила:

– Теперь рассказывай.

Вначале Хасан повел длинное повествование о похоронах, втайне надеясь, что Марьяна его перебьет и выдаст нетерпение по поводу наследства. Но надежды не оправдались. Она слушала очень внимательно, изредка перебивая совершенно четкими вопросами по существу. Наконец Хасан полностью исчерпал тему. Пришлось переходить к наследству.

Надо отдать должное Марьяне, ничто в ее лице не выдавало повышенного интереса к новому предмету разговора. Но Хасан никогда бы не поверил, что эта тема и впрямь ее не интересует. Однако Марьяна только коротко поблагодарила за то, что какими-то извилистыми путями ему удалось сжать половину года до одного, максимум двух месяцев. Единственное, что позволила себе вдова, это легкую благодарную улыбку. При этом она была очень бледна и тяжело дышала. Хасан, внимательно наблюдая за ней, все больше и больше укреплялся в своем подозрении.

Он решил пока ничего не говорить Марьяне о наркотическом производстве. Вот когда она получит все, тогда Хасан и подкинет этот плюс ко всему остальному. К тому времени он рассчитывал точно знать, будет ли она одним из потребителей собственной продукции. А пока Хасан надеялся стать незаменимым человеком для этой куклы. Человеком, с которым Марьяна будет советоваться и согласовывать каждый свой шаг. Ближе его у нее к тому времени не должно быть уже никого. Именно Хасана она станет ждать, изнывая от нетерпения, когда он будет приносить ей то, без чего она уже не сможет жить. Такая перспектива так и подмывала его вскочить с кресла и исполнить победный горский танец.

Когда Хасан ушел, Марьяна почувствовала, что еще немного, и она сорвалась бы прямо при нем. Терпеть уже никаких сил не было. Одна мысль, как дятел, стучала в голове: «Добраться до спальни так, чтобы никто ничего не заметил». Быстро оглянувшись, она ломаными прыжками проскакала по лестнице и уже почти на четвереньках добралась до комнаты.

Буквально лбом открыв дверь, она ввалилась туда и без сил упала на пол, ногами захлопнув дверь. Ее била такая трясучка, что, казалось, вот-вот повылетают зубы, разлетятся суставы, а потом затрясется весь дом. Марьяна, прямо в одежде, заползла на кровать и сжалась в комочек. Ей казалось, что в такой позе у трясучки меньше шансов полностью уничтожить ее.

Она не знала, сколько времени провела в таком состоянии. Лежа пластом на кровати, совершенно обессиленная, с ужасом думала о предстоящих завтра похоронах Магомеда. Как она сможет выдержать целый день на глазах множества людей, которые будут отслеживать каждый ее шаг, каждое движение, чтобы потом, обсасывая в разговорах все произошедшее, вдоволь насладиться перемыванием косточек ближнего?

Внезапно с тумбочки послышался какой-то резкий звук. С большим запозданием до Марьяны дошло, что это надывается телефон. Слабой, трясущейся рукой она дотянулась до аппарата, но не смогла удержать трубку, и та, издав прощальный хлюпающий звук, шмякнулась на пол. Не рассчитав

поворота, Марьяна тоже скатилась следом, сильно ударившись локтем об угол тумбочки. Резкая боль немного привела ее в чувство. Нашупав отлетевшую трубку, Марьяна каркнула в нее, преодолевая спазм голосовых связок:

– Да.

Видимо, после удара в трубке что-то отломилось, голос на том конце провода сквозь шум и треск был еле слышен.

– Это Денис, – с трудом разобрала она. – С вами все в порядке?

Такая постановка вопроса несколько удивила Марьяну.

– Почти, просто я себя неважно чувствую... после всего.

– Мне надо с вами встретиться, – продолжала хрипеть трубка.

– Приезжайте, – отрешенно согласилась Марьяна.

Вновь накатившую апатию она воспринимала теперь просто подарком судьбы, райским наслаждением после жестокой ломки. Улыбаясь от неожиданно свалившегося счастья, она поплелась вниз по лестнице. Порхать, как когда-то, сил не оставалось. Все они уходили на невидимую борьбу, которую Марьяна вела за закрытыми дверями спальни с собой и с коварным врагом, которого впустила в свою жизнь как лучшего друга.

За последнее время она поняла, что внутренняя борьба человека с самим собой – самая страшная и трудная, потому что, в любом случае, проигрывает одно из твоих «Я». По пути она взглянула на часы. Приступ длился почти два часа. Интересно, они постепенно будут укорачиваться, или ей и дальше предстоит такая же невообразимая мука. А стоит ли тогда продолжать?.. Подленькая мысль осталась незаконченной. Во дворе послышался звук подъезжающей машины. Марьяна приклеила на лицо дежурную улыбку и пошла открывать.

ГЛАВА 8

К ее удивлению, Денис был один, без Санчо Пансы – немолчающего Олега. Хотя еще вопрос – кто из них кто. Денис окинул ее оценивающим взглядом и прокомментировал:

– Вы неважно выглядите.

– Спасибо за комплимент. Имею полное право, у меня горе. – И она тяжело плюхнулась в кресло, уставившись на гостя пустым, ничего не выражающим взглядом.

Денис, не дожидаясь приглашения, которое вполне могло и не поступить, молча последовал ее примеру. К удивлению Марьяны, он не торопился начинать разговор, продолжая внимательно присматриваться к ней. Вскоре Марьяна, и сама часто применявшая этот прием, почувствовала, что начинает нервничать.

– Что налить – виски, коньяк, кофе? – стремясь как-то занять паузу, нервно предложила она.

– Кофе, – выбрал собеседник, и Марьяна, вздохнув с облегчением, вышла на кухню.

Когда она с кофе шла назад, то чувствовала, как предательски дрожат руки, с противным звяканьем елозят по блюдцам чашки и прыгают ложки, довершая аккомпанемент. Опустив глаза на поднос, Марьяна постоянно чувствовала изучающий взгляд Дениса. Она пока не знала, что он содержит в себе – сочувствие или презрение, а потому боялась поднять глаза, чтобы не узнать горькую правду раньше времени. Глядя вниз, она молча поставила чашки на журнальный столик.

– Марьяна, в таком состоянии вы не сможете завтра быть на похоронах, – Денис озвучил мысль, которая мучила ее все последнее время.

Она вздрогнула и подняла на него глаза. Кажется, сочувствие, облегченно определила для себя.

– Я могу дать вам лекарство, которое на какое-то время уменьшит ломку, – закончил свое предложение Денис.

Тонкая фарфоровая чашка выскользнула из внезапно ослабевших пальцев Марьяны, ударилась о край стола. Осколки, вперемешку с горячим кофе брызнули на ноги, залив темно-коричневой жижей ковер. Не обратив на это внимания и только поджав ноги, Марьяна в немом изумлении уставилась на Дениса. Он ведь почти не видел ее! Как же смог так четко определить состояние, в котором она сейчас находится? Неужели, это так заметно для всех окружающих? Марьяна судорожно сглотнула и спросила:

– Кто вам сказал такую чушь?

– Никто. Сам догадался, – усмехнулся Денис.

– Неправда, – начала яростно защищаться Марьяна. – Это всего лишь гнусные и мерзкие сплетни! Я не наркоманка! – она уже почти кричала.

– Не надо мне ничего доказывать, – равнодушно пожал плечами собеседник. – Это не мое дело. Просто решил помочь безутешной вдове. Так вы хотите завтра выглядеть так, чтобы не давать пищу для сплетен? – Денис посмотрел ей в глаза.

Марьяна взяла себя в руки, выдержала его взгляд и твердо ответила:

– Да.

– Вот и хорошо, – Денис вытащил из кармана и поставил перед ней на стол маленькую пластмассовую баночку и проинструктировал: – Там две штуки. Одну выпьете на ночь, другую – утром. Запомнили? – он поднялся.

Марьяна согласно кивнула. Безучастно глядя на закрывшуюся за Денисом дверь, она медленно отвинтила крышку и высыпала на стол таблетки. Нет, они совершенно не были похожи на экстази. Совсем маленькие, беленькие, даже меньше самых обычных таблеток. Марьяна вначале хотела обрадоваться, но вдруг ей стало страшно. Она видела Дениса всего несколько раз, а разговаривала – и того меньше. Кто он? Что им движет? И главное, что из себя представляют таблетки, которые сейчас лежат перед ней? А если это какой-нибудь сильнодействующий наркотик нового поколения? Тогда, выпив его, она сразу превратится черт знает во что?

Марьяна осторожно взяла одну таблетку двумя пальцами и лизнула кончиком языка. Вкус обычный, горьковатый... Она растерянно вздохнула, смахнула таблетки в баночку, завинтила крышку. Может, Денис и правда действовал из лучших побуждений? Но что-то за последнее время Марьяна не сталкивалась с такими доброжелателями, а все, что она вначале воспринимала как добрые поступки, в итоге оказывалось самой низкой подлостью. Кажется, она окончательно перестала верить людям. «И правильно, – убеждала себя Марьяна. – Никому нельзя верить. Все гады и сволочи. Ни

одного приличного человека вокруг. Все только и ждут, как бы урвать что-нибудь для себя».

Перед тем как лечь спать, Марьяна опять долго разглядывала таблетки. Она понюхала и снова лизнула, наконец, решившись, запрокинула голову, бросила таблетку на язык и глотнула воды. В конце концов, все мы смертны. Лучше умереть молодой и красивой, чем так мучиться. Правильные мысли еще проплывали в ее голове, а перед глазами уже пошли первые кадры какого-то красивого сказочного кино. Через пять минут Марьяна крепко спала, впервые, за последнее время, без кошмаров и безотчетной тревоги.

Даже старой карге не удалось просочиться в спокойные сновидения через мощный заслон, выставленный каким-то сложным химическим препаратом. Хотя, возможно, дело было совсем не в этом, а старуха просто решила поиграть со своей жертвой и отпустить ее немного погулять на длинном поводке, чтобы, вернувшись, со всей своей черной силой показать, кто в доме настоящий хозяин.

Утро приятно удивило Марьяну прежде всего тем, что она жива, здорова и очень хорошо выспалась. Теперь уже без малейших сомнений Марьяна проглотила вторую таблетку и начала собираться. День обещал быть тяжелым. Надо как следует к нему подготовиться. И она подготовилась. Когда Хасан заехал за Марьяной, он засомневался, что вчера разговаривал именно с ней. Ничто в строгой, подтянутой женщине, в глухом черном платье, не напоминало вчерашнюю растерянную и растрепанную вдову. Где-то в глубине сознания у него шевельнулись смутные подозрения. Получается, Марьяна может быть слишком разной, значит, непредсказуемой. А это опасно. Кто знает, какая она – настоящая?

На кладбище Марьяна, скрыв глаза за темными очками, с опаской оглядывала пришедших проститься. От кого еще, кроме Хасана, можно ждать подвоха? Любопытствующего народа собралось много. Марьяна с ужасом представила себе, как вся эта кодла восприняла бы ее вчерашнее состояние.

Даже местное телевидение настырно путалось под ногами в поисках сенсации. Марьяна знала, что в городе есть

несколько телекомпаний, но что так много, она даже не предполагала. А может, просто слишком много обслуживающего персонала? Им-то что надо? Ведь все равно ничего не перепадет! И, только внимательнее приглядевшись к ним, поняла – люди просто выполняют задание, отрабатывая свой нелегкий хлеб провинциального журналиста. Местное начальство, не уверенное, кто придет к власти в империи Магомеда, старалось не ошибиться, а потому усиленно виляло хвостами перед всеми возможными претендентами, включая и Марьяну. Значит, эти пока не сбрасывают ее со счетов, с удовлетворением отметила она.

Кавказцы смотрели на Марьяну как на пустое место, усиленно обхаживая Хасана. Новоиспеченная вдова обиженно поджала губы и перевела взгляд дальше. Люди Магомеда из славян стояли особняком, и в их взглядах не чувствовалось уверенности. Правда, кое-кто из них посматривал на Марьяну, однако уважения, приличествующего будущей хозяйке, она не заметила. Не доверяют, а зря.

Люди, напрямую связанные с Хасаном, нагло и уверенно поглядывали по сторонам. Они не сомневались, что останутся здесь главными и дальше. Частенько их внимательные взгляды с неприязнью обращались в сторону Олега и Дениса. Значит, Хасан предполагает, что это они убили Магомеда? Странно, зачем им это делать? Но тогда еще более странно – почему они до сих пор живы?

Денис с Олегом не относились ни к одной из местных группировок, а потому стояли несколько в отдалении от остальных. Денис равнодушно оглядывал толпу, покусывая травинку, а Олег усиленно крутил головой, прикидывая, как кратчайшим путем добраться до Марьяны. Еще дальше не спеша прогуливались несколько людей в штатском, и Марьяне показалось, что одного из них она уже видела на опознании тела Магомеда. Все правильно, следствие продолжается – убийство есть убийство.

Вскоре Иванову удалось наконец к ней пробраться. Как ближайший родственник или как минимум друг семьи он обнял Марьяну за талию и, интимно склонившись к ее розовому ушку, начал бормотать какие-то успокаивающие банально-

сти. Томно склонив голову на подставленное с готовностью плечо Олега, она из-за темных стекол очков, мстительно скосила глаза в сторону Хасана. Пока он, как единственный петух в курятнике, распушив хвост, показывал, кто здесь хозяин, у несчастной вдовы нашелся утешитель, который к тому же явно претендовал на большее. Оценив ситуацию, Хасан встрепенулся и в мгновение ока оказался около них.

– За Марьяной есть кому присмотреть, – сквозь зубы процедил он опешившему Иванову. – Вали отсюда, пока цел. Ты здесь никто.

– Но я просто... просто хотел... – от такого хамства Олег наконец растерялся.

– Хасан, ну что ты цепляешься к человеку? – мягко проворковала Марьяна. – Он просто подошел выразить соболезнование. В конце концов, похороны – не то место, где стоит выяснять отношения, хотя бы из уважения к покойному. – И она сурово поджала губы, всем своим видом выказывая явное неудовольствие поступком Хасана.

Обдав Иванова презрением, тот отошел, поигрывая желваками, но его оценивающий и изучающий взгляд в течение всей процедуры то и дело возвращался к ним.

Прислонившись к Олегу и выражая лицом всю мировую скорбь, Марьяна никак не могла отделаться от одной, пока не оформившейся мысли. Что-то она упустила, что-то проглядела. Надо отдать должное Хасану – похороны он организовал по высшему разряду. Все шло четко, секунда в секунду. И когда они уже шли к машинам, Марьяна вдруг сообразила, какая мысль никак не давала ей покоя. Светка.

Почему ее здесь не было? Марьяна так резко остановилась и оглянулась, что кто-то из шедших сзади, даже налетел на нее от неожиданности. Ей показалось, что вдалеке, среди деревьев, мелькнул Светкин силуэт, который сразу же исчез за надгробиями. Теперь Марьяна начала постоянно напряженно оглядываться по сторонам. Но больше ничего так и не заметила.

Странно, почему все-таки Светка не пришла на похороны? Эта мысль неотступно давала о себе знать в течение всего вечера. Потом усталость взяла свое, и вся эта круговерть,

вместе со Светкой, отошла на задний план. Марьяна с ужасом ждала ночи. Таблеток больше не было, а Денис уже не пытался проявить человеколюбие. Права оказалась старуха из очередного сна – теперь все зависело только от нее самой.

Может быть, из-за похорон, всегда производящих гнетущее впечатление, а может, из-за перехода ее заболевания в какую-то новую, неведомую стадию, она заснула быстро, но всю ночь ее мучили кошмары.

Вначале ей снился деревенский погост с покосившимися крестами и разрытыми могилами, из которых то и дело выскакивали полуразложившиеся трупы и с радостными воплями гонялись за ней по кладбищу. Потом снова появилась старая церковь теперь уже с громадными, высотой почти до самого свода, черными свечами. От них исходило мертвенное фосфоресцирующее сияние, которое незаметно превратилось в страшные светящиеся глаза старой знакомой, по-прежнему уютно расположившейся в кресле под тусклой лампочкой.

Теперь старуха опять пыталась что-то сказать, но ее слова постоянно ускользали от внимания Марьяны. Во всяком случае, это было явно нечто важное. Для кого же из них двоих? Этот вопрос постоянно преследовал ее, но оставался без ответа. Даже сейчас открывающийся беззубый рот старухи издавал только нечленораздельные звуки, которые спящее сознание Марьяны никак не могло воспринять, и они безмолвно уходили на подсознательный уровень, накапливаясь до лучших времен.

Потом опять бесконечно крутились кладбище, кресты и старуха. Видимо, только под утро ей удалось, наконец, справиться с мешающими препонами, и старуха, тяжело, с присвистом, переводя дыхание, заговорила слабым, едва различимым шепотом:

– Теперь я уверена, что ты именно та, кого я так давно искала. Ты станешь моей последовательницей. Тебе я передам все свои знания и научу ими пользоваться. Только ты сама должна прийти ко мне.

После этих загадочных слов Марьяна почувствовала, как на нее повеяло потусторонним холодом. Может быть, именно так ощущается холод смерти, о котором так много говорят? Нет, такие знания ей не нужны. Она не хочет связываться с черными силами, даже если они дают сомнительную и неограниченную власть.

Старуха, легко прочитав мысли Марьяны, опять заговорила. Только теперь это был уже совершенно другой, властный и приказной тон, каким обращается хозяйка к своему нерадивому слуге:

– Не дури. Ты не представляешь, от чего отказываешься. Моя сила даст тебе власть, огромную власть над людьми. Ты будешь управлять ими по собственной воле и желанию. А сейчас – просто приди ко мне.

– Нет! – истошно выкрикнула Марьяна и снова, уже значительно тише, повторила: – Нет...

Ответа на свой выкрик она не услышала. Старуха бесследно растворилась где-то в темных закоулках ночных кошмаров. Только перед самым пробуждением Марьяна вдруг совершенно отчетливо услышала угрожающе произнесенные прямо над ухом слова: «Иди ко мне, не то...» Угроза старухи осталась недоговоренной, потому что Марьяна проснулась.

Она уже открыла глаза, а угрожающие слова еще звучали в ушах. Влажная от пота простыня, свернутая почти что в жгут, обмоталась вокруг тела. Некоторое время Марьяна в задумчивости изучала потолок: а то – что? Какую страшную перспективу сулила ей старуха из сна? Уже неоднократно Марьяна испытывала сомнительное счастье видеть ее. Но как ни напрягалась, так и не смогла вспомнить, видела ли она когда-нибудь старуху наяву или это всего лишь плод ее больного воображения?

Марьяна посмотрела на часы – шесть с минутами. Странно, но даже после такого страшного и тревожного сна она чувствовала себя сравнительно неплохо. Впервые с того дня, как она разрезала ковер, ей по-настоящему захотелось есть. Ковер! Марьяна совершенно забыла про него. Сейчас,

пока все спят, самое время вышвырнуть его куда-нибудь подальше. Быстро разложив куски по нескольким пакетам, она отволокла их в машину. По пустынным утренним улицам беспрепятственно выехала за город.

Где-то недалеко должна быть городская свалка. Еще немного, и она увидела мусорные холмы. Пока Марьяна, старательно глядя под ноги и отыскивая наименее грязные места, гуляла по свалке, беспорядочно разбрасывая изрезанные куски ковра, на глаза ей попало несколько спящих бомжей. От них шли такие запахи, что даже вонь свалки их не перебивала.

В своей богатой событиями жизни Марьяна никогда близко не сталкивалась с бомжами, и было странно сознавать, что неприятный запах, идущий от их годами немых тел, ей почему-то оказался знаком. Марьяна с опаской обошла их, моля бога, чтобы никто не проснулся. Кто знает, какая мысль может прийти в голову существу, уже при жизни выброшенному из общества тех, которые еще совсем недавно считали их друзьями, родственниками, товарищами по работе?

Раскидав по свалке поклажу, Марьяна оставила только сильно испачканный кровью кусок. Слизив в бардачок «ре-но», она выудила оттуда забытую еще со Стасовских времен зажигалку. Накапав на кровавый кусок немного бензина, Марьяна поднесла к нему зажигалку и отбросила подальше. Вначале маленький и слабый, а потом все более сильный язык пламени уверенно охватил тряпку. Она дождалась, пока пламя прошло все свои стадии и, слегка дернувшись напоследок, погасло, убедилась, что никаких следов от ковра не осталось. Для полной уверенности еще потоптала его и, решив, что с этим покончено, спокойно поехала домой.

Там, несмотря на мучивший ее с утра голод, не спеша привела себя в порядок. Никаких намеков на очередной приход ломки она пока не чувствовала и робко надеялась, что, может быть, самое страшное уже позади.

Примерно в это же время улыбающаяся и вполне довольная жизнью Светка не спеша двигалась к ближайшему продовольственному магазину. Настроение у нее было при-

поднятое. Все шло по плану, по ее плану. Она так увлеклась перспективами, которые рисовало воображение, что не слышала, как сзади осторожно подъехала машина. Светка даже вскрикнула от неожиданности, когда услышала почти над ухом приглушенный голос Хасана:

– Садись, поговорить надо.

Его Светка ненавидела тоже, возможно, даже больше всех. Если Магомед еще иногда снисходил до нее, то этот, видимо, чувствовал себя таким неотразимым Казановой, что на нее вообще никогда и никак не реагировал. Пару раз, конечно, он отымел ее прямо в гримерке, но выглядело это так, как будто воспользовался одноразовым носовым платком и выбросил. Светке ничего не было нужно от Хасана, просто неприятно и обидно до слез, что он совершенно не видит в ней ни женщину, ни человека. Ничего, при удобном случае она накажет по полной программе и его тоже. Уж будьте уверены, не забудет!

Светлана старательно улыбнулась, без малейшего намека на грацию тяжело плюхнулась на сиденье и деловито предупредила:

– Только давай побыстрее, а то у меня дел полно. – И кивнула на хозяйственную сумку.

– Сколько надо, столько и будешь торчать здесь, – прошипел Хасан, угрожающе сощурив глаза. Желваки сразу заходили кругами. Это ж надо, а? Ни кожи, ни рожи у шалавы, а ведет себя так, будто она суперзвезда, а он какой-нибудь ничтожный поклонник. Хасан ощущал себя хозяином не только недвижимости, но и всех людей, работавших ранее у Магомеда. Не для того он перешагнул через многое, чтобы какая-то жалкая тварь так с ним разговаривала.

Светка была уверена, что Хасану не раз в своей жизни приходилось убивать, поэтому ей совершенно не светило стать очередной неопознанной жертвой. Она мгновенно прикусила язык и осторожно примолкла, пусть позже, но ее время придет, обязательно придет! Еще не вечер, голубь ты мой сизокрылый, не вечер!

– Да не обижайся ты, я имела в виду, что не могу уделить тебе столько времени, сколько бы мне хотелось, – Светка

постаралась многообещающе улыбнуться, но Хасан в ответ лишь презрительно заржал, а она, забыв об опасности, бросила на пол машины сумку и вцепилась ему в физиономию. Оторвать от себя взбесившуюся фурию было делом нескольких секунд. Светка же получила пару таких хороших затрепчин, что одна из них, на скуле к вечеру угрожала расплзтись фиолетовым синяком по всей щеке, а это совершенно не прибавит ей и без того ограниченной красоты. Черт, ведь вечером ей на сцену... Светка всхлипнула и забилась в угол. Как же она ненавидела Хасана!

– Кончай скулить, сама виновата, – грубо оборвал он ее хлюпанье. – Давай отвечай быстро на вопросы и выметайся. Думаешь, мне за счастье тут с тобой базар разводить?

Светка хрюкнула, глотая последний застрявший в горле всхлип. Черт ее дернул характер перед Хасаном показывать!

– Значит, так, подружка твоя, Марьяна на игле? – без предисловий спросил он.

– Н-нет, – жалобно проблеяла Светка.

– Нет что? Не на игле или не подружка? – уточнил Хасан.

– И то, и то! – снова разозлилась Светка. – Ненавижу я эту рыбу мороженую! Это вы, мужики, как видите голубоглазую куклу, так мозги сразу в другое место стекают. Никакая она мне не подружка! И не на игле она. Колеса глотают. Я сама ее к ним приучила! – неожиданно она почувствовала прилив гордости, даже плечи расправились. – Недавно в ногах у меня валялась, дозу вымаливала!

– Колеса, значит... – задумчиво протянул Хасан. – Дозу вымаливала. Значит, крепко девка сидит?

– Конечно, крепко, – самодовольно ухмыльнулась Светка. – Кроме этого ей уже ничего не нужно. Мне спасибо скажи.

– Скажу, обязательно скажу. Всему свое время. – Что-то в тоне и голосе Хасана вызвало у Светки очередной прилив настороженности.

Она съежилась и промолчала. Он прав: «Всему свое время». Только неизвестно, у кого этого времени больше. Сейчас она единственная знает то, чего не знает никто. Эта

тайна поднимает ее надо всеми. Пускай этот гнусный выродок Хасан, как и многие вокруг, презирает ее. Осталось потерпеть совсем немного, и они все получают по заслугам, определять которые будет именно она!

– Все, хватит расслаиваться. Здесь тебе не гостиница. Выметайся по-быстрому!

Пропустив мимо ушей очередное хамство Хасана, Светлана неуклюже выбралась из черного «БМВ» и также не спеша продолжила свой путь к магазину, все еще находясь в волшебной власти своих грандиозных планов мести.

Хасан видел, как по пути она пару раз опасливо оглянулась, но продолжила свой путь. «Никому не нужная, страшная, глупая корова, – решил Хасан, – Трахать ее и то противно. Никому не отказывает, только бы внимание обратили. Человеческий хлам, а хламу место на свалке». Обдумывая эту мудрую мысль, Хасан ехал в офис. Пора было заниматься делами.

Марьяна уже два часа сидела в адвокатской конторе, которая обслуживала Магомеда, стараясь разобраться в юридических хитросплетениях своих прав как наследницы. В конце концов она поняла, что это бессмысленно, и просто подписала кучу необходимых бумаг. Адвокат тщательно выговаривал слова, будто разжевывал что-то для клинической идиотки, объясняя, когда и в каком порядке она окончательно сможет вступить в права на наследство.

Марьяна тупо и согласно кивала, уже совершенно ничего не воспринимая. Единственный сделанный ею вывод был таков – она уже может начать заниматься делами, а ее подписи на бумагах и банковских документах законна и действительна. Неожиданно прямо ей под ноги свалилась целая провинциальная империя с десятками отлаженных производств и сотнями работников. Теперь только от нее будет зависеть будущее этих людей, большинство из них Марьяна никогда не видела в глаза, но она ощущала какую-то незнакомую для себя ответственность.

Теперь никто, кроме внезапно ожившего Магомеда, не сможет лишить ее наследства. Уяснив эту мысль, Марьяна поспешила откланяться. Ее страшно утомили разнообразные

и бесконечные юридические детали и крючки. «Как только люди могут заниматься этим всю жизнь?» – удивлялась она, почти бегом спускаясь по лестнице.

Подойдя к машине, Марьяна никак не могла попасть ключом в замок. Ее снова начало трясти. С трудом, двумя руками, она все-таки открыла дверцу, заскочила в машину, сжалась и закрыла глаза, приготовившись к очередному приступу. Но он так и не наступил. Кажется, болезнь начала сдавать свои позиции. Быстро взяв себя в руки, Марьяна огляделась: не видел ли кто-нибудь ее в таком состоянии? Но стоянка была пуста. Вздыхнув с облегчением, она поехала в офис Магомеда. Теперь пришла ее пора заняться делами.

Охрана пропустила Марьяну беспрепятственно: никаких оснований задерживать ее у них не было. Вдова уверенно зацокала каблучками по коридору, разглядывая по пути таблички на дверях. «Приемная» – это именно то, что ей надо. Конечно, секретарша Олеся, сидевшая в приемной теперь уже у Хасана, знала Марьяну, поэтому не посмела задержать ее. Зачем наживать врага в лице возможной хозяйки? Кстати сказать, она сама предпочла бы видеть владелицей холдинга именно Марьяну, а не какого-то кавказца. Его хамство, высокомерие и пошлость сидели у Олеси в печенках.

Дверь за Марьяной с мягким щелчком захлопнулась, а секретарша наострила уши, приготовившись услышать и увидеть нечто интересное. Но это не помешало ей, по уже выработанной до автоматизма профессиональной привычке, сразу же включить чайник. Так, на всякий случай.

Увидев входящую в кабинет Марьяну, Хасан опешил. Он, конечно, ожидал, что она захочет ознакомиться с делами фирмы, но походя, вскользь, не особенно вникая в детали. Все это можно было сделать у нее дома, в приятной и даже интимной обстановке. Он прихватит новое изобретение этого пса, прикидывающегося интеллигентом, и они могли бы прекрасно провести время. А здесь? Хасан поморщился. Марьяна истолковала его гримасы по-своему:

– Ты совсем не рад меня видеть? – задушевно пропела она, наклоняясь через громадный стол к Хасану. – А зря! Ско-

ро мы будем очень часто видаться, потому что я настроена всерьез заняться делами.

– Ну что ты, Марьяночка! Ты меня не так поняла. Что будешь пить, чай, кофе? Или, может быть, что-нибудь покрепче? – поспешил разрядить обстановку Хасан и нажал кнопку селектора.

– Кофе, – успела ответить Марьяна.

– Слушаю, – голос Олеси был сама любезность.

– Сделай нам кофе, – приказал Хасан.

– Уже несу, – заученно отрапортовала секретарша.

Хасан отключил селектор и с самодовольным видом откинулся в кресле, сложив руки на животе. Прямо шейх на отдыхе и не меньше, отметила про себя Марьяна.

– Да, умел Магомед Султанович выдрессировать сотрудников, – Хасан произнес это таким тоном, будто как раз Магомед был его лучшим учеником в этом деле.

Марьяна оставила высказывание без комментариев и быстрым взглядом окинула кабинет. Два кожаных кресла в углу. То, что надо.

– Пойдем-ка, Хасан, посидим в креслах. Я ведь не подчиненная, чтобы сидеть перед тобой за приставным столиком. А там, – Марьяна кивнула головой в сторону кресел, – обстановка более уютная и паритетная.

Возразить на это было нечего, все предельно корректно. Хасан молча проглотил обиду и устроился в одном из кресел. Впорхнувшая через секунду в кабинет Олеся тоже обратила на это внимание.

– Ну что же, Хасан, теперь я хотела бы посмотреть учредительные документы и финансовую отчетность по всему, чем я теперь владею. Надеюсь, они в порядке, и ты сможешь остаться моим заместителем, – слегка усмехнувшись, тихим медоточивым голосом предложила Марьяна.

Она успела заметить, как побелели костяшки пальцев Хасана, когда он вцепился в подлокотники, отметила изумление, тут же сменившееся ненавистью, в его темных глазах. Все это продолжалось лишь доли секунды. Вскоре он ослабил и миролюбиво сказал:

– Марьяна, зачем тебе эта головная боль? Такие женщины, как ты, не должны заниматься делами. Бизнес – это тяжелый удел мужчин, – Хасан глубоко вздохнул, показывая этим, как нелегка их мужская доля. – Я каждый месяц буду выплачивать тебе... ну, скажем, двадцать кусков. А ты время от времени станешь подписывать документы, которые я буду привозить тебе прямо домой. По-моему, это – прекрасное предложение. Как ты считаешь?

– Я обязательно обдумаю его на досуге, а пока, будь любезен, все-таки покажи мне документы. Если это окажется для меня китайской грамотой, я, возможно, – Марьяна голосом выделила последнее слово, – приму твое заманчивое предложение.

– Ну хорошо, – тяжело вздохнул Хасан, направляясь к сейфу.

Вскоре перед Марьяной уже высились стопки папок с документами. Хасан явно рассчитывал запугать ее большим объемом незнакомой информации.

– Я посмотрю их дома пару-тройку дней. Не возражаешь? – Марьяна была сама вежливость. – Если что-то будет непонятно, я ведь всегда могу к тебе обратиться?

– Конечно, – сладко улыбаясь, подтвердил Хасан и в качестве подтверждения своих благих намерений сразу же вызвал двух парней, которые помогли Марьяне отнести и загрузить папки в машину.

Пока она не очень уверенно тыкалась во все стороны, выезжая со стоянки, Хасан в окно наблюдал за ней. Как хорошо было бы поскорее избавиться от этой непредсказуемой стервы, но пока нельзя. Он уже говорил с адвокатом. Только через два месяца Марьяна станет окончательной и повелевающей хозяйкой, и если с ней что-нибудь случится за это время, тогда все богатство достанется неизвестно кому, а вот если... Нет, одернул себя Хасан, не если, а когда он женится на ней, то станет повелевающим хозяином всего, и тогда Марьяна будет уже ему не нужна. Совсем. Но это будет потом, а сейчас красный «рено», будто насмехаясь над Хасаном, мигнул напоследок огоньком поворота и скрылся за углом.

ГЛАВА 9

Агафья была в страшном, безудержном бешенстве, в каком не была уже много лет, и обрушила его на голову подвернувшейся под руку смиренной Евдокии. Компаньонка обиженно поджала губы, всем своим видом показывая, насколько она оскорблена, и молча вышла, беззвучно жуя губами то ли молитвы, то ли проклятия. Агафья кипела от того, что впервые за многие годы жертва посмела оказать сопротивление.

Старуха чувствовала, как крепко сплетенная вокруг этой женщины паутина, слабеет, и рыбка вот-вот сорвется с крючка. Агафья понимала, что сила, противостоящая ей на этот раз, значительно более могущественна, чем ее собственная. Только ее обладательница, очевидно, сама еще не понимает, кем она является.

Жизнь старухи неумолимо приближалась к концу. Она ощущала это каждой клеточкой своего немощного тела. Агафья уже привыкла к ежевечерним наплывам тьмы. С каждой ночью она с неумолимостью судьбы все ближе подползала к старухе, и та понимала, что совсем близок день, когда тьма опустится окончательно, и для нее закончится сегодня, но уже никогда не наступит завтра. Нет, она не хотела и страшно боялась уходить в мир иной, не оставив после себя преемницы. Ведь старуха так и не успела узнать, чем это ей грозит, а незнание пугает гораздо больше самой страшной правды. Поэтому она боялась, боялась до умопомрачения, ведь впереди у нее пока маячила именно неизвестность. Что могло ждать ее там – за чертой? Об этом не хотелось даже думать.

Совсем недавно она пыталась призвать к себе строптивницу и заставить ее выполнить свою волю, но то ли сама уж совсем обессилела, то ли та интуитивно отказывалась от ее дара, только Агафья пока так и не смогла реализовать свой замысел полностью. Он остался незавершенным и повис в воздухе со звуком оборвавшейся струны. Старуха снова и снова крутила в руках тонкий серебристый шарфик, стараясь настроиться на нужную волну и хорошенько сконцентрироваться. Но ей это никак не удавалось, и Агафья злилась еще больше.

Евдокия слегка приоткрыла дверь, просунув голову в образовавшуюся щель. Даже не видя компаньонки, старуха почувствовала, что на лице у нее было то же самое постное и обиженное выражение.

– К тебе пришли. Будешь принимать или злиться дальше? – отрешенно осведомилась компаньонка.

– Пускай заходит, – недовольно буркнула Агафья, пряча шарф под плед, которым были укрыты ноги. В конце концов, любой клиент – это деньги, а от них только дураки отказываются. Даже сейчас, в преддверии смерти, понимая, что не сможет взять их с собой в могилу, она по-прежнему любила деньги больше всего.

Дверь открылась шире. В комнату проскользнул узнаваемый силуэт. Ха, старая знакомая, может, она сможет хоть чем-нибудь помочь?

– Ты довольна тем, как идут дела? – профессионально зловещим шепотом спросила старуха.

– Да-да, конечно, с ней все идет прекрасно, – послышалось из угла.

Клиентка не очень умна. Она еще не понимает, что все идет совсем не так, как они планировали. Была бы поумнее или повнимательнее, давно пришла бы с претензиями. Ну что же, такая она Агафье больше не интересна.

– Тогда, зачем ты пришла? – надо постараться содрать с клиентки побольше денег и забыть о ней навсегда. «Навсегда» – это слово с некоторых пор стало пугать Агафью своей невозвратной завершенностью.

– У меня возникли кое-какие проблемы, – тихо заговорила женщина. – Кажется, мне угрожает опасность.

– Хочешь узнать свое будущее? – усмехнулась старуха. Это для нее проще простого.

– Да, хотелось бы, – по легкому движению воздуха Агафья поняла, что клиентка сопровождала слова энергичным кивком.

– Пятьдесят, – старуха назвала стандартную сумму, которую брала со всех желающих проникнуть в тайну того, что их ждет в будущем, непроницаемо скрытом от глаз обычного смертного за завесой тайны.

– Долларов? – изумленно переспросила клиентка.

– Конечно... Ну, если для тебя это дорого, могу немного сбавить, скажем, до тридцати, – все-таки сжалилась Агафья. – Это тебя устроит?

– Устроит, – тихим эхом послышалось из угла.

– Подвинься ближе ко мне, – приказала старуха. Послышался стук переставляемого стула. – И дай руку. – Она протянула свою ладонь вверх и почувствовала, как в нее легла ледяная, влажная и слегка вздрагивающая рука, напоминающая лягушачью лапку. Агафья вздрогнула от отвращения, но прикрыла глаза и сосредоточилась. То, что она увидела, озадачило ее. Здесь все не так просто, а с какого-то момента и вообще – полный туман. Старухе никак не удавалось проникнуть сквозь него, как она ни старалась. «Ладно, попробую ограничиться тем, что есть», – Агафья открыла глаза и заговорила хорошо отработанным голосом профессиональной гадалки-прорицательницы:

– В прошлое лезть не будем, ты его и так знаешь. Что же касается ближайшего будущего... Около тебя два мужчины. Один, который совсем близко от тебя, скоро уйдет из твоей жизни навсегда, – старуха скорее почувствовала, чем услышала судорожный вздох, который издала клиентка.

– А вот второй... Он очень опасен для тебя, очень, – еще раз повторила Агафья. – Именно от него тебе угрожает смертельная опасность, но ты сумеешь избежать ее, с помощью женщины, – старуха заколебалась на мгновение, прежде чем продолжить, но все-таки сказала правду, – той самой женщины, блондинки с фотографии.

Послышалось изумленное восклицание клиентки, она явно не ожидала помощи с этой стороны. Но для самой Агафьи это уже не было сюрпризом. Сейчас она хорошо поняла, с кем имеет дело.

– В общем, не вижу я для тебя близкой смерти, – старуха попыталась закруглить концовку, надеясь, что успокоенная клиентка не обратит на это внимания. Но она ошиблась.

– А дальше? Что со мной будет дальше? – на удивление решительно спросила та.

Агафья всегда дорожила своей репутацией и старалась не обманывать клиентов, но в данном случае вопрос поставил ее в тупик. Старуха не знала, как на него ответить, а врать не хотелось. Немного подумав, она выбрала компромиссный вариант:

– Сейчас твое будущее еще не определилось. Наверное, в большей степени оно зависит от тебя самой. Когда завершится эта полоса жизни, приди ко мне еще раз. Возможно, тогда я смогу тебе ответить.

Если клиентка и была разочарована, то никак не показала этого. Агафья услышала, как зашелестели деньги, которые та доставала из сумочки. Потом послышались удаляющиеся шаги, бормотанье Евдокии в прихожей и звук закрывающейся входной двери. Агафья опять достала серебристый шарфик и постаралась сосредоточиться. Должно же у нее, наконец, хоть что-то получиться! Даже если придется посвятить этому несколько дней, она добьется своего, обязательно добьется!

Выйдя от старухи, Светка поежилась, несмотря на теплый день, почему-то в присутствии гадалки ее начинал колотить озноб. Нельзя было сказать, что сегодняшнее посещение прошло удачно, но и совсем бесполезным оно тоже не было. Главная мысль, которую вынесла из неприветливого дома старой ведьмы, – она останется жива, обошлась ей в тридцать долларов. Почти тридцать сребреников, мелькнула в Светкиной голове неприятная мысль. Но на таких мелочах не стоит заострять внимание. Главное – Хасану ее не достать, а это важнее всего. Она улыбнулась своим мыслям и быстрым шагом направилась к шоссе.

Марьяна, чертыхаясь и бормоча все проклятья, которые приходили в голову, расположилась за необъятным столом в бывшем кабинете Магомеда и старательно вникала в то, что можно было назвать ведением дел. К этому времени она уже нисколько не сомневалась, что Хасан так же, как и она, ничего в этом не смыслит. Правда, он старался делать вид, что просто не хочет загружать ее. Часто заходил к ней поздно вечером, усиленно листал папки, что-то невразумительно

бормотал себе под нос, а потом снова начинал убеждать, насколько все это сложно и не ее ума дело. Пытался даже какие-то подарки притаскивать.

Марьяне с огромным трудом удалось уговорить его так не поступать. Хасан сделал вид, что обижен отказом, удалился и больше не появлялся. Решив, что он поставил ее на выдержку, Марьяна обрадовалась и успокоилась. К бухгалтерам из холдинга Магомеда она обращаться не хотела. Хасан мог их так запугать, что они ей ни слова правды не сказали бы. Но одной ей все равно с этим никак не справиться.

Внизу послышался звонок и приглушенные голоса. Марьяна с удовольствием потянулась и вышла на лестницу. Перед дверью, как тетерева на току, топтались экономка и Олег. Домоправительница помнила, что Марьяна постоянно отказывалась его пускать, но упорно держалась своей линии поведения. Внезапно Марьяну озарило: вот, кто поможет ей разобраться с делами, Олег. Он человек образованный, занимается бизнесом, но в то же время как бы со стороны. Он скоро уедет в свои заграницы, поэтому вряд ли стоит ожидать какой-либо намеренной подставы. Переступив через себя, Марьяна пригласила его в кабинет и не пожалела об этом.

Конечно, несколько лет, проведенных за границей, несколько выбили Иванова из колеи, и многих новых законов он не знал, но это уже было делом техники. Можно уточнить детали у знающих людей. Но это потом, а сейчас Марьяне требовалось понять все, хотя бы в общих чертах. Олег сумел объяснить ей, как читать баланс, на что обращать внимание в уставных документах, с помощью каких ухищрений для снижения налогов пряталась истинная прибыль и где искать нужные цифры.

Объясняя все это Марьяне, Иванов только теперь начал догадываться, что она абсолютно не в курсе, для чего он находится здесь. Олег видел, как Хасан по несколько раз в день навещает цех и явно собирается прибрать его к рукам. Краем уха он слышал, как Хасан с Денисом уже обсуждали поездку в Москву, которая должна состояться в следующем месяце, для встречи с каким-то заграничным деятелем.

Нет, химику это совсем не нравилось, но свои деньги он получал исправно, хотя после стычки на кладбище они с Хасаном больше не разговаривали. Иванов, по природе своей не будучи бойцом, ожидал, что для него такая смена хозяина может обернуться очень печально. Марьяна в качестве партнера во всех отношениях устраивала его как нельзя лучше. И он решил рискнуть.

– Мне кажется, Хасан тебе не обо всем рассказал, – внешне заявил он.

– В каком смысле? – не поняла Марьяна.

Ударно поработав в течение всего дня, к его завершению они уже уютно устроились в гостиной с чашечками кофе. Марьяна была очень благодарна Олегу за помощь, но она устала, и ей совершенно не хотелось опять лезть в дебри Хасановых интриг.

– Здесь не все, скажем так, предприятия, которые теперь тебе принадлежат, – уточнил химик.

– Да? – Марьяна сладко зевнула, из последних сил борясь с подступающей дремотой. Не помогал даже крепкий кофе. – Что же он заныкал для себя?

– Самое доходное производство, – Олег позволил себе несколько покровительственно улыбнуться.

– А что сейчас самое доходное? – лениво процедила Марьяна.

– Наркотики, – кратко ответил Иванов, но он никак не ожидал реакции, которая за этим последовала.

Марьяна неожиданно побледнела. Она так сжала зубы, что даже кожа на скулах натянулась. Губы превратились в тонкую бесцветную линию. Глаза, сначала изумленно раскрылись, но почти сразу угрожающе сощурились, полыхая недобрым огнем, даже зрачки сузились так, что превратились почти что в точку. Весь ее вид говорил о том, что она едва сдерживает бешенство. Несколько минут Марьяна не могла говорить. Ее рука с чашкой кофе замерла. Казалось, она даже дышать перестала. Олег испугался такой неадекватной реакции на, казалось бы, самую обычную информацию.

Наконец, Марьяна моргнула, вздохнула, донесла чашку до рта и сделала большой глоток, но даже после этого голос ее прозвучал хрипло от тревоги:

– Ты хочешь сказать, что Магомед занимался и наркотой тоже?

– С недавних пор. Для этого меня и пригласили, я же по основной специальности – химик, и, знаешь, даже, между прочим, неплохой. Вообще-то, их основной офис в столице. А сюда для присмотра за производством Дениса прислали, потому что само производство выгоднее было устроить подальше от любопытных глаз. Вот москвичи и выбрали ваш город, договорились с Магомедом, а остальное ты знаешь.

Рассказав все, Олег выжидающе уставился на Марьяну. Хотя прошло уже довольно много времени, она продолжала неглубоко и часто дышать, что явно указывало на испытываемое ею волнение. Преображение Марьяны поразило Иванова до глубины души. Олег все никак не мог понять, что в его словах могло вызвать такую реакцию. Неужели она так разволновалась из-за того, что Хасан пытался скрыть от нее лакомый кусок? Непохоже. Иванов сидел, молча уставившись в чашку и только иногда бросал на Марьяну изучающие взгляды. Она продолжала молчать. Наконец, видимо, что-то решив для себя, спросила:

– Вы уже наладили производство и торгуете этим зельем?

– Ну... мы начали производить товар, еще когда Магомед был жив. Но пока выпускаем маленькие, пробные партии, и все забирает Москва. Понимаешь, надо завоевывать рынок постепенно. Это совершенно новый товар, наркотик нового поколения, мое ноу-хау. Я сам изобрел. – Олег попетушиному надменно выпятил грудь. Вот мол, цени, какой я умный, почти гений. – Сейчас думаем над тем, как его наиболее выигрышно назвать. Ведь название тоже часть продукта. – Иванов еще какое-то время продолжал развивать эту тему, пока не заметил, что Марьяна отрешенно смотрит в пространство, мимо него. Она его уже совершенно не слушала.

В комнате повисла тишина, которую Марьяна сама вскоре и нарушила:

– А что вы собираетесь делать дальше?

Ее вопрос прозвучал так, будто она относилась Олега к числу руководителей производства. Но ведь он всего лишь

главный технолог, если можно было так назвать его занятие. Конечно, Иванову было приятно собственное повышение в ее глазах, но он не знал ответа, и приходилось говорить правду:

– Я не знаю толком, что они хотят делать. Я ведь там не начальник.

– А кто? Хасан? – голос Марьяны слегка дрожал от еле сдерживаемой ярости.

– Ну да, наверное, сейчас Хасан на пару с Денисом. Они там вместе всем заправляют...

– Хорошо, – прервала его Марьяна, – пусть они, как ты выразился, «на пару». Но ведь и ты с ними постоянно там находишься. Наверняка слышал, что они собираются делать?

– Вообще-то, они не очень со мной делятся, – огорченно вздохнул Олег, замечая, как резко падает его, до последнего времени достаточно высокий рейтинг. – Но я слышал, что товар скоро выйдет на мировой рынок. В Москву на встречу с ними приезжает кто-то из-за рубежа.

– Я так понимаю: ты хочешь, чтобы все было по-честному и производство для выпуска твоего... гм, изобретения тоже перешло ко мне? – неожиданно мягко почти пропела Марьяна.

Нет, никто не сможет понять женщин, печально подумал Олег. Только что пыхтела и рычала, как рассерженная пума, и сразу же мурлыкает, как ласковая домашняя кошка. Кошки такие же загадочные существа, как и женщины. У них очень много общего. Когда он вернется в любимый Люксембург богатым человеком, обязательно заведет себе какую-нибудь редкую породистую кошку. Иванов покосился на Марьяну. В ожидании ответа она нервно барабанила длинными острыми ногтями по подлокотнику кресла.

– Да, мне было бы приятнее работать с тобой, чем с ними. Гораздо приятнее иметь дело с культурным и интеллигентным человеком, особенно если этот человек еще и красивая женщина, – тонкая лесть никогда не помешает, особенно, если общаешься с совершенно непредсказуемым женским полом, решил для себя Олег.

– Где же находится это супердоходное предприятие? – теперь голос Марьяны звучал сухо и по-деловому. Иванов

немедленно выдал на-гора требуемую информацию. Оказалось, заводик находится в одной из пригородных деревень. Он умолк в ожидании благодарности, но получил скорее холодный душ.

– Я обязательно обдумаю твоё предложение. Оно на самом деле исключительно заманчиво. А сейчас я устала, спокойной ночи. – И Марьяна гибким движением поднялась с кресла.

Вылупив глаза, Иванов ошалело уставился на неё. Это был полный облом. Они так мило провели день, поэтому он, безусловно, рассчитывал на такое же приятное продолжение. И вдруг его грубо выпроваживают, да ещё на ночь глядя. Нет, в России совершенно не осталось интеллигентных и воспитанных людей. Грубая, варварская страна. Неразборчиво пробормотав сквозь зубы прощальные слова, Олег несолоно хлебавши отправился в ночь. Марьяна только ухмыльнулась вслед – ничего, переживет. А ей наверняка теперь предстоит бессонная ночь. Уж слишком больно за живое, ещё практически не зажившее, задела её слова Олега.

Уже лежа в постели, Марьяна продолжала обдумывать сложившуюся ситуацию. То, что Хасан пытается кинуть её, – абсолютно нормально. Более удивительно было бы, если бы он сразу все сдал, но дело не в этом. Вступать в открытую конфронтацию Марьяна пока не хотела, да и не могла. Нет у неё для этого сил, за ней никто не стоит. Пока. Если же она начнет усиленно качать права и окончательно достанет Хасана, то он, будучи вспыльчивым человеком с горячей кавказской кровью, может и прикончить ненароком, даже в ущерб себе.

Взгляд Марьяны с потолка скользнул на стену. По ней причудливо извивались и скользили тени деревьев, легко перепрыгивали с места на место какие-то загадочные огоньки. Внезапно ей показалось, что тени начинают систематизироваться, приобретая более четкие очертания, и эти очертания внезапно сложились в слова из сна: «Иди ко мне...» Марьяна вздрогнула и нервным движением включила лампу на тумбочке. Надпись на стене исчезла, а может, её

и не было вовсе? Может, она сама медленно и незаметно сходит с ума?

Нет, нельзя, нельзя думать об этом, а то, и правда, крыша поедет. Надо заменить разбитое зеркало в ванной... Эта внезапно пришедшая деловая и ясная мысль все расставила по своим местам. Марьяна успокоилась и потушила лампы.

Ее мысли снова вернулись к Хасану. Нет, не убьет он ее, даже если будет очень хотеть. В первую очередь он деловой человек. Вначале он захочет хапнуть все, что она получила от Магомеда. Как? Как Хасан может это сделать? Что-то он слишком смиренно себя ведет, терпит ее выходки, пытается делать подарки...

Марьяна вдруг тихо рассмеялась в темноте. Он ведь так пытается за ней ухаживать! Точно, бедная вдова в такой сложный период, как никто, нуждается в утешении. И тот, кому удастся это сделать, станет для нее самым близким человеком, а там недалеко и до марша Мендельсона. Марьяна фыркнула. Вот тогда ее жизнь окажется в самой, что ни на есть реальной опасности. До этого ни-ни, иначе все денежки, вместе с холдингом, уплывут в неизвестные руки. А пока Хасан будет беречь ее как зеницу ока.

Придя к такому более чем правдоподобному выводу, Марьяна облегченно вздохнула. Ладно, еще денек она поработает с документами, а затем всю попользуется своим положением, заняв место Магомеда во главе холдинга. А потом? Съездит в деревню. Очень уж хочется пообщаться с этим мерзавцем – Денисом и увидеть всю эту адскую кухню своими глазами. Теперь понятно, почему он так быстро ее расколол. Еще бы, знаток, будь он неладен, профессионал хренов!

Какое-то время Марьяна еще крутилась в кровати, пытаясь заснуть. И вот в самый тонкий момент перехода от бодрствования ко сну, когда ее мысли были уже далеко, а сознание сместилось на какой-то другой уровень, она снова услышала шелестящие слова: «Иди ко мне...»

Сейчас, уже засыпая, Марьяна отчетливо вспомнила приглашение таинственной старухи прийти к ней, чтобы получить какие-то огромные возможности, с помощью которых можно

управлять людьми. А если старая карга права, и ей стоит согласиться на такое заманчивое предложение? Тогда можно будет по своему усмотрению крутить всеми вокруг – и Хасан, и Денис будут как миленькие кормиться прямо у нее с руки, а потом благодарно лизать. Какая заманчивая, на первый взгляд, перспектива, однако...

Но вдруг новая мысль резко перечеркнула все предыдущие. Если она согласится на предложение старухи, то что ждет ее там, в незнакомом загадочном мире? Какая-то глубоко запрятанная часть подсознания Марьяны упорно сопротивлялась таинственным словам. Она попыталась проснуться, но почему-то не получилось, и Марьяна окончательно провалилась в глубокий, похожий на гипнотический, сон.

Теперь, в очередном видении, время немного сместилось назад. Марьяна увидела темную улицу и небольшой симпатичный домик, окруженный заросшим садом. Окна дома уютно светились. В его облике не было ни малейшего намека на опасность. Марьяна пошла к нему и очень быстро очутилась около дверей, которые оказались приглашающе распахнуты. Ни секунды не сомневаясь, она шагнула внутрь и, моментально преодолев пространство, встала у порога уже хорошо знакомой комнаты.

Марьяна понимала, что спит и видит сон, но ей совершенно не хотелось смотреть его дальше. Она четко знала – дальше будет нечто плохое. Ей надо обязательно проснуться, потому что совсем скоро она увидит старуху, и та снова начнет уговаривать и угрожать. Но сон вязкой паутиной держал, не отпуская. Во сне Марьяна упорно цеплялась за стены, чтобы не попасть внутрь комнаты. Но сегодня даже дверь не встала у нее на пути. Она просто сразу распахнулась, и Марьяна вновь оказалась перед старухой, мирно дремлющей в кресле.

Почему-то именно сейчас ей вдруг показалось, что если сразу же не выскочить из комнаты, то случится что-то непоправимое. Марьяна закричала и попыталась выскользнуть из комнаты, но когда она оглянулась, двери уже не было. Перед ней высилась только гладкая стена.

– Не спеши, – услышала Марьяна хорошо знакомый надтреснутый старческий голос. – Послушай меня. Ты нужна мне. Приди ко мне, и у тебя будет все. Откажешься... – старуха опять захохотала тем же страшным угрожающим хохотом, который Марьяна слышала в ванной, – откажешься, тогда пеняй на себя!

– Я не хочу! – изо всех сил закричала Марьяна. – Не хочу!

– Приди ко мне! – как филин, заухала старуха. – Приди! И получи все, что тебе полагается. Ты моя, всегда была моей, ею и останешься!

– Отстань от меня и оставь в покое! – выкрикнула Марьяна и начала царапать ногтями стену, в слабой надежде, что где-то под слоями штукатурки отыщется выход, ведущий на свободу.

Она проснулась от настойчивого стука в дверь. Окончательно выбравшись из паутины сна, услышала голос экономки, которая спрашивала, все ли в порядке. Пришлось вставать и открывать дверь. Весь проем занимала внушительная фигура пожилой женщины в гроыхающей крахмалом ночной рубашке немыслимых размеров.

– Да-да, со мной все в порядке. Извините, что разбудила. Просто мне последнее время кошмары начали сниться, – пробормотала Марьяна. – Я что, кричала?

– Еще как. Я уж думала, вас убивают. – Экономка с недоверием оглядела комнату и, только убедившись, что там никого нет, удалилась, шелестя по пути своим громоздким ночным одеянием.

Марьяна свернулась калачиком и снова закрыла глаза. Наверное, на борьбу с ночными кошмарами ушло слишком много сил, чтобы она могла бодрствовать и дальше, поэтому сон вернулся неожиданно быстро. Только теперь это был тихий и спокойный сон. Обычный, как у всех людей.

ГЛАВА 10

Хасан успел поцарствовать с утра всего пару часов, когда открылась дверь и на пороге возникла улыбающаяся Марьяна. Она крепко прижимала к себе несколько самых важных

папок, что придавало ей несколько нелепый вид. Позади здоровяк из охраны нес остальные. Водрузив все на стол перед Хасаном, Марьяна перевела дух и с независимым видом уселась в кресло. Охранник испарился, беззвучно прикрыв дверь. Чутье редко подводило Хасана. Вот и сейчас оно явно намекало на предстоящие неприятности.

– Хочешь что-нибудь выпить? – Хасан все же решил избразить гостеприимного хозяина.

– Спасибо, пока – нет, – сдержанно улыбнулась Марьяна. – Я хотела, чтобы ты провез меня по всем предприятиям и познакомил с людьми. Мне кажется, они должны знать, на кого теперь работают.

Хасан замер. Откровенно ненавидящим остановившимся взглядом он воззрился на Марьяну и настолько растерялся, что даже не попытался скрыть своих подлинных чувств.

– Ты со мной не согласен? Думаешь, не стоит этого делать? – Марьяна получала садистское удовольствие, задавая идиотско-издевательские вопросы. При этом она умудрилась сделать вид, что совершенно не замечает обуревающих его эмоций.

– Марьяна, ну почему ты не хочешь меня послушать?! – от едва сдерживаемой ярости голос Хасана сорвался на визг. – Бизнес – это не женское дело! Нечего тебе в него лезть!

– Хасан, дорогой, если бы мне был нужен твой совет по этому поводу, я бы так и сказала, – голос Марьяны звучал мягко, но уверенно. Без малейшего намека на озлобление. – Если ты сейчас занят, то я обойдусь без твоей помощи...

Вот как раз этого Хасан допустить не мог. Чтобы хитрая баба шныряла и вынюхивала то, что ей знать не следовало? Пожалуй, лучше поехать с ней. Но это же просто невыносимо! Ему, мужчине, сопровождать женщину, представляя ее как своего начальника и работодателя! Хасан лихорадочно искал, но никак не находил выход из неприятного лабиринта. Рассердившись, Марьяна ведь могла просто выставить его на улицу.

Конечно, работая у Магомеда, он сколотил неплохой капитал и помимо денег, полученных от бывшего владельца. При таком раскладе Хасан спокойно мог начать собственное

дело, попутно прикончив эту стерву. Мстить он всегда любил, а такой поступок требовал этого, как никакой другой. Но... ему было страшно жаль уплывающих денег. Очень больших денег. Огромных. Уйдя из холдинга, он становился всего лишь еще одним самым обыкновенным предпринимателем средней руки, каких вокруг тысячи. Их никто не знает, не уважает, и они мало что могут.

Надо немного потерпеть. Запрятать подальше свои мысли и планы, свой характер и гордость, наконец. Может, сейчас попробовать? Он где-то слышал: «Лучший способ защиты – нападение». Хасан сидел, уставившись в стол, обдумывая то, что собирался сказать. Сейчас нужно немного успокоиться. Он не хотел поднимать на Марьяну глаз, чтобы в них она не прочла свое будущее.

– Марьяна, я не хотел говорить тебе. Не потому, что скрываю, а просто волнуюсь за тебя. В нашем деле всякое может случиться, – Хасан помолчал. Длинные речи давались ему с трудом. Особенно, если это был экспромт. – Понимаешь... я всегда так, по-особенному, относился к тебе, но тогда ты была замужем за Магомедом. Ну а потом его смерть и все такое...

Затаив дыхание, Марьяна ждала продолжения. Ей уже стало ясно, что за этим последует. Но перебивать оратора не хотелось. Женское любопытство, подогреваемое коварством, требовало выяснить все до конца.

– Я просто подумал... Тебе надо выйти замуж, и тогда не будет тянуть заниматься делами, – вдохновенно продолжал вещать Хасан, подбадриваемый ее молчанием. – Основным для тебя станет дом, дети...

Марьяна мечтательно вздохнула, похлопала небесными глазами и бесхитростно сказала:

– Да, может быть, это был бы идеальный вариант. Но сейчас у меня нет на примете мужчины, за которого я хотела бы выйти замуж... – На глаза Марьяны очень своевременно навернулись слезы. Она судорожно вздохнула, будто бы проглотив комок, стоящий в горле, и продолжила: – После Магомеда, которого я все время вспоминаю, только дела помогут забыться, успокоиться и прийти в себя.

Хасан смотрел на вдову в искреннем замешательстве. Неужели он ошибся, и перед ним сидит такая непроходимая дура, которой только по чистой случайности удалось на несколько минут выдать себя за умную, хитрую и жесткую стерву? Может, и правда, пусть поработает, все равно через пару недель не выдержит. Напоследок надо подкинуть ей информацию к размышлению:

– Марьяна, ты что, правда не поняла, что я тебе только что сказал?

В ответ – отрицательное покачивание головой и продуманный взмах густых длинных ресниц.

– Только что я пытался объяснить тебе, что с первого дня нашего знакомства ты мне очень понравилась. Тебе не надо никого искать для замужества. Пойми, мы составим прекрасную пару. Я буду любить тебя даже больше, чем Магомед, заботиться о тебе...

Губы Марьяны слегка приоткрылись и округлились. С них слетел легкий звук, который, видимо, должен был означать изумление.

– Ой, Хасан, – растерянно пробормотала она, – это так неожиданно. Я даже не предполагала, как ты ко мне относишься. Только пойми меня правильно, я пока еще не готова к новому замужеству. Но... – Марьяна кокетливо повела плечами и слегка улыбнулась, – твое любезное предложение настолько неожиданно и заманчиво, что потребует серьезного обдумывания.

Хасан облегченно вздохнул и широко улыбнулся:

– Ну, конечно, Марьяна, о чем речь? Я же понимаю, у тебя такое горе. Понадобится время, чтобы с ним справиться.

В его голосе было столько неприкрытой радости, что ей стало даже неловко. Хасан, окончательно уверившись в своем диагнозе, решил пока не форсировать события. Пусть глупая дамочка успокоится. Возможно, она права, и занятие каким-нибудь делом действительно пойдет на пользу ее небогатому смятенному разуму.

– Ладно, если мы пришли к консенсусу, – усмехнулась Марьяна, – поехали. Ты мне все покажешь и со всеми познакомишь.

– Ну, хорошо, – без особого восторга согласился Хасан, поднимаясь из-за стола.

Через несколько минут на его джипе они уже выезжали со стоянки.

Просмотрев столько бумаг, Марьяна все-таки оказалась не готова увидеть империю Магомеда в полном объеме. Оказалось, что ему принадлежала основная доля в игорном, ресторанном, гостиничном и спортивном бизнесе города. Содержалось все это беспокойное хозяйство в идеальном порядке. Да, кажется, ее покойный муж действительно был очень талантливым менеджером, вдруг с грустью подумала Марьяна. Удастся ли ей и дальше удержать все это на том же уровне? Получится ли у нее?

Марьяна исподтишка скосила глаза на Хасана. Этот – не помощник. Оставить около себя такую змею себе дороже. Придется уволить его при первом же удобном случае, а потом нанимать охрану для собственной защиты. Этот гад просто так не сдастся. Надо бы кого-нибудь попросить научить пользоваться пистолетом, на всякий случай... По какой-то странной логике мысли Марьяны перескочили почему-то к Денису...

Сегодня она как раз собиралась туда съездить. Еще один фрукт, на ее голову. Может, именно его и попросить? Человек со стороны, почему бы и нет? Почему? Ах, да, Олег сказал, что Денис с Хасаном обсуждали поездку в Москву для встречи с эмиссаром по наркоте... Значит, действуют заодно. Хотя, не обязательно. В бизнесе, так же как и в политике, друзей нет, есть только интересы, которые надо защищать. Может, попытаться убедить Дениса, что выгоднее иметь дело с ней, чем с Хасаном, да и Олег подпоет, если хватит смелости.

А потом быстренько сдать всю эту теплую компанию к чертовой матери. Марьяна задумалась. Она была несильна в структуре правоохранительной системы, впрочем, чтобы сдать их полиции, это неважно, сами разберутся. Или не разберутся? А если они все повязаны? Вон, у Магомеда сколько всего оказалось. Наверняка и «крыша» соответствующая

имелась, чтобы всю эту махину держать без проблем. В самом деле, она совсем забыла про «крышу»! Надо будет попозже выяснить у Хасана.

Вся эта лавина мыслей и идей никак не отражалась на спокойном лице Марьяны и характере ее разговора. Она продолжала мило чирикать с Хасаном и при этом была приветлива с сотрудниками. Последнее место, куда они заехали, оказался ресторан «Березка». Оставив Хасана в зале, Марьяна зашла в свою бывшую гримерку, открыла шкафчик. Там уже висели чьи-то костюмы. Судя по размеру, наверное, Светкины. Сразу всплыл еще один вопрос. Как быть с ней? Тоже уволить, к чертям, или пусть поет дальше?

Марьяна уже хотела выйти, как вдруг почувствовала, что стало трудно дышать. Казалось, вся комната наполнена тяжелым ощущением ненависти, окутывавшей Марьяну со всех сторон, буквально придавливая к земле. Внезапно послышался какой-то легкий звук. Марьяна прислушалась. Звук нарастал, и вдруг она опять совершенно отчетливо услышала: «Иди ко мне!»

Марьяна зажала руками уши, стараясь избавиться от странного призывного голоса, но это не помогало. Казалось, голос шел откуда-то изнутри. Вдруг она с ужасом поняла, что именно ее губы произносят слова, нашептываемые кем-то другим: «Иди ко мне!» Небольшая гримерка постепенно наполнялась звуком. Теперь он шел отовсюду: стены, потолок, зеркало, стол, шкаф, даже люстра, повторяли одно и то же, без пауз и перерывов: «Иди ко мне! Иди ко мне!» Зеркало внезапно стало покрываться дымкой откуда-то изнутри. Марьяна сразу поняла, кого она сейчас там увидит. Надо же, старая ведьма начала преследовать ее уже и наяву?!

Не помня себя Марьяна выскочила в коридор, захлопнула дверь и для верности прислонилась к ней спиной. Сразу стало легче дышать, и возникло чувство, словно она только что закрыла дверь в преисподнюю. Черт с ней, со Светкой, пусть себе выступает дальше. Не стоит связываться. Марьяна не могла объяснить, откуда взялось это странное чувство, будто именно бывшая подруга виновата в том, что она соприкоснулась с чем-то зловещим и потусторонним.

Когда Марьяна вернулась в зал, никто не сказал бы, что совсем недавно она пережила страх, граничащий с ужасом. Она вежливо поулыбалась персоналу, выслушала просьбы и пожелания. Пообещала в ответ, что сделает все необходимое. После чего не отказала Хасану в безобидной просьбе отобедать с ним здесь же.

– Ну, как впечатление? – дав ей некоторое время переварить увиденное, поинтересовался Хасан в небольшом перерыве между сменами блюд.

– Я потрясена, – честно ответила Марьяна. – Даже не предполагала, что Магомед являлся владельцем такого количества всякой всячины. Одно дело читать бумаги и совсем другое – увидеть все живьем.

– Теперь ты убедилась, что это не для тебя? – забросил удочку Хасан.

– Совсем нет, – радостно улыбнулась Марьяна, решив испортить ему аппетит. – Мне будет безумно интересно заняться всем этим лично!

Скулы Хасана одеревенели, но он проглотил услышанное без комментариев. В офис они вернулись вполне мирной парочкой. Там Марьяна по доброте душевной не стала добивать своего поверженного противника и заняла бывший кабинет Хасана, который располагался прямо напротив того, где он восседал теперь. Этот, конечно, был меньше и скромнее, но такие мелочи не очень волновали новоиспеченную владелицу холдинга.

Последнее распоряжение она сделала перед отъездом, чтобы к утру понедельника поменять таблички на дверях, вернув Хасану его прежнее звание – заместитель. Благоразумно решив на сегодня больше с ним не встречаться, Марьяна выехала со стоянки и повернула к выезду из города. Сейчас она была уверена, что Хасан занимается делами в офисе и не помешает ей. Будет очень неприятно столкнуться с консолидированным фронтом сразу двух наркодельцов. А так есть большой шанс поссорить их, хотя бы на время. Теперь настала пора навестить нежданно-негаданно свалившуюся на нее, но тщательно скрываемую часть наследства. Самую неприятную часть. Как же Марьяна ненавидела наркотики и всех, кто имел к ним хоть какое-нибудь отношение!

Денис вальяжно развалился за письменным столом и, прикрыв глаза, слушал бесконечную болтовню Олега. Она действовала на него как снотворное и не мешала думать о том, что надо бы найти еще пару десятков нелегалов-китайцев или корейцев, которые, натянув респираторы, молча присоединятся к тем, которые уже пашут в цехе за сущие копейки, ничего не требуя.

Денис вполуха слушал бормотанье Иванова, которое в основном сводилось к жалобам на тяжелые условия жизни, из чего совершенно логично выплывали одни и те же эпизоды из красивой жизни в Люксембурге, и разглагольствования об ожидающей Марьяну в перспективе роскошной жизни. После гибели Магомеда в его мечтах о прекрасном будущем все чаще стало проскакивать имя Марьяны. И вот, слушая очередную байку из серии «Мы с Марьяной поедem...», – Денис приоткрыл глаза, лениво скользнул по унылому пейзажу за окном, представлявшему собой высокий бетонный забор, прерываемый только столбами и металлическими воротами с будкой возле них, где мучился от безделья не менее унылый охранник. Около пропускного пункта, неожиданно вынырнув из-за угла, резко затормозил знакомый красный «рено».

Денис сразу открыл глаза, но еще не окончательно понял, что полностью проснулся. Охранник обрадованно выскочил из будки одновременно с Марьяной, покинувшей машину. Денис не слышал их разговора, но, судя по бурной жестикуляции вдовушки, она требовала пропустить ее на территорию. «Неужели Хасан раскололся? Нет, не может быть», – решил Денис и покосился на Олега. Тот продолжал вдохновенно вещать, расхаживая по кабинету и не замечая ничего вокруг.

– Наследница приехала, – тихо заметил Денис.

– Какая? – Иванов настолько увлекся собственными мечтами, что даже не понял, о ком идет речь.

– Объект твоих радужных мечтаний, – ехидно уточнил шеф.

Олег радостно бросился к выходу.

– Интересно, какой идиот сказал этой кукле о производстве? – вопрос автоматной очередью прозвучал за спиной

Иванова. Он замер так резко, как будто неожиданно налетел на бетонный забор, и почувствовал, что ноги стали ватными, а на лбу обильно выступили бисеринки пота.

– Это не я, – сразу же начал торопливо оправдываться Олег, возвращаясь на свое место и автоматически рукавом вытирая лоб.

Денис недоверчиво усмехнулся и снова покосился в окно. Пожалуй, придется впускать сюда эту любознательную особу, а то как бы не было хуже. Денис вздохнул и вышел из офиса. Уже на подходе к пропускному пункту до него донеслись угрожающие слова Марьяны:

– Если сейчас же непустишь меня, то через десять минут здесь будет полиция! – с этими словами она, как пистолет, выхватила из сумочки мобильник.

– Пропусти ее, – спокойно сказал Денис и представил: – После смерти мужа мадам является совладелицей предприятия.

– Я ему говорила! – рассерженно взвизгнула Марьяна, пока охранник открывал ворота. – А он не верил!

– Правильно сделал. За это ему и платят хорошие бабки, чтобы не пускал на территорию кого попало, – равнодушно объяснялся Денис.

Марьяна никогда не была хорошим водителем, а тут еще разнервничалась и поэтому еле-еле вписалась в ворота, даже слегка задев их зеркалом.

– Козел, козел... бегемот тупорылый... – злобно бормотала она сквозь зубы. Марьяна и сама еще толком не знала, к кому конкретно, Денису или охраннику относить эти нелестные эпитеты. Но сейчас, в ее глазах, они оба имели прямое отношение к производству наркотиков, а потому она и воспринимала их как цельное и ненавистное существо. Выгрузившись из «рено», Марьяна, уже более спокойно спросила Дениса: – Где мы можем поговорить без свидетелей?

Он кивнул в сторону офиса и ехидно усмехнулся:

– Сейчас выгоню оттуда вашего восторженного поклонника господина Иванова и разговаривайте сколько душе угодно.

Офис наркозаводика не произвел на Марьяну особого впечатления. Так себе, вполне средненький.

– Непонятно, зачем Олег рассказал вам про этот заводик? Он ведь гроша ломаного не стоит, – равнодушно бросил Денис, выпроводив обиженного и вконец расстроенного Иванова за дверь.

– Так он вам ска... – уже начав задавать вопрос, Марьяна поняла, что купилась, как последняя дура. Воистину: «Язык мой – враг мой». Она замолчала, но было поздно. Денис все понял. Тогда Марьяна, наплевав на недосказанный вопрос, сразу перешла в наступление: – Я хотела бы посмотреть, что вы тут производите.

– Ну, вообще-то пока только пытаемся наладить производство лекарств. Так что, если вы не фармацевт, то и ходить нечего, – попытался остудить ее пыл Денис.

– Вы тоже не похожи на фармацевта, – не осталась в долгу Марьяна.

– А мне это и не надо, я – менеджер, – сухо ответил он, неприязненно оглядывая ее с головы до ног.

– А я солистка Гранд-Опера, – огрызнулась Марьяна. – Хватит препираться. Я хочу посмотреть свое производство, – чуть выделив голосом последние два слова, заметила она.

– Я не пушу вас туда, – вдруг заявил Денис.

Марьяна в течение всего разговора безуспешно стремилась подавить клокотавшую ярость. Но такого нахального ответа она уже выдержать не смогла и, забыв про угрожающую опасность, вывалила все:

– Я знаю, что вы там производите! Я все знаю! Это – синтетический наркотик, причем какой-то новой, особо вредной модификации, которую изобрел этот долбанутый ученый! Ты, – в гневе она незаметно перешла на «ты» и зло ткнула пальцем в грудь Дениса, – паршивый ублюдок, подлый наркоторговец! Вас всех сажать надо, нет, не сажать, а расстреливать, причем показательно, прямо на площадях, чтобы остальным неповадно было! Ты... ты... – Марьяна на мгновение запнулась, мысленно перебирая свой не очень богатый в этом отношении словарный запас, но быстро сосредоточилась и продолжила.

Она бушевала в том же духе минут десять. Потом до нее постепенно стало доходить, что, по существу, идет никем не

прерываемый, монолог. Неожиданно Марьяна почувствовала себя воздушным шариком, из которого внезапно выпустили воздух, сразу как-то сжалась и замолчала. Потом растерянно посмотрела на усмехающегося Дениса. Это сразу же придало ей новый импульс, и захотелось запустить ногти в его ненавистную рожу. С видимым усилием, подавив в себе праведный порыв, она почти спокойно спросила:

– Что молчишь? Я все правильно сказала?

– Ну... Будем считать, в общих чертах, да, – неопределенно промывчал Денис и как-то неуверенно отвел глаза. – Только я не ожидал такой кровожадности.

– Хорошо, – Марьяна неожиданно улыбнулась, постаравшись скрыть внезапно охвативший ее страх. Ведь они здесь одни. Никто не знает, куда она поехала, а трус Иванов, если его как следует припугнуть, естественно, будет молчать как рыба. – Я сказала все, что накопело. Пар выпустила, а теперь, пожалуй, пойду, – с этими словами она направилась к двери.

– Вряд ли, моя прелесть, после такого ты далеко уйдешь, – Денис решительно преградил дорогу.

В его голосе отчетливо слышалась угроза, хотя губы вроде улыбались. От этого он выглядел даже более опасным, чем Хасан. Марьяне вдруг стало страшно. Она попятилась, бросив косой взгляд на окно. Мысли закрутились в поисках выхода. Вспомнив какой-то детектив, она с ходу выпалила:

– Я кое-кому сказала, куда еду. Так что, если не вернусь, меня будут искать именно здесь, и тогда все ваше поганое производство накроется медным тазом, а вы сядете лет на двадцать пять, а то и пожизненно!

– Ах, Марьяна, неужели у тебя здесь есть кто-то, с кем ты делишься своими планами? – ехидный голос Дениса растеклся липкой патокой. И она с ужасом поняла, что у нее нет никакого выхода, как у прилипшей мухи. Сейчас ее прикончат. Затравленно озираясь, она быстро затараторила:

– Хорошо, я никому ничего не скажу! Чего ты хочешь за мое молчание? Ведь лишний труп тебе ни к чему? С ним столько хлопот! Скажи, Хасан прав, считая, что это вы убили Магомеда?

Последний вопрос Марьяна задала страшно рискуя, как канатоходец, идущий в темноте на огромной высоте, но уже продуманно. Очень хорошо продуманно. Теперь эта сволочь пусть решает, с кем иметь дело: то ли с глупой бабенкой, которую можно легко обвести вокруг пальца, то ли с Хасаном, который о нем так плохо думает и при удобном случае отомстит за земляка? Марьяна замерла, ожидая ответа. Ей показалось, что Денис молчал сутки. На самом же деле он ответил буквально через несколько секунд, что бесстрастно подтвердили электронные часы на стене. Но его ответ поразил Марьяну.

– Пусть твой Хасан зря не пылит, – спокойно сказал Денис. – А ты сама подумай хорошенько. Ведь смерть Магомеда ему намного выгоднее, чем мне.

Марьяна замерла. Вся ее так хорошо продуманная комбинация с треском рушилась. Дело пошло совсем не так, как она рассчитывала. Ну как такая очевидная вещь не приходила ей в голову? В самом деле, ведь Хасан сейчас усиленно бьет клинья, чтобы заполучить все. Будь жив Магомед, у него не было бы никаких шансов. Он всегда был только тенью своего босса, вечно вторым.

– Ты это точно знаешь? – осторожно уточнила Марьяна.

– Нет, только предполагаю, – Денис неопределенно пожал плечами и отвернулся.

Все это надо было обдумать, хорошенько обдумать. Где-нибудь в тихом месте, например в своей спальне, перед сном, когда такие интересные мысли лезут в голову из непонятных глубин. Марьяна вздохнула. Было явно больше пятидесяти процентов за то, что она никогда уже не вернется домой, а ее холодный труп тоже найдут в каком-нибудь лесу... Бр-р-р, она поежилась.

– Ты замерзла? – с глумливым участием поинтересовался Денис.

– Нет, я просто подумала, что тебе действительно нет смысла меня убивать, – Марьяна постаралась улыбнуться непослушными губами, как можно очаровательней.

– Может, и нет, – спокойно согласился собеседник, – только для этого тебе придется выполнить кое-какие условия...

Марьяна усиленно закивала. В такой ситуации она согласилась бы даже летать на помеле. Вопрос заключался в том, собирается ли она потом выполнять эти условия?

– Садись, – он ногой выдвинул стул. И Марьяна, с опаской оглядываясь на Дениса, осторожно присела на краешек.

Он забрал у нее сумку и вытряхнул оттуда паспорт. Потом достал из стола какие-то бумаги и накрыл их сверху чистым листом, оставив только место для подписи.

– Подпишешь?

Марьяна облизала внезапно пересохшие губы и отрицательно замотала головой.

– Подпишешь, – спокойно сказал Денис, – потому что очень хочешь выйти отсюда живой. – А вот как выглядит твоя подпись, чтобы не забыла случайно, – с этими словами он положил перед ней ее паспорт.

– Хорошо, – обреченно пробормотала Марьяна и дрожащей рукой поставила на бумаге нужную закорючку. – Раз я все равно подписала, покажи – что?

– Да пожалуйста, – Денис убрал чистый лист.

Глазам Марьяны предстал «Договор о совместной деятельности». Теперь ни в какую полицию она не сможет пойти. Кто ей поверит? Она, только что, своей рукой подписала договор с наркодельцами. Марьяна быстро протянула руку, попытавшись выхватить опасную бумагу, но Денис оказался проворнее, и подписанный договор исчез прямо у нее из-под носа. Он спрятал его в сейф со словами:

– Теперь, моя дорогая, как говорил незабвенный Леня Голубков: «Мы партнеры», так что не стоит никуда на меня стучать. Не советую. Себе дороже обойдется, если вдруг захочешь иметь дело с законом, а уж если захочешь пойти в обход, то тем более. Ты, рыбочка, сейчас, можно сказать, сидишь в стеклянном аквариуме – вся на виду, а выхода нет. Никакого. Сечешь?

В последних словах прозвучала такая угроза, что Марьяна уронила голову на стол, и из глаз потоком хлынули непрошеные слезы бессильной ярости и ненависти. Ей хотелось ломать и крушить все вокруг. Смести с лица земли этот поганый завод со всей его начинкой и теми подлецами, которые

производят страшное зелье, думая исключительно о деньгах. Сотнях, тысячах, миллионах... Только не было у нее такой возможности. Совсем не было. Пока.

Откуда-то издалека, как сквозь вату, до нее донесся ненавистный голос Дениса:

– Это еще не все. Партнер ты исключительно ненадежный, поэтому нуждаешься в постоянном присмотре. Пожалуй, прямо с сегодняшнего дня я перееду в твой симпатичный коттедж, а в мое отсутствие за тобой будет присматривать кто-нибудь из моих... гм... ребят.

Его спич был прерван диким воплем Марьяны:

– Ненавижу! Как же я всех вас ненавижу!

Денис смотрел на нее почти с одобрением. Это было именно то, что нужно для него и для дела. Ее истерика понятна и в какой-то степени даже выгодна. В таком состоянии она, скорее всего, ничего не соображает. Проблемы возникнут потом, когда Марьяна придет в себя, начнет думать и анализировать. Вот тогда и может возникнуть настоящая опасность.

Нет, эту особу никак нельзя отпускать от себя. Она должна быть постоянно на глазах, потому что непредсказуема, как кобра, которая внезапно может предпринять беззвучный, но стремительный бросок навстречу всему, что встанет у нее на пути. А это чревато очень неприятными последствиями.

ГЛАВА 11

...Бешенство старухи достигло того предела, который только может существовать в природе. Как такое могло произойти?! Эта девчонка до сих пор умудряется ей сопротивляться. Она отталкивает Агафью, не желая смириться. Надо показать ей, чем может грозить такое упрямство. Старуха сжала в руках серебристый шарфик и сосредоточила всю свою волю, забыв о Евдокии, собственном раздражении и окружающем мире.

Теперь она была уже в другом, параллельном мире. В нем Агафья была не старой и немощной, а сильной и всемогущей. Этот мир легко переносил ее туда, куда нужно.

Вот и сейчас она снова видела перед собой уже знакомую спальню девчонки, которая должна, просто обязана принять предлагаемый дар. Видела и ее саму, сжавшуюся в комочек под одеялом, но с открытыми глазами, задумчиво устремленными в пространство.

Денис выполнил свое обещание и на самом деле переехал к Марьяне. Несмотря на бурно проведенный день, она никак не могла заснуть, прислушиваясь к каждому шороху. Ей постоянно казалось, что вот-вот в спальне появится убийца, подосланный Хасаном, Денисом, да кем угодно. Она всем мешала и все хотели от нее избавиться. Но убийца так и не появился.

Зато опять вернулся тихий призывный шепот: «Иди ко мне!» У Марьяны не было сил от него отделаться. В голове этот шепот гудел уже набатом. Через несколько минут она почувствовала, что сходит с ума. Казалось, как и в Светкиной примерке, мерзкий шипящий звук шел отовсюду, каждая, самая маленькая из окружающих вещей звала ее неизвестно куда. «Нет, – бормотала она в полном отчаянии, натягивая на голову подушку и зажимая уши руками, – я никуда не пойду. Мне никуда не надо».

Сейчас Марьяна готова была поклясться, что не спит, а лежит с открытыми глазами. Но это совершенно не помешало ей снова увидеть старуху. Только сейчас та не смотрела на Марьяну своими пустыми страшными глазами. Они были закрыты, в руках, спрятанных под пледом, старая карга явно что-то сжимала. Губы ее беззвучно шевелились. Вернее, так показалось в самый первый момент, потому что буквально через несколько секунд в голове Марьяны совершенно отчетливо зазвучали уже хорошо известные слова – приглашение:

– Иди ко мне! Иди, и ты станешь сильной, очень сильной. У тебя будет все. Все, что ты только пожелаешь.

После этого навязчивый призыв зазвучал почти без остановки, гипнотизируя бесконечным повторением. Какое-то время Марьяна еще пыталась сопротивляться, но вскоре была уже не в силах делать это. Она сдалась. Тело стало ват-

ным, и как одеялом ее накрыло полное и абсолютное безразличие к себе, всему, что окружало, а главное – к будущему. Воля оказалась полностью парализованной.

«Надо бы отправить эту любознательную красотку в какую-нибудь московскую клинику. Тогда удастся избежать многих проблем», – размышлял в темноте Денис, закуривая у открытого окна. Он был уверен, что ему не удастся полностью контролировать Марьяну, несмотря на подписанный договор. Откуда возникла такая мысль, он не понимал.

– Что за черт? – пробормотал он, высовываясь в окно.

Марьяна, не оглядываясь по сторонам, в полном мраке быстро шагала от дерева к дереву, явно направлялась к воротам. Она шла так решительно и целенаправленно, что он сразу понял – у нее есть какая-то цель. Одним махом перепрыгнув через подоконник, Денис стал красться за ней. Она не взяла машину, и это навело его на мысль, что на улице ее кто-то ждет, но там никого не было. Во всяком случае, поблизости. Она просто продолжала быстро двигаться в ей одной ведомом таинственном направлении, все дальше уходя от дома. Ее поведение очень уж напоминало сомнамбулу, впрочем, Денис их никогда не видел, так что сравнивать было не с чем.

Находясь позади, он не мог видеть лица Марьяны, но обратил внимание, что редкие прохожие провожают ее удивленными взглядами. Что-то, действительно, было в ней необычным, но, как ни старался Денис, он по-прежнему ничего не мог разобрать. Ему мешала темнота. Она оказалась противником и союзником одновременно. Денис спокойно вел свой объект наблюдения, не опасаясь быть замеченным. И тем не менее с Марьяной что-то было не так, но из-за темноты он никак не мог рассмотреть – что именно. Денис совсем уже решил догнать беглянку, но в последний момент передумал. Ему важно было узнать цель ее ночной прогулки.

Вскоре перед ними замаячили вытянутые прямоугольники блочных девятиэтажек. Марьяна покрутила головой, осматриваясь. Денис замер в отдалении. Кого-то ждет? Непо-

хоже. Ему даже показалось, что она направилась к первому попавшемуся подъезду. Сейчас в походке Марьяны уже не было прежней уверенности и целеустремленности.

Выждав пару минут, Денис вошел следом. Там было совсем темно. Слабая лампочка едва мерцала на каком-то верхнем этаже. Ничто не нарушало тишину спящего дома. Денис прислушался. Марьяна почему-то поднималась пешком. Ее тихие шаги почти не были слышны. Стараясь ступать также осторожно, Денис направился следом. Когда Марьяна, как лунатик, стала подниматься на крышу, в его голове мелькнула страшная догадка – никакой цели у нее нет и быть не может, потому что действует она, видимо, под влиянием наркотиков. Невозможно представить, что сейчас происходит в ее затуманенном сознании, но, судя по тому, куда она направлялась, ей захотелось полетать – классика жанра.

Придя к такому выводу, Денис, больше не заботясь о скрытности передвижения, выскочил вслед за ней на крышу. Оказавшись там, он понял, что Марьяна сейчас не услышала бы и шума турбин взлетающего самолета. Она вообще ни на что не обращала внимания. Ее темный силуэт четко вырисовывался на фоне неба. Марьяна спокойно стояла на самом краю парапета, раскинув руки и запрокинув голову к небу. Денис похолодел, еще одно движение и... Только сегодня подписанный договор можно выбросить в корзину, правда, это одновременно снимает с него и часть проблем.

Марьяна никак не могла понять, как оказалась около стандартной девятиэтажки, не постигала, какая сила толкала ее вверх по лестнице, не осознавала, зачем, добравшись до верхнего этажа, нашла узенькую металлическую лестницу и вскарабкалась по ней на крышу. В какой-то миг она ненадолго пришла в себя и удивленно огляделась. Что такое, где она и что здесь делает? Вначале Марьяна действовала абсолютно ничего не понимая и, только взобравшись на широкий парапет, обрамляющий крышу по периметру, сориентировалась и немного пришла в себя.

Ночное небо раскрыло над ней свой бархатный звездный шатер. Прохладный ветерок ласково трепал волосы. Вне-

запно в его легком прикосновении к уху она опять уловила знакомый шепот: «Иди ко мне!» Сейчас Марьяне не хотелось сопротивляться настойчивому призыву, да и в словах не было ничего зловещего – только приглашение перейти за грань...

Она запрокинула голову и посмотрела в небо. Полная луна игриво подмигивала ей какими-то своими тенями и выпуклостями, которые внезапно стали расплываться и менять очертания, приобретая очевидное сходство с человеческим лицом, теперь уже слишком хорошо знакомым Марьяне лицом. Старуха по-прежнему смотрела на нее пустыми белесыми глазами и победно ухмылялась беззубым ртом. Но сейчас в ней хорошо просматривались надменность и высокомерие. Ведьма как бы говорила своей жертве: «Вот, посмотри, на что я способна. Тебе никуда от меня не деться. Я полностью контролирую тебя и всю ситуацию. А ты всего лишь марионетка в моих руках». Марьяне совсем не хотелось быть чьей-то послушной игрушкой, поэтому она отвела глаза от вконец опротивевшего лица. Сейчас ей захотелось показать старой карге свою полную самостоятельность и независимость.

Марьяна подошла к краю парашюта и глянула вниз. Там ее ждала мягкая перина, такая мягкая, что она кожей ощутила, как та примет ее в свои объятия... Сейчас слегка оттолкнется ногами и полетит. Полетит как птица, а потом плавно приземлится на эту перину. Возможно, там, в полете, поймет, наконец, то, самое главное: ради чего все это? Все станет ясно, и больше не будет никаких вопросов, никаких проблем, только окружающее пространство и волшебное ощущение полета, как когда-то во сне. Она не упадет, воздух будет держать ее на своих волшебных крыльях. Марьяна еще из детских снов сохранила в душе восхитительное ощущение полета, когда за плечами машут неизвестно откуда взявшиеся крылья, а воздух упруг и приятен на ощупь... Но так бывает только в снах, детских снах. «Иди ко мне», – снова зашелестел вокруг шепот.

Марьяна снова запрокинула голову в ночное небо и раскинула руки, ловя ветер. Сейчас она сделает последний шаг... Марьяна занесла ногу над пустотой, как вдруг перед глазами

снова совершенно отчетливо появилось лицо старухи, она теперь уже не ехидно и высокомерно, а угрожающе, ухмылялась и грозила пальцем.

Агафья изо всех сил сжимала в руках шарф. В своем стремлении к беспредельной власти она увлеклась и слегка перегнула палку. Это может привести к непоправимому, вернее, к полной катастрофе. Сейчас девчонка свалится, а она решительно и бесповоротно лишится возможности завершить свой план. Что же делать? Старуха снова, уже в который раз за последнее время, почувствовала, как ситуация неожиданно опять выходит из-под контроля и становится неуправляемой. Агафья увидела, как Марьяна закачалась на краешке парашюта, ища и не находя опоры. Старуха захрипела и открыла глаза. Она поняла, что не может больше сосредоточиться и влиять на ситуацию. Оставалось ждать. Теперь всё, в том числе и ее собственная судьба, зависели не от нее, а от других неведомых сил. Агафья снова сжала в руках серебристый шарфик и с заметным усилием вернулась на крышу. Ей оставалось только ждать, и она замерла ...

Марьяна издала некий сдавленный звук и пришла в себя, но было поздно, слишком поздно, чтобы остановиться. Это было уже не в ее силах. Она поняла, что теперь не может вернуться назад. Центр тяжести неумолимо смещался в пустоту, и Марьяна почувствовала, что падает вниз. Дикий животный ужас родился где-то в глубине ее существа, но он так и не успел вырваться наружу страшным предсмертным криком, сильные руки обхватили Марьяну сзади и резко рванули назад. Крик остановился в горле, проявившись только тихим жалобным всхлипом. Перед глазами закружилось звездное небо, ватные ноги совсем не держали. Она, совершенно обессилив, буквально повисла на руках своего спасителя. Только через несколько секунд Марьяна смогла почувствовать и осознать, что уже в состоянии оглянуться, чтобы разразиться горячей благодарственной речью, как услышала над ухом ненавистный знакомый голос, который дрожал от плохо сдерживаемой ярости:

– У тебя совсем от наркоты крыша съехала, да?

В один миг Марьяна окончательно пришла в себя и резко обернулась к Денису:

– Тебе-то что? Зачем ты за мной шпионишь?

– Сильно сомневаюсь, что сейчас ты об этом жалеешь! – зло бросил он.

Только сейчас Марьяна поняла, что он так и не выпустил ее из рук, и со стороны они выглядят, как обнимающаяся парочка влюбленных. Неожиданность ситуации несколько остудила желание продолжить перепалку, и она тихо ответила:

– Совсем не жалею. Можно даже сказать, что ты спас мне жизнь.

– Ты что-нибудь принимала? – почему-то так же тихо спросил Денис.

– Нет, – Марьяна отрицательно покачала головой, помолчала и добавила: – Я совершенно не помню, как здесь оказалась... Я вообще ничего не помню.

Перед ее мысленным взором опять всплыло ехидно ухмыляющееся лицо старой ведьмы. Казалось, это единственный момент, который был сейчас доступен ее памяти. Ветер на крыше внезапно показался холодным и пронизывающим. Чтобы не замерзнуть, Марьяна невольно прижалась к Денису. Вопрос был таким естественным, но почему-то так поздно родился в ее измученной голове:

– Как ты меня нашел? – в голосе Марьяны уже не было ни злости, ни раздражения, только удивление. Она не видела его лица, но по тону поняла, что Денис усмехается:

– Я же сказал, партнер ты ненадежный, и за тобой нужен присмотр... – Денис выудил из кармана мобильник и вызвал такси, назвав адрес, чем еще больше удивил Марьяну. Она понятия не имела, где они находятся.

– И что дальше?

На смену всем потрясениям пришло обычное женское любопытство, и Марьяне захотелось удовлетворить его.

– Давай продолжим дома, а то такси вот-вот подойдет, – Денис слегка подтолкнул ее в направлении лесенки.

Когда они вышли из подъезда, машина и в самом деле уже ждала около дома. В полном молчании они вернулись домой.

Только войдя в гостиную, Марьяна окончательно осознала, насколько она была близка к смерти. От запредельной вечности ее отделяло даже не мгновение, а всего лишь его жалкие доли. Марьяна без сил опустилась на пол, и слезы облегчения хлынули неудержимым потоком, остановить который могло только время.

Как бы со стороны, она увидела, что Денис взял ее на руки, отнес в спальню и сунул в руки стакан воды. Марьяна трясущимися руками расплескивала вокруг воду, стучала зубами о край стакана и жадно, как в пустыне, глотала воду, забыв обо всем на свете. Слезы прекратились так же внезапно, как начались. Она в последний раз всхлипнула и совершенно иначе посмотрела на Дениса. Марьяна никак не могла вспомнить, что хотела спросить у него там, на крыше, но интуиция требовала продолжить разговор, и она брякнула первое, что пришло в голову:

– Зачем ты меня спас?

– А что, не надо было? – в голосе Дениса уже не было сарказма, а звучало откровенное изумление.

– Даже не знаю, – пробормотала она. – Я, наверное, схожу с ума, так что, может, оно и к лучшему было бы...

Марьяна посмотрела в глаза Денису. Что хотела в них увидеть? Она не знала. Может, лучше было спросить – что ожидала там увидеть? За свою недолгую, но бурную жизнь Марьяна научилась достаточно уверенно читать в мужских глазах, устремленных на нее. Это было нетрудно.

Презрительные прищурки сменялись похотливыми масляными взглядами, на смену восторгу и восхищению так же быстро приходило вождение. Чаще всего она сталкивалась именно с этим. Правда, в последнее время диапазон заметно расширился. Теперь Марьяна частенько стала наталкиваться на ненавидящий взгляд. Но это была специфика конкретного человека и скорее – редкость, чем система. Выходит, судьба с завидным упорством сталкивала ее с мерзавцами? Почему? За что? Почему никто и никогда не смотрел на нее с... Марьяна смутилась и отвела глаза.

Какого черта она вылупилась на малознакомого мужика, да еще и размечталась? Пожалуй, она ничего так и не смогла

разглядеть в его глазах, только легкая усмешка скользнула по губам, не изменив общего выражения. Да, ее спаситель хорошо владеет собой.

Марьяна уже набрала в легкие воздуха, чтобы разделаться с ним, как с Ивановым, но вдруг по комнате прошел легкий ветерок, в котором она явственно разобрала уже хорошо знакомое: «Иди ко мне!» Марьяне показалось, что в шепоте слышится облегчение. Она вздрогнула и оглянулась. Кроме нее и Дениса – никого. И, судя по всему, он ничего не слышал. Значит, шепот предназначался только ей, ей одной. Это был только ее диалог с загадочным миром.

В этот момент она с ужасом поняла, что не сможет провести еще одну ночь с этим навязчивым кошмаром. С кем угодно, только бы не оставаться одной! Пусть будет даже этот мерзавец-наркоторговец. В конце концов, если бы он хотел ее смерти, то достаточно было просто ничего не делать. А он ее спас... Марьяна вздохнула, снова подняла глаза на Дениса и жалобно заговорила, протягивая к нему руку:

– Не уходи. Я боюсь оставаться одна. Мне постоянно кажется, что здесь кто-то есть. Мне страшно.

Денис удивленно огляделся, пожал плечами и снова уточнил:

– Ты точно ничего не принимала?

– Конечно. Просто мне очень страшно, – прошептала Марьяна и совсем упавшим голосом спросила: – Я что, настолько противна тебе?

– Нет, конечно, с чего ты взяла? – поспешно успокоил Денис и потянулся к выключателю.

Перед тем как погас свет, он снова изучающе посмотрел на Марьяну. Она готова была поклясться, что в его глазах не было даже намека на похоть, которую можно увидеть после такого откровенного предложения. Свет погас. В голове Марьяны шевельнулось обидное предположение – жалеет! Неужели теперь она вызывает у мужчин только ненависть или жалость? Но вскоре поняла, что на этот раз ошиблась.

Последняя мысль, которая мелькнула в голове перед тем, как она провалилась в сон, была: «И все-таки как же он меня нашел?» Завтра она спросит у Дениса. Но это будет

уже завтра, а сейчас надо спать, пока настойчивый шепот из темноты не мешает ей. Марьяна беззвучно хихикнула в темноте. Вот, оказывается, какое оружие надо было применить против страшной ведьмы из снов. И не нужно никаких таблеток. Навязчивое приглашение на сегодня окончательно исчезло из дома.

Старуха с облегчением поняла, что с ее потенциальной приемницей все в порядке, но так и не смогла разобраться, какая же сила мешала ей возобновить то, чего она хотела. Перед ней словно выросла стена, и все усилия просто разбивались о нее вдребезги, не принося результата. Решив, что она просто устала, Агафья тяжело перебралась на кровать. Завтра она начнет все сначала. В темном углу под окном угрожающе шевельнулась тень, но старуха закрыла глаза, сделав вид, что не замечает ее. Усталость сковала так сильно, что сейчас старухе было все равно, но, оказалось, она ошибалась – не все равно.

Сегодня тень подобралась так близко, что Агафья почувствовала исходящий от нее пронизывающий холод. Она поежилась, открыла почти слепые глаза и напряженно спросила в темноту:

– Что тебе от меня надо?

– Ты позоришь меня, – внезапно раздалось прямо над ухом. – Почему до сих пор ты не можешь разобраться со своей упрямой ученицей? Ведь тебе уже давно пора... – незаконченная двусмысленная фраза напряженно повисла в воздухе.

– Я устала, у меня уже нет прежних сил, – жалобно и даже немного льстиво пробормотала старуха. Вдруг учительница захочет немного помочь ей в таком сложном деле.

– Не хнычь, – она лишь жестко оборвала причитания. – Ты ведь не хочешь узнать на собственной шкуре, что будет, если не передать кому-то свои возможности.

– А что будет? – неожиданно взяло верх вдруг проявившееся женское любопытство.

– Если упустишь такую талантливую ученицу, тогда и узнаешь!

На смену промозглому холоду пришло благодатное тепло. Резкий порыв ветра и шелест листьев за окном сразу же сменились полной тишиной. Старуха опять осталась одна в комнате наедине, со своими тягостными мыслями.

Вскоре она крепко заснула, восстанавливая силы для предстоящей работы, которая забирала их все без остатка.

Утром Денис сказал, что ему надо на пару дней уехать в Москву. Перед этим он затребовал с Марьяны клятвенное обещание, что она тихо, как мышка, будет сидеть дома, а не гулять по крышам. Она уверенно пообещала и даже какое-то время после его отъезда честно все выполняла. Ближе к обеду выяснилось, что и экономке понадобилось съездить домой в район. Проводив всех, Марьяна ощутила жажду деятельности. К тому же она мечтала расставить все точки над I с Хасаном.

Марьяна понимала, что не может ни минуты быть спокойна, пока он рядом. Конечно, после его увольнения опасность сначала неизмеримо вырастет. Но там, по крайней мере, уже все ясно – нанять охрану и ждать какой-нибудь подлой выходки с его стороны, а потом разобраться с ним «по понятиям». Марьяна фыркнула. Ну вот, теперь и она мыслит теми же категориями, что и все окружающие ее темные личности. Впрочем, сейчас это не важно. Главное – избавиться от Хасана и закрепиться. Причем именно в такой последовательности. Пожалуй, стоит подергать его по поводу наркозаводика. Марьяна не сомневалась, что эта тема заведет его больше всего, потому что там готовы были к обороту бешеные деньги, и этот стервятник наверняка уже подсчитывает ожидаемую прибыль, потому что все другое интересует его постольку-поскольку.

Секретарша радостно улыбнулась новой хозяйке, ожидая интересных событий, и они не замедлили произойти.

– Олеся, пригласи ко мне, пожалуйста, заместителя, – мягким голосом пропела трубка.

Секретарша не стала делать этого по телефону. Она хотела насладиться таким историческим моментом лично. Олеся

осторожно поскреблась к Хасану, а затем, услышав невнятное бормотание, просунула в дверь голову и отчеканила:

– Вас вызывает к себе... – на секунду она замялась, обнаружив, что, к стыду своему, не знает отчества Марьяны, но быстро нашла выход из затруднительного положения, – госпожа Хамбиева.

– Что?! – буквально взревел Хасан.

Пряча злорадную ухмылку, Олеся моментально скрылась за дверью. На сегодня она получила свою долю удовлетворения от унижения этого козла. Теперь пора подумать о собственной безопасности. Через несколько секунд мимо нее стрелой пронесся Хасан. Он влетел в кабинет Марьяны и с такой силой хлопнул дверью, что Олесе показалось – сейчас рухнет потолок. До секретарши донеслись только первые несколько слов:

– Да как ты смеешь?!

Дальше уже ничего не было слышно.

– Что ты себе позволяешь?! – неистовствовал Хасан. – Утром, даже не посоветовавшись со мной, поменяли табличку, теперь ты еще вызываешь меня к себе?! Меня!

Марьяна молча ждала, когда этот пузырь лопнет. Наконец в захлебывающемся монологе заместителя возникла небольшая пауза. Возможно, он не все сказал и просто подбирал наиболее доходчивые для глупой женщины слова, но Марьяна успела встрять в паузу:

– Ты, не волнуйся так, присаживайся. Нам есть что обсудить, – она жестом указала на приставной столик.

Хасан ногой выдвинул стул и со всего маху плюхнулся на него. Массивный стул издал жалобный писк.

– Честно говоря, я не понимаю твоего гнева, – проворковала Марьяна. – Ты что, не мой заместитель? – невинными глазами она уставилась на Хасана.

Тот ошалело смотрел на нее. Возразить было нечего.

– Так. С этим мы разобрались, – небрежно бросила Марьяна и добавила: – К тому же, заметь, я оставила тебе более удобный кабинет, я понимаю – ты бываешь здесь больше... Но если ты все-таки недоволен и думаешь уйти, я и это постараюсь понять.

В кабинете повисла такая напряженная пауза, что, казалось, даже из воздуха вот-вот полетят во все стороны искры. Такая тишина бывает только на дуэлях, когда секундант дал участникам отмашку, но ни один из них еще не успел произвести роковой выстрел.

Не слышно было даже дыхания собеседников. Марьяна ждала утвердительного ответа, благородно предоставив своему противнику право первого хода. Теперь она могла себе это позволить. Гордиев узел не просто требовал, а молил о развязке. Марьяна очень хотела услышать долгожданный ответ, но, так и не дождалась. Хасану, хотя и с трудом, но на этот раз удалось обуздать свой бурный темперамент. Ответил он почти спокойно:

– Я всем доволен... Просто думаю, что ты все равно не будешь здесь работать постоянно, так что не надо меня заместителем называть. Можно это как-то обсудить...

– Ладно, давай обсудим попозже, – неожиданно легко согласилась Марьяна. – А сейчас у меня вопрос по делу: почему ты не сказал, что я являюсь владелицей еще одного заводика, выпускающего, скажем так, некую фармацевтическую продукцию.

Хасан замер. Он ожидал чего угодно, только не этого. Эта баба где-то разнюхала о существовании нового производства. Кто мог сказать ей? Узнаю, удавлю мерзавца!

– Что молчишь? – незаметно нажимала Марьяна. – Удивлен, что узнала?

– Да нет, – неуверенно промямлил Хасан, но тут же нашелся: – Я специально не сказал тебе об этом. Ты же должна понимать, производство этого товара – вещь очень опасная. Не стоит тебе так рисковать. Я заботился о тебе.

– И о моих доходах тоже? – усмехнулась Марьяна. – Надеюсь, ты не собирался их прикарманить?

– Ну что ты! Что ты! Конечно, нет! – с картинной искренностью обиделся Хасан. – Если бы захотел, я смог бы придумать так, чтобы никто и никогда не догадался!

– Спасибо, ты очень заботливый, – холодно ответила она. – Только не надо проявлять обо мне излишнюю заботу. Я, если ты заметил, уже большая девочка и вполне могу о

себе позаботиться. Так что в дальнейшем не надо ничего решать за меня. А если понадобится твой совет, я сама скажу об этом, – Марьяна успокаивающе улыбнулась и подытожила: – На этом считаю планерку законченной. Не буду больше тебя задерживать.

Хасан вышел из кабинета с побелевшими от ярости глазами. Эта красивая, но удивительно наглая дрянь уже не только действовала ему на нервы, она посмела покуситься на святое – на деньги. На его деньги, как считал Хасан. Пожалуй, пора поставить ее на место, и чем скорее, тем лучше. Совсем распустилась, если смеет указывать ему, что делать. На глаза попалась сжавшаяся за своим столом Олеся. Вот на ком можно было выместить свой гнев!

– Эй ты, зайди ко мне, – грубо приказал он, мысленно прикидывая, в чем бы обвинить девушку.

Испуганная Олеся начала подниматься из-за стола. Она уже прикидывала, чем может обернуться для нее начальственный гнев, но в эту секунду открылась дверь Марьяны.

– Олеся, сбегай в магазин и купи мне, пожалуйста... банку кофе, – Марьяна протянула деньги.

Та прекрасно знала, что у нее в столе стоит целых три банки, но решила благоразумно промолчать об этом и, схватив деньги, моментально вымелась из приемной. Олеся догадывалась, что Марьяна сделала это специально, и была благодарна за своевременную и деликатную помощь.

Хасан оказался один, ему хотелось переломать всю мебель, разбить окно, а еще лучше убить кого-нибудь, но он только бешено хлопнул дверью и скрылся в своем кабинете. Марьяна вернулась к себе. Короткий разговор с заместителем измотал ее так, будто несколько часов подряд таскала тяжеленные ведра с водой. Она понимала, что сегодня была практически объявлена открытая война.

Но Хасан не будет действовать сразу. По натуре он – шакал. Ему понадобится какой-то период на то, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию и, выждав удобный момент, напасть сзади. К тому времени вернется Денис, и она попросит помощи у него. Сегодня из двух зол он – наименьшее. Значит, небольшой запас времени у нее еще есть. Так думала Марья-

на, но ошибалась. Хасан уже решил, как поступить. Если бы она знала его планы, то захотела повернуть время вспять и не совершать некоторые из своих поступков. Но Марьяна не знала и спокойно отправилась домой.

ГЛАВА 12

Вечером Марьяна приготовила себе несколько бутербродов, сварила крепкий кофе и уютно устроилась в гостиной перед телевизором. Иногда так хорошо побыть одной, расслабиться. Плохие новости из-за границ ее маленького мирка не омрачали душевного спокойствия. Она лениво щелкала пультом, перескакивая с канала на канал. Но ни одна из передач так и не привлекла ее внимания.

Внезапно Марьяне показалось, что она слышит какой-то шорох за дверью. Где-то в глубине души шевельнулось нехорошее предчувствие. Неужели Хасан решил действовать уже сегодня и пришел, чтобы окончательно разобраться со всеми проблемами? А она тут сидит совсем одна. Осторожно, чтобы не производить лишнего шума, Марьяна поднялась с дивана и пробралась к телефону. Она еще не представляла себе, кому будет звонить, но с телефоном все-таки было как-то спокойнее. Не успела она взять трубку, как дверь открылась. На пороге стоял... Магомед.

Марьяна тихо пискнула и попятилась, сбив по пути телефон. Первое желание, которое у нее возникло, это – прекреститься. Но она тут же затолкала его подальше, больно уж глупо будет выглядеть. Это явно не было глюком.

Перед Марьяной действительно стоял трагически и временно почивший муж, без каких-либо следов насильственного воздействия. Он был во плоти и, кажется, в полном здравии. Более того, лицо Магомеда говорило о том, что находится он в настроении вполне спокойном. И все-таки почему-то было не по себе.

– П-п-присаживайся, – заплетающимся языком едва пробормотала Марьяна и предложила: – Хочешь бутерброд?

Ничего более умного в голову не пришло. Но ситуация была настолько необычной, что Марьяна ничего не могла с со-

бой поделать. Она даже никак не могла собрать свои мысли, разбегающиеся в разные стороны, как испуганные тараканы. Беседовать с покойником доводится далеко не каждый день, с другой стороны, на покойника он был похож меньше всего. Магомед преспокойно воспользовался ее приглашением, сел в кресло и будничным тоном спросил:

– Может, кофе сделаешь?

Марьяна кивнула и, пятясь, выскочила на кухню. По пути она машинально глянула в зеркало. Сказать, что она была бледной – это ничего не сказать! Впрочем, люди, увидевшие привидение, наверное, так и должны выглядеть. Во всяком случае, из них двоих Марьяна на покойника была похожа гораздо больше. Когда она вернулась в гостиную, неся в трясущихся руках чашку, Магомед уже добродушно улыбался, доедая последний бутерброд и лениво щелкая пультом, как всего несколько минут назад делала сама Марьяна. Он явно чувствовал себя неплохо. Марьяна поставила перед ним кофе, а сама на нетвердых ногах пошла к бару. Сейчас ей требовалось что-нибудь покрепче кофе, причем значительно крепче.

– Марьяна, девочка моя, ну что ты так разнервничалась? – снизошел, наконец, Магомед.

– Не с чего, да? – огрызнулась Марьяна. Она уже опрокинула в себя стопку водки, совершенно не ощущая ее крепости и, налив следующую, присела на краешек дивана, ноги все-таки пока держали плохо. – Сходи, вон, могилу свою посети!

– Я посчитал, что это будет самым удобным вариантом, – спокойно сообщил Магомед, оставив без комментариев ее замечание.

– Да? – рассеянно бормотала несостоявшаяся вдова. – А почему? – Она пока решительно ничего не понимала.

– В этой ситуации у меня было время все подготовить. Покойника ведь не будут искать...

– Нет, подожди, о планах – потом, – перебила его Марьяна, нервно перекатывая в руках опустевшую стопку. – Вначале расскажи, все по порядку.

– Ну... – самодовольно усмехнулся муж, поглаживая себя по животу, – когда ты пришла в себя, тебе было не до того,

чтобы проверять, жив я или нет. Вообще-то, я уже давно решил запустить производство... – Магомед помялся, – того продукта, который изобрел твой ухажер. А потом смыться за границу и тихо стричь купоны. Я все не мог придумать, как это сделать, чтобы исчезнуть без следа. А тут ты сделала такой подарок. Конечно, крепко приложила меня лампой, но не смертельно. Прикинуться трупом перед испуганной бабой с расшатанными нервами, да еще и принявшей дозу, совсем не сложно.

Марьяна судорожно вздохнула, прижав пальцы к губам. Магомед между тем продолжал как ни в чем не бывало:

– Я думал, ты выскочишь из спальни со страху, но ты сделала еще лучше – закрылась в ванной и пустила воду. Ее шум все и перекрыл. Только я хотел по-тихому смыться, как появилась твоя придурочная подруга, эта малахольная Светка. По-моему, последнее время она зачем-то следила за нами...

– Никакая она мне не подруга, она просто – сволочь, – пробормотала Марьяна.

– В общем, – продолжал Магомед, не обращая никакого внимания на ее слова, – она помогла мне, и все это время я кантовался у нее. Теперь, конечно, будет ждать вознаграждения за преданность. Но вопрос со мной надо было закрыть окончательно. Поэтому пришлось нам посетить свалку и выбрать подходящего бомжа...

Внезапно Марьяна вспомнила тот странный запах, который ее преследовал при опознании трупа. Точно! Именно этот запах доставал ее на свалке. Значит, там в морге, она в качестве своего мужа опознала какого-то бомжа! Но это значит, что...

– Так вы его, того? – осторожно задала Марьяна вопрос, так и вертевшийся на языке.

– Ну, да, – равнодушно согласился внезапно воскресший муж. – Причем твоя подруга проявила в этом деле большую активность. Наверное, рассчитывала получить побольше.

Марьяна хотела еще раз напомнить, что Светка никакая ей не подруга, но в итоге она устало махнула рукой. В общих чертах ей все стало ясно, а деталей знать не хотелось. Те-

перь пришла пора выяснить планы ожившего супруга. Одно можно сказать точно – она занимала в них не последнее место, если Магомед решил объявиться у нее.

– И что же ты думаешь делать дальше? – голос Марьяны звучал глухо и устало.

– Все ведь досталось тебе?

Она утвердительно кивнула.

– И ты захочешь, чтобы все так и осталось?

Она выжидательно промолчала, а он, как обычно, приняв молчание за согласие, продолжал:

– Тогда, я думаю, мы договоримся. У меня есть паспорт на другое имя и билет в одну из европейских стран. Предлагаю следующий договор – ты мне переводишь туда доход от продажи продукции химического производства, а сама пользуешься всем остальным.

– Ага, – недовольно ответила Марьяна, – я тут занимаюсь всей этой уголовщиной, потом меня сажают, ты остаешься где-то за бугром беленьким и чистеньким, миллионером-рантье, а я провожу остаток жизни в какой-нибудь малопривлекательной для жителя колонии.

– Но ты ведь тоже не остаешься нищей, – холодно напомнил Магомед.

Да, это была сущая правда. На самом деле муж делал ей поистине царский подарок. Она оставалась здесь, богатая и свободная. Правда, под угрозой статьи о производстве и торговле наркотическими средствами. Но, пожалуй, эту проблему можно решить позже, сейчас надо соглашаться. Предложение Магомеда было, на ее взгляд, вполне рационально. Марьяна немного помялась и спросила:

– Скажи, а почему ты предлагаешь это мне, а не кому-то еще, например, Хасану? Мне казалось, он тебе ближе.

– Как тебе сказать, – хмыкнул Магомед. – Я ведь давно продумывал этот ход. Мне надо было хорошо подстраховаться, поэтому у себя в офисе я оставил кое-что для прослушивания... И после этого решил не иметь дела с Хасаном... – Он хотел добавить что-то еще, но неожиданно откуда-то с лестницы раздался голос:

– Вот как?

Марьяна вздрогнула от неожиданности и выронила стопку. Магомед резко обернулся на голос. По лестнице вальяжно спускался объект их обсуждения собственной персоной. Уже открыв рот, чтобы задать вопрос, Марьяна тут же его захлопнула, сообразив, что сама совсем недавно открыла окно в спальне, за что и поплатилась.

– Ты все слышал? – недовольно уточнил Магомед.

– Конечно, – подтвердил Хасан, усаживаясь в кресло напротив бывшего шефа.

Марьяна поняла, что о ней на время забыли, и осторожно попятилась к телефону. Надо сказать, упал он очень удачно – за диван. Она почти не прислушивалась к разговору земляков. К тому же в пылу ссоры они часто переходили на родной язык. Непонятно почему, но Марьяне стало жалко Светку. Ясно как божий день, что Хасан теперь ее пристукнет. Надо предупредить эту неисправимую дуру, которая никак не может обойтись без бесконечных козней. Марьяна осторожно присела за диваном и быстро пробежала пальцами по клавишам.

Гудки... гудки... Наконец в трубке что-то щелкнуло, и Светкин голос произнес: «Я сейчас не могу подойти к телефону. Оставьте свое сообщение после сигнала». Через секунду противный писк возвестил о начале приема:

– Хоть и не стоило этого для тебя делать, – быстрым шепотом выпалила Марьяна в трубку, – но Хасан знает о твоём участии. Принимай меры... – она на мгновение запнулась и закончила: – подруга.

В это последнее слово она постаралась вложить весь спектр тех чувств, которые испытывала к Светке. Она хотела добавить что-нибудь еще, но громкий и резкий хлопок, прервал не только ее слова, но и мысли. Осторожно выглянув из-за дивана, она успела заметить, как Магомед, запрокинув голову, медленно сползает с кресла на пол. По его груди расплывается темно-багровое пятно, а остекленевшие глаза уже видят то, что не дано видеть живым. Только сейчас Марьяна была уверена – Магомед мертв на самом деле. Ее глаза заметались по комнате в поисках Хасана. В последний момент

она скорее почувствовала, чем поняла, он – за спиной. Шкал оказался на месте вовремя.

– Что ты... – заплетающимся от ужаса языком начала Марьяна.

Но так и не успела закончить вопрос. Резкая боль в затылке от удара чем-то тяжелым, искры из глаз и темнота... Хасан поднял с пола трубку, выпавшую из руки Марьяны, и не глядя бросил ее на рычаг. На выстрел вошли несколько его людей. Они вынесли тело бывшего шефа, а потом и Марьяну.

Через несколько минут коттедж был совершенно пуст и безлюден, только несколько небольших пятнышек на светлой коже кресла могли рассказать знающему человеку о том, что здесь произошло. Возможно, Хасан не заметил их или посчитал, что это уже неважно.

Как все азартные люди, на пути к своей цели он не признавал никаких тормозов. А до цели оставалось только протянуть руку и схватить мертвой хваткой то, что он считал принадлежавшим ему всегда. Мертвым нечего делать среди живых, тем более если их наследство уже принадлежит другому. Хасан и дальше все распланировал с завидной точностью и не позволит, чтобы дорогу к цели ему перегораживал хоть кто-нибудь. Будь ты хоть мертвец, хозяин или бывший друг. Когда он нажимал на спусковой крючок, то еще не ощущал этого все заполняющего чувства победы, а всего лишь убирал с дороги очередное препятствие. Ощущение победы пришло потом, когда Хасан увидел у своих ног поверженного врага. Да, потом Магомед стал его самым главным врагом, потому что только он мог представлять реальную и серьезную опасность.

Победа слишком плотно застилала ему глаза. Он был как пьяный от нежданно свалившейся на него удачи. А это бесспорная удача, которой Хасан был обязан исключительно себе. Одному себе и никому больше. Теперь, совсем скоро, он получит все то, о чем так давно мечтал. Громоздкий и, на первый взгляд, неуклюжий, внедорожник мягко и почти беззвучно отъехал от коттеджа, оставляя за собой еще больше загадок, чем было до этого.

Шум воды в ванной заглушал телефонный звонок, поэтому до Светкиного слуха донесся только его заключительный, совсем короткий аккорд. Пока она дошлепала мокрыми ногами до аппарата и подняла трубку, едва успела услышать только какой-то непонятный шум. Дальше пошли короткие гудки. Светка прослушала автоответчик и почувствовала, как вначале мелко затряслись руки, потом к этому добавилась еще и дрожь в коленках. Это было не от холода. Все складывалось так, как предсказывала старуха. Задумавшись, она замерла у телефона.

Хасан убьет ее – это совершенно очевидно. Сегодня, через неделю, через месяц – не важно. Теперь это дело времени. Сделав ставку не на того человека, она окончательно обрубилась себе все концы. Светка сильно сомневалась, что старая карга сможет ей помочь в подобной ситуации. Да и захочет ли? Как обычно, придется выпутываться в одиночку. Но каким образом?

Самый очевидный ответ лежал прямо на поверхности – сматываться отсюда, как можно быстрее и дальше. Тогда, возможно, Хасан не найдет ее. Не потому, что это так сложно, просто ему будет лень тратить время на такую мелочь, как она. Светка сохранила почти все деньги, полученные от Марьяны. Теперь только они могут помочь ей. Отданные за гибель одного человека, они просто обязаны помочь другому, более достойному.

Она подняла голову, встретившись взглядом со своим отражением в зеркале, и поморщилась. Себя Светка ненавидела тоже. Куда она может податься с эдакой рожей? Широкое плоское лицо, жидкие осветленные патлы, плотная бесформенная фигура. Свининой на рынке торговать с такой внешностью! И все-таки умирать не хотелось, даже с таким обликом. Она вздохнула и снова задумчиво посмотрела в зеркало. Но теперь она видела там не свое малопривлекательное отражение, а отталкивающее лицо старой ведьмы. Внезапно ей показалось, что оно презрительно ухмыляется. И Светке стало страшно. До нее стал доходить весь ужас того, что она наделала за последнее время, скольким людям принесла вред своей неудержимой ненавистью и дикой

злостью на весь мир. Ей стало страшно так, как не было никогда.

По спине побежали липкие ручейки холодного пота. Если Хасан убьет ее прямо сейчас, она ведь отправится напрямик в ад. Всю свою нелепую жизнь Светка была атеисткой. Она и в церковь-то никогда не ходила. Нечего ей было там делать, но откуда могли взяться такие странные мысли? Тяжело вздыхая, Светка поплелась в комнату и грузно опустилась в кресло. «Нет! – твердо сказала она себе. – Ада нет и быть не может. Надо спасти свою жизнь, наплевав на все». Светка уже почти решила действовать по такому плану, но неожиданно опять вспомнила старуху. Вывод пришел внезапным ударом молнии.

Старая карга – это же ее собственное будущее! Через много лет она точно так же будет сидеть одна в какой-нибудь темной и мрачной конуре, ненавидеть всех окружающих и призывать на их головы все возможные проклятья, только потому, что не сложилась жизнь у нее самой! Пока молода и здорова, она еще поработает, а потом ее, как ненужный хлам, выбросят на помойку жизни очередные хозяева и, главное – правильно сделают. Долг платежом красен. Всю жизнь Светка люто ненавидела всех, кто хоть в чем-то превосходил ее, а таких всегда было большинство. Теперь стало ясно, что весь этот громадный ком ненависти неизбежно вернется к ней сторицею и поглотит ее.

Светка не хотела и страшилась такого будущего. Уж лучше смерть. Смерть? А ад? Она задумалась – ведь если есть такие ведьмы, как эта бабка, значит, есть и то, что их породило? Теперь Светка была полностью уверена в том, что старуха в скором времени непременно попадет в ад, где они и встретятся. Что она может сделать, чтобы этого не случилось? Должно же быть хоть какое-то приемлемое решение всего этого. Оно где-то близко, совсем рядом, она чувствует это. Сейчас, еще совсем немного, подумает, и решение придет само собой, из окружающего пространства... Незаметно она заснула прямо в кресле, свернувшись калачиком.

Самое странное, что при всем Светкином неверии, сегодня ей отчего-то вдруг приснилась церковь. Вернее, даже не

церковь, а какой-то очень большой храм, окруженный многочисленными постройками. А Светка как бы летала надо всем этим, внимательно изучая картину с высоты птичьего полета, и чем дольше смотрела, тем больше привлекала ее вся эта благостная жизнь. Как хорошо было ощущать свою полную независимость от каждодневной прозы жизни, не думая о том, что ты будешь сегодня жрать или где взять денег. Она с большим удовольствием размышляла о чем-то духовном и высоком, радостном и светлом.

Светка и сама не заметила, как очутилась внутри храма. Там шла служба, и она совершенно отчетливо слышала очень красивое, какое-то неземное, пение, которое доносилось откуда-то сверху. Присмотревшись, она увидела, что вверху, на небольшом балконе, поют около двух десятков женщин, одетых в черные одежды. «Монашки», – сразу решила про себя Светка. Она медленно плыла вдоль хора, заглядывая в лица женщин. Они все были такие светлые и торжественные, что Светка даже позавидовала. Но теперь это уже была не та черная зависть, которая грызла ее с самого детства. Это было совсем другое чувство. Она не смогла сразу подобрать для него подходящего названия и в задумчивости продолжала всматриваться в лица хористок, не омраченных заботами ни о чем земном. «Пожалуй, именно такая жизнь мне и нужна», – вдруг совершенно неожиданно, даже для самой себя, подумала Светка.

Внезапно, одна из них показалась ей странно знакомой. Лицо монашки было таким же просветленным, как и у всех остальных, но что-то такое... Она подплыла ближе и пригляделась внимательнее. Только тогда Светка поняла, что смотрит она в зеркало. Это лицо со спокойным умиротворенным взглядом было ее лицом!

И решение пришло само собой, такое, какого она совсем не ожидала...

Проснулась Светка очень рано, серый рассвет еще только начинал разгонять ночную тьму. От неудобной позы затекло все тело, и она потянулась, одновременно размышляя о том, что же ее разбудило? Она совершенно не помнила сна. Он полно-

стью растворился в предутреннем тумане, но оставил после себя какое-то очень приятное и светлое чувство. Но ощущения ощущениями, а делать-то что? Светка снова прислушалась. Какой-то гул наполнял комнату. Колокольный звон!

Прожив довольно долго в этой квартире, она никогда его не слышала. Или не хотела слышать? Тогда ей было это не нужно. Теперь звон словно подсказал правильное решение, и Светка знала это совершенно точно, потому что возникло оно из ничего, из окружающего пространства, может быть, из сна, как знамение свыше. Поднимаясь с кресла, она теперь уже знала, что нужно делать. Это действительно решит все проблемы. На какой-то миг колокольный звон в ушах Светки превратился в прекрасное пение женского хора, возносящееся под высокий купол храма. Но этот момент был так короток, что она даже не смогла его как следует осмыслить...

Через час старый, раздолбанный автобус, кряхтя и постанывая, увозил ее прочь из города. Глядя в грязное заднее стекло, Светка навсегда прощалась со своим незавидным прошлым, из которого она не взяла с собой ничего, даже вещей, потому что была уверена – там, куда она сейчас направляется, они ей будут не нужны. Там ее оставят мрачные тени прошлого, и она навсегда забудет старую ведьму. Теперь Светлана очень надеялась, что они не встретятся больше никогда. Ни в этом, ни в другом мире. Ей так хотелось в это верить.

Вскоре Хасан подъехал к Светкиному дому. Его совсем не пугало то, что он собирался сделать, но смутила чуть приоткрытая дверь. Вытащив пистолет, он тихо вошел в комнату. Никого. «Сбежала, сука», – со злостью пробормотал он, сплевывая на пол. Рывком Хасан открыл дверцы шкафа – вещи аккуратно висели на плечиках. Это его удивило еще больше. Не тот человек Светка, чтобы оставлять все дыде. Она за копейку удавится! Чем больше он углублялся в изучение опустевшей квартиры, тем больше крепло ощущение, что его опередили. Он не поленился даже открыть окно и выглянуть наружу. Никого. «Так ей и надо, – злорадно решил Хасан. – Мне же лучше. Пачкаться лишний раз не придется».

Для окончательного успокоения он зашел на кухню. В углу стояло полное мусорное ведро. Что-то в нем показалось странным. Он подошел ближе и обомлел. Оно было до краев наполнено изорванными и смятыми стодолларовыми купюрами. С некоторой опаской Хасан толкнул ведро ногой. Оно с грохотом покатилося, теряя начинку. Подталкиваемое, оно продолжало кататься, и вскоре весь пол маленькой кухни был сплошь усыпан обрывками зеленоватой американской валюты. Почему тот, кто замочил Светку, так поступил с деньгами? Что-то здесь не так.

Размышления заняли немного времени. Придя к выводу, что это его совершенно не касается, Хасан сгреб мятые доллары и рассовал их по карманам. Сейчас он вернется в машину и рассмотрит их повнимательнее. Те, которые еще можно использовать, конечно, оставит себе. Зачем пропадать добру? Ясно, от Светки кто-то отделался, значит, и он тоже отомщен. Теперь можно заняться более важными делами. Даже не потрудившись закрыть дверь, Хасан вышел из квартиры. Образовавшийся сквозняк резко захлопнул дверь прямо за его спиной. Это прозвучало как неожиданный выстрел, и Хасан вздрогнул. Не оборачиваясь, он решительно сбежал по лестнице, ощущая спиной какое-то смутное беспокойство. Перед глазами на мгновение мелькнуло лицо Магомеда. Но только на мгновение. Муки совести были совершенно неведомы Хасану.

В машине он быстро пересмотрел деньги, отобрал из них целые. Таких, к сожалению, набралось немного. Кто-то очень тщательно поработал над уничтожением американских «рублей». Чертыхаясь под нос, Хасан резко взял с места и повернул к выезду из города. По пути он отделался от испорченных денег, попросту выбросив их в окно. Теперь надо подумать, как поступить с этой дрянью – Марьяной. Он приказал своим людям вывезти ее на заводик. Там никто не будет трепать лишнего. Вот на ней он сейчас и проверит действенность нового препарата, а потом эта сучка станет делать все, что он захочет и как он захочет. Теперь его уже никто не опередит. Он остался единственным игроком, к тому же имеющим на руках все козыри.

Иванов, зная, что Денис в Москве, на работу не очень спешил. На предоставленном ему далеко не шикарном «фольксвагене» он неторопливо совершал приятную утреннюю прогулку. Сегодня он здесь за главного. «Факир на час», – недовольно пробормотал Олег. Интересно, почему ему так не везет в жизни? Что он не так делает? Чего ему не хватает? Даже Марьяна предпочла ему, интеллигентному и образованному человеку, научному работнику с европейским лоском, какого-то примитивного уголовника. Размышляя над этой неразрешимой проблемой, он накручивал себя все больше и больше. В итоге так задумался, что чуть не наткнулся на выезжающий с территории завода джип, успев заметить его только в самый последний момент. Машина точно была не Дениса.

Нехорошее предчувствие шевельнулось в районе солнечного сплетения. Олег никогда не был храброго десятка, и ему совсем не светило оказаться один на один с какими-нибудь заезжими бандюгами. У него ведь не было даже пистолета! Да и зачем ему пистолет, если все равно не умеет и не сможет им воспользоваться? Подъехав к КПП, Иванов, очень стараясь, чтобы его голос не дрожал, а звучал солидно и весомо, спросил у дежурного, кто только что выехал с территории. Оказалось, это люди Хасана. Олег вздохнул. От них он тоже не ждал ничего хорошего. Черт дернул Дениса уехать именно сегодня, когда возникли какие-то проблемы!

Денис, в представлении Иванова, тоже был далеко не подарком, та же самая уголовная братия, которая стреляет без предупреждения и использует в обиходе не более ста двухсот заветных слов, но он хотя бы был русским! От волнения Олег совсем забыл известный афоризм: преступность не имеет национальности. И, в случае чего, ему с Денисом было бы ничуть не легче, чем с бандитами Хасана.

Иванов осторожно заглянул в офис. Так и есть! За столом, водрузив ноги на стол, развалился какой-то нахальный абрек. Он беспардонно курил, стряхивая пепел прямо на пол. Напряженно кашлянув, Олег, с максимально доступным ему в данной ситуации достоинством, произнес:

– Э-э, молодой человек, вы сидите на моем месте, – он очень надеялся, что прозвучало это должным образом.

– Правда? – с сильным акцентом спросил тот. – А где Денис?

– Его сегодня не будет, – Иванов осторожно, маленькими шажками, приближался к столу, внутренне ожидая, что в любой момент этот бандит его пристрелит.

– Это хорошо, – неожиданно миролюбиво произнес незванный гость.

– Так вы... это, завтра приходите, – попытался осторожно намекнуть Олег.

– Да он мне не нужен, я Хасана жду, – радостно сообщило дитя гор и добродушно ухмыльнулось: – Он сейчас приедет.

Так! Для полноты картины здесь только этого гада не хватало! Пока химик, борясь с животными приступами страха, соображал, как бы ему максимально безопасно для себя выводить незваных гостей, дверь за его спиной открылась. Иванов вжал голову в плечи и затравленно оглянулся. На пороге, собственной персоной, стоял Хасан. Посмотрев сквозь Олега, он на своем языке что-то сказал соотечественнику. Это подействовало на Иванова отрезвляюще. Ненависть подняла голову, слегка умерив страх. Переговорив пару минут с земляком, Хасан, наконец, соизволил обратить взгляд на Олега. Высокомерно прищурившись, он сквозь зубы выплюнул только одно слово:

– Колеса.

– Зачем вам? – Иванов аж обмер от собственной смелости.

– Не твое собачье дело...

– Без начальника я не могу, а он будет только завтра, – пробормотал Олег, втайне надеясь, что эта парочка решит дожидаться Дениса. Пусть сами потом разбираются между собой. Они вполне стоят друг друга.

– Слушай, ты, – голос Хасана теперь зазвучал угрожающе ласково, – мне нужно всего несколько штук, но прямо сейчас. А с твоим хозяином я завтра договорюсь. Понял?

Олег понял одно, Хасан то ли побаивается самого Дениса, то ли его московскую компанию, что в данном случае не

имело принципиального значения. Вывод был один – Хасан вряд ли захочет с ними ссориться. Значит, есть шанс выйти сухим из воды.

– Хорошо, – быстро согласился Иванов, – Я сейчас принесу. Но только одну-две штуки, не больше, они все у шефа на строжайшем учете, и за недостачу я буду отвечать головой.

– Идет, – махнул рукой Хасан. Он всегда был готов отвечать чужой головой. – Мне больше и не надо, но, – добавил с угрозой, – смотри, ничего не перепутай.

Иванов, прихватив по пути респиратор, отправился вниз, где работали трудолюбивые корейцы или китайцы, черт их разберет. Уже около самой двери с кодовым замком до слуха Олега донеслись едва слышные крики. Он прислушался. Кажется, крики доносились из подвала. Подойдя ближе, он с изумлением узнал голос Марьяны. Подергал дверь – закрыто.

– Марьяна, что ты там делаешь? – стараясь говорить как можно тише, с опаской спросил Иванов.

– Олег, это ты? – в ее голосе слышалась откровенная радость.

«Всегда бы так радовалась моему приходу, – недовольно подумал химик, – А то как в койку – так с другими, а как помочь, так – ко мне». Но он, конечно, не произнес этого вслух, а только подтвердил:

– Да, я.

– Меня тут люди Хасана похитили, к стулу привязали... Ты бы выпустил меня, а? – заискивающе попросила Марьяна.

– Не могу, они сейчас здесь, а дверь закрыта.

– Олег, будь человеком, придумай что-нибудь, а то они меня ведь и прикончить могут! – ныла из-за двери Марьяна.

– Ладно, – успокоил ее Иванов, – попробую.

Он вернулся к двери с кодовым замком. Теперь ему стало ясно, для чего Хасану понадобились таблетки. Только Марьяна пока ни о чем не догадывалась. Несмотря на то что она выбрала другого, Олег по-прежнему неплохо к ней относился, и ему совершенно не хотелось, чтобы уже завтра она стала неизлечимой наркоманкой.

Отобрав в цеху две таблетки, Иванов прихватил еще несколько пакетиков с химикатами. Решение пришло как-то

само собой. Олег очень надеялся, что его исполнение тоже не вызовет особых осложнений. Хотя он никогда не делал ничего подобного, в сложившейся ситуации ему будет даже приятно сделать это.

В жизни даже самого большого труса иногда наступают этикие звездные часы, которые он потом вспоминает с гордостью. Поступки эти, как правило, предварительно просчитываются, чтобы полностью исключить даже самый незначительный риск. В этом случае осознание собственного величия на фоне героического поступка кажется особенно сладостным.

Но у Олега риск был, причем немалый. Хотя он тоже тщательно просчитал все возможные варианты, но как минимум в трех случаях опасность жизни оставалась, хотя вероятность этого была достаточно мала. А возможность предстать в глазах прекрасной Марьяны в роли единственного спасителя в абсолютно безвыходной ситуации покрывала его действия таким романтическим ореолом, что сердце Олега сладостно сжималось от предвкушения грядущей победы, которая, как он хотел надеяться, окажется двойной.

Только где-то в самой глубине его заячьей души тревожный маячок продолжал безостановочно подавать сигналы опасности. Усилием воли Иванов отключил его и решительно шагнул на лестницу.

ГЛАВА 13

Дверь открылась, и в проеме показались два силуэта. Сердце Марьяны сразу закувыркалось где-то в горле, вызывая спазмы и мешая дышать. В отчаянии она попыталась еще раз подергаться, чтобы ослабить веревки, но прикрутили ее на совесть. От сильных рывков еще больше разболелась голова и так ноющая после удара пистолетом.

Не спеша вошли Хасан с напарником и сразу же закрыли дверь. Щелкнул выключатель. Тусклый свет заполнил тесное помещение. У Марьяны мелькнула страшная мысль – Олег предал ее и пересказал их разговор. Теперь придется расплачиваться по полной программе еще и за это. Только сейчас

ей предоставилась возможность немного осмотреться. Когда люди Хасана волокли ее сюда, они что-то накинули на голову, поэтому она вообще не имела представления, где находится.

Единственным моментом, который хоть как-то утешал, было наличие поблизости Олега. Может быть, он все-таки ничего не сказал и сумеет ей помочь? Марьяна заморгала, привыкая к свету. Она находилась в маленькой вроде бы подвальной комнатке без окон. Кроме стула, к которому была привязана, там еще находились допотопный стол и несколько убогих канторских стульев.

Второй бандит пристроился на одном из них, зачем-то выставив на стол бутылку с водой, а сам Хасан подошел к Марьяне так близко, что ей пришлось задрать голову, чтобы видеть его лицо. Для начала он выдержал театральную паузу. Про себя Марьяна подумала, что это совершенно лишнее, ощущать себя хуже, чем сейчас, было уже просто невозможно. Наконец, вдоволь потешив самолюбие, Хасан соизволил заговорить. Первый вопрос был без изысков и совершенно банален:

– Боишься?

– Нет, наслаждаюсь, – процедила Марьяна сквозь зубы.

– Тут одна твоя бывшая подруга недавно поделилась со мной одной маленькой тайной, – осклабился Хасан и злорадно добавил: – Твоей тайной.

Марьяна подняла брови в немом вопросе.

– Не догадываешься? – продолжал издеваться Хасан. Упорное молчание и небрежное пожатие плеч только еще больше его разозлило, и он поспешил уточнить. – Колеса-то глотаешь?

Марьяна почувствовала, как на голове у нее зашевелились волосы, кровь вполне ощутимо застыла в жилах, а сердце пропустило несколько ударов. Хасан ухмыльнулся:

– Судя по перекошенной роже, правда. Но то были еще цветочки. Сейчас я угощу тебя ягодками – новейшим изобретением господина Иванова. Ты же хочешь этого, правда, лапочка?

Марьяна в ответ отрицательно замотала головой, почти теряя сознание от дикой боли в затылке.

– Не хочешь? – как бы разочарованно уточнил Хасан и тут же сам себе ответил: – Но придется. Заодно проверю на таком хорошеньком подопытном кролике, не обманул ли нас этот русский иностранец, шакал паршивый.

Она следила за ним расширившимися от ужаса глазами. Хасан продуманно медленно сунул руку в карман, достал оттуда две таблетки. В этот момент Марьяна пожалела, что Денис успел поймать ее на самом краю крыши. Изю всех сил сцепив зубы, она молча уставилась в грязный бетонный пол. Она ни за что не выпьет это.

– Давай, глотай, – почти ласково предложил Хасан. – Тебе же лучше будет. Сегодня выпьешь, а завтра выйдешь отсюда, совсем свободной будешь!

Марьяна продолжала упорно смотреть в пол. Повидимому, терпение никогда не было определяющей чертой характера Хасана. Не прождав и минуты, он рывкнул что было мочи:

– Открой рот, ты, сука!

Снова не дождавшись эффекта, он кивком подозвал помощника и приказал:

– Держи ее!

Цепкие пальцы обхватили Марьяну за голову, одновременно запрокидывая назад. А Хасан зажал нос, перекрывая доступ воздуха. Марьяна почти сразу почувствовала, что ей нечем дышать. Перед глазами запрыгали цветные пятна. Сейчас она предпочла бы задохнуться, но инстинкт оказался сильнее. Открыв рот, она постаралась вдохнуть, как можно быстрее, но номер не прошел. Хасан сразу же забросил ей в горло обе таблетки и плотно зажал ладонью рот. Через минуту общими усилиями они влили Марьяне в рот воду. Кашляя и задыхаясь, она была вынуждена проглотить страшное зелье.

– Теперь балдей, лапочка, – почти ласково напутствовал ее Хасан и, выходя из комнаты, щелкнул выключателем.

Свет погас, в замке повернулся ключ. Марьяна осталась один на один со своими мыслями. Теперь все кончено, решила она, пути назад нет. У нее не хватит сил еще раз прой-

ти через такое. Головная боль стала медленно отступать, следом накатила полная апатия и безразличие ко всему на свете. Она закрыла глаза...

В офисе Иванов разогрел чайник и даже достал из стола бутылку водки. Хасан с напарником вернулись вполне довольные сделанной работой и были слегка удивлены такой теплой встречей. Приказав Олегу сидеть и не высовываться, они ожидали обиды, раздражения, но этот интеллигентишка оказался настолько труслив, что даже такое откровенное пренебрежение только еще больше заставило его почитать хозяина.

– Я, пожалуй, с утра пить не буду. Так что чайку хватит, – лениво протянул Хасан. Второй с ним молча согласился.

– Сию минуту, – торопливо пробормотал Олег, доставая чашки. – Сколько сахара?

Иванову было невообразимо стыдно. Он вел себя как последний подобострастный лакей из дешевого захудалого трактира. И только ненависть, постоянно мерцавшая где-то в глубине души, еще напоминала о почти испарившемся человеческом достоинстве.

Он суетливо выполнил пожелания Хасана – две ложки и одну – его напарнику. Сам пил без сахара, заискивающим тоном объяснив, что, мол, имеет склонность к диабету. Вскоре Хасан с напарником, довольные жизнью и оказанным приемом, отбыли, предупредив, что к вечеру приедут еще, но Олег не должен проявлять излишнего любопытства и спустаться в подвал, не то очень и очень об этом пожалеет.

От избытка верноподданнических чувств химик даже вышел их проводить до пропускного пункта. Посмотрев вслед удаляющейся машине странным взглядом, он неторопливо побрел назад. Было ясно, что Хасан забрал на проходной оба ключа от подвала, поэтому ему предстоит ломать замок. Олег знал, что тут уж он точно не специалист. Вернувшись в офис, он поспешно выбросил в туалет пакет с остатками сахарного песка. На всякий случай, чтобы больше никто им случайно не воспользовался.

А потом начал мучительно вспоминать, где он мог видеть или читать, как люди поступают с замками, если у них нет ключа. Перед глазами постоянно всплывала одна и та же картина – здоровенный мужик в камуфляже вышибает дверь одним профессиональным ударом ноги. Но он, Олег, на такое не способен. Да и сил у него вряд ли хватит.

Несмотря на бессонную ночь, Хасан возвращался в город в приподнятом настроении. Теперь эта баба со всеми своими потрохами полностью принадлежит ему. К вечеру она дойдет до соответствующей кондиции и встретит его как родного, окончательно забыв про свое высокомерие. Этот паршивый интеллигентик такой трус, что и близко не подойдет к комнате, обмочится еще по пути. Кажется, они хорошо запугали замухрика. К тому же это было совсем не трудно, более трусливыми бывают только зайцы.

Неожиданно Хасан почувствовал легкое головокружение, на которое вначале не обратил внимания, решив, что сказывается бессонная ночь. Однако головокружение постепенно начинало усиливаться. Мелкие темные точки, прыгающие перед глазами, стали превращаться в пятна, которые, постепенно расширяясь, захватывали все пространство вокруг, мешали смотреть на дорогу и вести машину.

Внезапно руки онемели так сильно, что стало трудно держать руль. Хасан почувствовал, как громоздкий джип заносит. Словно сквозь вату, донесся предостерегающий гортанный крик. Но он так и не смог разглядеть дорогу. Перед глазами почему-то снова и снова возникало довольное лицо Магомеда. Казалось, он ждет Хасана и хочет ему что-то сказать, наверное, очень важное... А последняя мысль, мелькнувшая в голове, относилась уже к совершенно другому человеку, тихому и забитому, которого он и за человека-то не считал. Но, оказывается, при определенных условиях, даже они могут быть смертельно опасны: «Отравил, падла!»

Резкая боль взрывом внезапно разорвала мозг. Где-то там, внутри, оторвался тромб, который по венам доплыл до мозга и наглухо закупорил какой-то жизненно важный сосуд. Хасан уже не видел и не чувствовал, как джип скатывается с

насыпи и на всем ходу врежется в дерево, не слышал предсмертного крика напарника и последовавшего взрыва. Ему было уже все равно.

Если бы врачи производили вскрытие искореженных и обгоревших тел, то установили бы у обоих странное для такого возраста заболевание – обширный тромбофлебит. Причем в значительно большей степени он проявился у Хасана, который любил более сладкий чай. Впрочем, вскрытия никто не делал. Да и кому оно нужно? Картина и так была слишком очевидна. Очередное ДТП со смертельным исходом, каких сотни, а может, даже тысячи, ежедневно происходят на наших дорогах.

Замок, к счастью для Олега, оказался несложным. Когда он вошел в комнатенку и щелкнул выключателем, Марьяна содрогнулась всем телом и, моргая, уставилась на него совершенно ошалелым взглядом. Она никак не могла понять, почему у нее всего лишь перестала болеть голова? Неужели он так сильно задурил всем голову своим ноу-хау? Но ведь этого не может быть!

– Это был всего лишь анальгин. Он случайно завалялся у меня в кармане, – успокоил ее Олег, аккуратно разрезая веревки ножницами, которые он прихватил из офиса.

– Господи, – пробормотала Марьяна. – Хорошо-то как. – Но сразу же вздрогнула и вопросительно посмотрела на Иванова: – Они скоро вернутся?

– Вряд ли, – пожав плечами, загадочно отозвался химик.

Он помог Марьяне добраться до офиса, нежно придерживая ее за талию, и налил горячего несладкого чая. А она в благодарность за свое чудесное спасение, поделилась последними новостями, самой потрясающей из которых оказалось внезапное воскрешение Магомеда, которое, правда, столь же внезапно оборвалось очередной трагической кончиной. Марьяна боялась возвращаться домой. Вдруг ее там ждет Хасан с компанией головорезов? Олег тоже не жаждал встречи с ними, даже и без главаря, но пока об этом знал только он. Кто может знать их непредсказуемую душу? Восток – дело тонкое.

Марьяне первой пришла в голову мысль позвонить домой. После первого же гудка трубку снял Денис и сразу огорошил ее двумя вопросами:

– Ты где? – И сразу же без паузы: – Что случилось?

– Я сейчас приеду и все расскажу, – торжествующе сообщила Марьяна. Слава богу, теперь можно вернуться.

Когда она, в компании Иванова, радостно вошла в гостиную, там, в клубах табачного дыма, которому не помогали выветриться даже открытые окна, их встретил Денис и еще трое здоровенных парней угрюмого вида.

– Давайте, выкладывайте, – сразу же приступил к допросу Денис.

– Да... но... – замялась Марьяна и огляделась по сторонам. Этим она давала понять, что ей совсем не хочется вдаваться в детали при посторонних.

– Вообще-то, я их привез для твоей охраны, – хмыкнул он, – но, кажется, уже опоздал.

– Ну... может, они еще пригодятся? Ведь Хасан... – она замялась.

– Хасан? – переспросил Денис. – Так вы не знаете?

Иванов и Марьяна синхронно покачали головами, правда, глаза Олега при этом как-то странно бегали, но, кажется, в гуще происходящих событий этого никто не заметил.

– Он еще утром разбился на машине с одним из своих людей. Совсем недалеко от города, – Денис внимательно смотрел на их удивленные физиономии. Даже если он и сделал для себя какие-то выводы, то оглашать их не стал.

После этого последовал такой же синхронный вздох облегчения, и Марьяна сразу поспешила представить Иванова с наилучшей стороны, как своего благородного спасителя. А когда все уже уходило, Олег на пороге обернулся и с такой тоской посмотрел на Марьяну, что у нее сжалось сердце. Когда за ними закрылась дверь, она почувствовала себя просто предательницей.

Марьяне не составило большого труда собрать воедино кусочки разрозненной цепи событий, слишком уж много там было подозрительных совпадений. Но каков Олег! Признаться, она не ожидала от него такой прыти. Мысленно предста-

вив себя на его месте, она просто растерялась, но честно призналась самой себе, что вряд ли смогла бы решиться на подобный шаг. Конечно, с уходом в мир иной Хасана и его холуя человечество вряд ли что-нибудь потеряло, и все-таки в глубине души Марьяне было немного не по себе. А как же Олег? Человек рисковал жизнью, а она кроме элементарной благодарности ну ничегошеньки к нему не испытывает.

Окончательно запутавшись в этических проблемах, Марьяна не пришла ни к какому определенному выводу и решила поделиться своей историей с Денисом. Он был далек от интеллигентских изысков и излишней мнительностью по поводу морали не страдал. Марьяна жива, и это основное, но сейчас ей требовалось хотя бы формальное отпущение грехов, даже чужих, но сделанных из-за нее. Боковым зрением она оглядела Дениса. Прямо скажем, на священника он ну никак не тянул, и все-таки...

С тяжелым вздохом Марьяна рассказала ему все – и о внезапном появлении Магомеда и его убийстве Хасаном. Правда, потом из ее повествования выпал целый кусок, в связи с ударом по голове. О своем сидении в подвале и ложных наркотиках, которыми накормил Хасан. Денис ее почти не перебивал, изредка задавая короткие уточняющие вопросы. Свое предположение по поводу вклада Олега в смерть Хасана Марьяна оставила при себе. Даже если она права и Иванов имел какое-то отношение к аварии, то сделал он это из лучших и даже, можно сказать, благородных побуждений. Ее размышления внезапно прервал Денис. Вопрос прозвучал так, словно он прочитал ее мысли:

– Как ты думаешь, Олег имеет отношение к смерти Хасана?

– Нет, – с вызовом ответила Марьяна. Он в это время спасал меня, а потом отпаивал чаем в офисе.

– Да, наверное, ты права, он, действительно, не может иметь к этому отношения. В конце концов, химик – не боевик, – с легким смешком проговорил Денис, закрывая тему. – Но несмотря на то что бояться тебе вроде бы нечего, пока одна никуда не ходи. Только с моими ребятами. Они будут по очереди дежурить здесь. Обещаешь? Вообще ты

обладаешь феноменальной способностью попадать в самые невероятные ситуации.

– Ладно, – со вздохом согласилась Марьяна и закрыла глаза.

Теперь, когда все самое страшное позади, можно отдохнуть и расслабиться.

– Да, кстати, пока не забыл, – прервал процесс Денис. – Ты поедешь в Москву знакомиться с партнерами или тебя это уже не волнует?

Сон как рукой сняло.

– Еще как поеду, не надейся, что все отдам в твои загребущие руки, – невнятно пробормотала Марьяна в подушку заплетающимся языком.

Внезапно у нее возникла мысль – тщательно собрать информацию на всю эту шайку, а потом сдать их кому следует. Только надо решить, как поступить с Денисом. Почему-то ей теперь совершенно не хотелось отправлять его за решетку, но она подумает об этом позже, когда хорошенько выпит-ся.

– Тогда готовься, на следующей неделе будешь там всех очаровывать, – не давал ей заснуть объект нелегких, но приятных размышлений.

– Всегда готова, – это были последние слова, которые с трудом удалось разобрать Денису. Дальше послышалось ровное сопенье мирно спящего человека.

На самом деле, Марьяна не хотела засыпать. Она боялась снова очутиться в жутковатом доме, встретиться со старой ведьмой и выслушивать ее то ли просьбы, то ли приказы. Внезапно на ум пришел виденный еще в школе фильм ужасов про Фредди Крюгера. Он тоже обделывал свои темные делишки, пробираясь в сны своих жертв, но умирали-то они наяву! Марьяна почувствовала, как холод пробирает ее до костей. Вдруг таинственной старухи так же, как и того уродца, вообще не существует на свете. Она живет только в ночных видениях, методично уничтожая тех, кому снится, и вот сейчас пришла ее, Марьяны, очередь...

Придя к такому зловещему выводу, она еще какое-то время старалась упорно сопротивляться наплывающему туману.

Но Марьяна слишком устала, чтобы долго выдержать эту неравную борьбу. Вскоре она сдалась и почти сразу услышала над ухом:

– Ты упрямая, очень упрямая девочка. Нельзя так себя вести, особенно, если тебе предлагается так много...

– Я не просила об этом, – угрюмо пробормотала Марьяна.

– А ты попроси, – задушевно и мягко, в несвойственной ей манере предложила старуха. – И сразу же все получишь!

– Почему бы тебе не предложить все эти радости жизни кому-нибудь другому? Вдруг он примет их с распростертыми объятиями? – Марьяна с радостью уцепилась за эту внезапно пришедшую идею, но не тут-то было.

– Некому, – спокойно сообщила старая ведьма. – Только ты этого достойна.

– Но я не хочу! – Марьяна постаралась вложить в это предложение всю энергию своего отказа.

– Ничего, скоро ты придешь ко мне. Сама придешь. Никуда не денешься, – старуха, видимо, решила не замечать ничего, что противоречит ее мнению, и самоуверенно ухмыльнулась...

Перед самой поездкой в Москву Денис неожиданно предложил Олегу прихватить его с собой и подвезти прямо до «Шереметьево». Выпуск продукции к этому времени был окончательно налажен. Иванов выполнил все, для чего его приглашали. На кредитной карточке химика была заветная цифра с шестью нулями, конечно, в свободно конвертируемой валюте. Поэтому он с радостью согласился. Давно пора отчаливать домой. Олег отдавал себе отчет, что в отношениях с Марьяной шансов у него нет, не стоит попусту тратить время. Лучше быстрее покинуть эту страшную и ставшую теперь совершенно непонятной страну, вернуться к себе в тихий, предсказуемый Люксембург, где все можно распланировать хоть на тридцать лет вперед. Там он заведет красивую кошку какой-нибудь редкой породы, непременно женится на дочке местного аристократа, и все у него будет хорошо.

Через много лет, может быть, удастся, наконец, забыть этих варваров, лица которых на фоне горящей машины снят-

ся ему теперь каждую ночь. Иванов не назвал бы это муками совести. Они их не заслуживали. Просто он никак не мог отделаться от неприятных воспоминаний. Он ведь на самом деле ученый, а не убийца. Думая так, Олег не знал, что подобное предположение высказал недавно другой человек. Только сделал он это исключительно для Марьяны. Сам же при этом думал иначе. Совершенно иначе.

Из-за самолета, который вылетал утром, Денис с Олегом уехали очень рано, Иванову еще нужно было заехать в банк и перевести деньги в Люксембург. Никто не знал, сколько эта процедура может занять времени, хотя Денис и успокаивал его, что данное кредитное учреждение подконтрольно их организации. Марьяна, как солидная бизнесвумен, в сопровождении джипа с охраной отправилась в Москву на любимом красном «рено». Они договорились встретиться с Денисом прямо в клубе «Розовый фламинго», где и должно было состояться знакомство с партнерами.

Ну вот, наконец-то, к удовольствию Олега, все завершилось. Удовлетворенный химик бодро катил чемодан по залу. Вот и паспортный контроль. Перед тем как отдать документы, Иванов, снова ставший господином Иванофф, напоследок оглянулся и увидел через стекло Дениса, который, махнув на прощанье рукой, направился к выходу. Это отвлекло химика всего на мгновение.

– Ваш паспорт, пожалуйста, – услышал Олег и вздрогнул от неожиданности.

– Да-да, – он торопливо протянул документы.

Пограничник привычно скользнул по ним равнодушным взглядом. Быстро пробежал пальцами по клавиатуре компьютера и снова поднял глаза на Иванова. Взгляд его уже не был равнодушным, он стал цепким и холодным.

– Попрошу вас пройти для дополнительного собеседования, – это официальное предложение, сделанное негромким голосом, для Олега прозвучало грохотом водопада Виктория.

– Это ошибка, вы меня с кем-то путаете, я подданный Люксембурга. Вы не имеете права! – этот стандартный набор слов посыпался из господина Иванофф, как горох.

– Если это ошибка – вам будут принесены соответствующие извинения. А сейчас пройдите, не создавайте очередь, – пограничник уже протянул руку за следующим паспортом.

Олег лихорадочно оглянулся. Дениса уже и след простыл. А прямо позади него стояли два человека в штатском, напроць отрезая все пути к отступлению. Иванофф затравленно огляделся и почувствовал, что его локоть крепко сжимает рука одного из сопровождающих. Химик тяжело вздохнул и понуро поплелся за ними. Бежать ему было некуда.

По пути он отчаянно прокручивал в голове варианты, как можно минимизировать свое участие в организованной преступной группировке. Когда перед Олегом открылась дверь в небольшую служебную комнату, он уже решил для себя, что станет говорить. Его, бедолагу, выманили сюда обманом, запугали, заставили работать на себя под угрозой смерти. Все время пасли, поэтому у него не было никакой возможности что-то предпринять. Опасаясь за свою жизнь, он не очень-то и хотел этого. К тому же можно еще потребовать пригласить посла. Ведь как-никак господин Иванофф – подданный дружого государства.

– Присаживайтесь, гражданин Иванов.

Эти слова почему-то сразу напомнили Олегу тридцать седьмой год, про который он только читал в книгах и смотрел фильмы. Его обуял такой животный ужас, что все умные мысли сразу вылетели из головы, поэтому он так и не смог вспомнить то, что всего минуту назад решил требовать присутствия посла. Он тяжело плюхнулся на стул и осторожно, с опаской поднял глаза на собеседника. Так ничего особенного, человек как человек. Но глаза! Наверное, у всех людей, облеченных властью, такие же жесткие и холодные глаза, решил Олег, чувствуя, как его охватывает дрожь. Она началась где-то в районе солнечного сплетения и сначала была совсем слабой и незаметной, но, постепенно захватывая все большую территорию, безмерно усиливалась. Иванову пришлось даже сунуть руки в карманы, чтобы не было заметно, как они дрожат.

– Если я вам все скажу, вы меня отпустите? – слабым голосом спросил он.

– Вряд ли. Но если вы окажете действенную помощь следствию, то можно будет говорить об экстрадиции. Тогда ближайшие лет двадцать вы проведете в люксембургской тюрьме, – следователь не мигая в упор смотрел на Олега.

Тот занервничал еще больше и опустил глаза. Внезапно Иванову в голову пришла совсем уж безумная мысль. Ведь он сейчас очень состоятельный человек, а все эти представители компетентных органов получают мизерные зарплаты. К тому же почти каждый день по телевизору говорят о коррупции в полиции и остальных подобных службах. Они здесь один на один. Все остальные остались за дверью. Больше такого шанса не представится. Олег набрал в грудь побольше воздуха и выпалил:

– Если вы поможете решить мои проблемы, то я могу помочь вам в решении ваших. Сколько хотите за это?

– Вы предлагаете мне взятку? – на всякий случай уточнил следователь. Вначале он даже засомневался, что правильно понял предложение, настолько дико оно прозвучало в этой обстановке.

– Нет, ну что вы, – Иванов вымученно улыбнулся побелевшими губами. Даже при своих минимальных познаниях в области уголовной юриспруденции, он знал, что дача взятки должностному лицу, да еще при исполнении, тоже карается законом. – О чем вы говорите? Это просто предложение о взаимопомощи. Люди ведь должны помогать друг другу...

– Ну что ж, – протянул следователь. – Тогда я вас очень расстрою. Денег у вас нет. Вы, господин Иванов, бедны как церковная мышь. Все ваши счета арестованы еще здесь. Они не успели уйти за границу.

Пол под Олегом закачался, он начал хватать ртом воздух. Это был конец. Конец всему. Всей его жизни. Даже если он выйдет отсюда, что ему делать дальше? Теперь у него ничего нет и, наверное, уже никогда не будет. Какое страшное слово – «никогда». Он никогда не будет богатым человеком, никогда не женится на дочери люксембургского аристократа, никогда не заведет себе кошку редкой породы, которая будет напоминать ему Марьяну...

Выходит, за ними следили. Давно и плотно. Везде, включая даже банк. Они знают все. С него просто начали. Следом

арестуют Дениса. На него-то наплевать, так ему и надо, морде уголовной. Но за ним неизбежно последует Марьяна. Вот ее действительно жалко. Нечего такой красивой женщине делать в тюрьме, а потом в лагере. Обидно, но они даже там не встретятся, ведь лагеря делятся на мужские и женские, да и Россия слишком велика, в отличие от Люксембурга.

– Вы же все знаете, что еще хотите узнать? – тихим бесцветным голосом спросил Олег. – Спрашивайте.

– Очень хорошо, что мы поняли друг друга, – улыбнулся следователь. – Расскажите, что вы знаете о причинах смерти Хасана...

Перед тем как выйти из здания аэропорта, Денис еще раз оглянулся, так, на всякий случай. Он успел увидеть, как Олега уводят в сторону от паспортного контроля двое крепких парней. Теперь надо действовать очень быстро, чтобы все успеть. Нельзя допустить никаких накладок. Слишком дорого это может обойтись. До встречи с Марьяной и всеми остальными в «Розовом фламинго» надо успеть еще многое сделать. Марьяна... При всех ее достоинствах она совершенно непредсказуема.

Теперь одна из основных проблем на ближайшее время – держать ее под жестким контролем, да еще умудриться сделать так, чтобы она ни о чем не догадывалась. Денису было очень неприятно так поступать. Она совершенно не заслужила такого обращения. Но в данном случае для нее будет лучше – ничего не знать. Судя по всему, Марьяна намылилась сдать их всех оптом в компетентные органы. Денис фыркнул и включил зажигание. Слава богу, за ней сейчас присматривают его люди, и вряд ли она сможет что-то предпринять в ближайшее время, а потом будет уже поздно.

ГЛАВА 14

Приехав в Москву, Марьяна не устояла перед тем, чтобы не пробежаться по нескольким знакомым бутикам и слегка обновить гардероб. Сейчас ее не смущало постоянное присутствие сопровождающих. Она даже получала садистское

удовольствие, наблюдая, как здоровенные парни откровенно мучаются, прогуливаясь по магазинам женской одежды и слабо отбиваясь от настойчивых попыток продавщиц впарить им что-нибудь, начиная от невообразимых шляпок и заканчивая туфлями на высоченных каблуках. В итоге Марьяна немного опоздала на встречу.

В клубе царил интимный полумрак. К ней тут же подбежал расторопный официант, чтобы показать дорогу. По мнению Марьяны, «высокие встречающиеся стороны» должны были собраться в каком-то отдельном зале, без лишних свидетелей. Так и оказалось. Денис выдвинул ей стул и слегка осуждающе покачал головой. Марьяне оставалось только виновато пробормотать ему:

– Так получилось. Немного не рассчитала.

Она не очень прислушивалась к переговорам, которые ей были совершенно неинтересны, а больше старалась запоминать имена и лица присутствующих людей, потому что так и не отказалась от идеи сдать их всех куда следует. Прямо около Дениса сидел очень дорого одетый, высокомерный субъект с большим бриллиантом в булавке для галстука, которого Денис и представил как своего начальника. Тот оценивающе осмотрел Марьяну, и она сразу же уловила в его взгляде такое знакомое выражение, хотя давно привыкла к этому, но лишнее напоминание все равно раздражало, живо напоминая о ее недавней жизни. Да пошли они все! Она обиженно поджала губы и отвернулась.

Вскоре ее внимание привлекла единственная, не считая ее, женщина в этом гадюшнике. Марьяна на сто процентов была уверена, что никогда до этого не видела ее, но в то же время что-то подсказывало ей – они уже встречались: немолодая, но хорошо ухоженная женщина: неестественно гладкое лицо выдавало ювелирную кропотливую работу пластического хирурга. Незнакомка тоже время от времени внимательно посматривала на Марьяну. Вспоминала или это всего лишь срабатывает женский инстинкт?

Марьяна снова и снова украдкой посматривала на женщину, силясь вспомнить, но какой-то важный момент все время ускользал от нее, не позволяя замкнуть цепь воспоминаний.

Наконец женщина заговорила. Низкий, холодный голос, такой знакомый... Марьяна вздрогнула и тут же вспомнила: «Ты уже пришла в себя после визита моих ребят?» Такое не забывается, и она будет помнить это до конца жизни. Точно, это тот самый голос. Жена Стаса! Вот это номер! Теперь понятно, на какие доходы молодой супруг содержал Марьяну и ей подобных дур. Только сейчас ситуация кардинально изменилась. Интересно, а Стас тоже где-то здесь крутится?

Кажется мадам уже и не пытается пристроить к делу молодого мужа. Значит, он должен ошиваться с молодежью. Внезапно Марьяна поняла, что хочет увидеть Стаса прямо сейчас. Нет, ни о каких вновь вспыхнувших чувствах и речи не идет, просто захотелось посмотреть на него новым взглядом хозяйки положения.

– Пойду, попудрю носик, – шепнула Марьяна Денису и поднялась.

Когда она уже выходила из зала, боковым зрением увидела, что жена Стаса идет следом за ней. Значит, в отличие от самой Марьяны, она точно где-то ее видела и теперь сразу узнала. «Неужели все еще боится за своего драгоценного?» – злорадно подумала Марьяна, но желание увидеть Стаса как-то сразу пропало. Отвести душу ей хотелось без свидетелей. Теперь, и в самом деле, придется пойти подкраситься. Не успела за Марьяной закрыться дверь, как тут же снова открылась, пропуская ее преследовательницу.

– А ты опять, кажется, неплохо устроилась, – услышала Марьяна змеиное шипение за спиной. – Надо было все-таки кислотой попробовать.

Марьяна вздрогнула, вспомнив один из самых страшных моментов своей жизни. Но когда оглянулась, ее лицо было совершенно безмятежно.

– Каждый устраивается, как может, – мило улыбаясь, ответила она.

– Да уж... – высокомерно пробормотала женщина, испепеляюще поглядывая на бывшую соперницу. Значит, она ничего не забыла и не простила.

Марьяна оставила реплику без комментариев и, отвернувшись к зеркалу, стала подкрашиваться. Жена Стаса,

окинув ее неприязненным взглядом, достала расческу. Свободный рукав платья задрался, высоко оголив руку. В этот момент что-то подсказало Марьяне обернуться. Конечно, ей было совершенно неинтересно смотреть на немолодую, хотя и очень следящую за собой особу. Ее подтолкнуло что-то другое. Женщина резко одернула рукав, но было поздно. Марьяна успела, однако, заметить несколько следов от укусов в районе сгиба локтя. Выходит, что и она – тоже?.. Но, судя по всему, это произошло совсем недавно.

Мысли Марьяны почему-то сразу перескочили на Хасана. Он тоже хотел приучить ее. Тоже? Кто? Стас? Ему надоело быть на побегушках у богатой жены? Возможно. Теперь Марьяне опять захотелось увидеть его. В зеркале она поймала ставший вдруг неуверенным взгляд своей собеседницы. И Марьяна вдруг сказала с сочувствием:

– Не поддавайтесь, боритесь. Это возможно, поверьте мне.

И вышла. Женщина не пошла за ней. Может, ей захотелось в одиночестве обдумать слова бывшей соперницы, а может, наоборот – уколоться. Марьяна пожала плечами. Каждый сам себе хозяин. Что тут поделаешь?

В холле Стаса не было. Решив, что встретиться им – не судьба, Марьяна в полумраке стала пробираться к банкетному залу, легко лавируя среди танцующей молодежи. Она почувствовала его взгляд как-то сразу. Наверное, Стас только сейчас заметил ее. Слегка притормозив, Марьяна аккуратно огляделась. Да, так и есть. Он машет ей рукой из-за столика, за которым уже и так восседают три девицы. Может, пройти мимо, сделав вид, что не замечает его? Но, нет, видно, не зря она оставила красный «рено». Марьяна все-таки подошла к столику, наклонилась и, стараясь перекричать музыку, предложила:

– Пойдем, выйдем.

Стас, улыбаясь, кивнул и пошел за ней в холл.

– Прекрасно выглядишь! – начал он с комплимента.

– Я знаю. Но твоя жена тоже выглядит неплохо... для своих лет, – ехидно парировала Марьяна.

Глаза Стаса сразу превратились в кусочки льда.

– Давно не виделись. А что ты здесь делаешь? – будто не заметив ее намека, с былым дружелюбием продолжал он.

– Да я тут по делу, – Марьяна кивнула в сторону банкетного зала. – Так что мне некогда.

Брови Стаса изумленно полезли вверх. Возможно, он и не знал всех деталей, но прекрасно представлял, какого уровня там сборище.

– Давай я тебе позвоню? Надо бы встретиться. Знаешь, я все это время вспоминал о тебе. Никак не мог забыть. Тогда так нехорошо получилось... Но, ты знаешь, я до сих пор тебя люблю, – Стас заговорил так быстро, что слова наползали друг на друга, как льдины в ледоход. Наверное, он боялся, что она сразу уйдет и они больше не увидятся. А это было не в его правилах – отказываться от богатых женщин, а если она к тому же еще молода и красива...

Альфонс был в нем неистребим, и тогда Марьяна поняла: альфонс – это не профессия и не погоня за жирным куском от бедности и безысходности. Ими не становятся, а рождаются. Ей стало так противно, как бывало в школе, когда бросали за шиворот майского жука или полуживую мокрую лягушку. Она вздрогнула, но тут же взяла себя в руки.

Сейчас перед Стасом была уже не наивная провинциалка, а прошедшая хорошую жизненную школу, красивая и уверенная в себе женщина, к тому же весьма богатая, гораздо богаче, чем даже мог представить себе Стас.

– Правда? – ослепительно улыбнулась Марьяна. – Ах, какая неприятность! Конечно, для тебя, мой дорогой Стас. Знаешь, в последнее время я поняла, что совершенно не люблю альфонсов и мужчин, которые травят своих пожилых жен героином. – И доверительно придвинувшись к нему, прошептала: – Зря ты это делаешь. Ты ведь без нее ноль. Тебе постоянно нужна подпорка, так что придется новую искать. А вдруг другая окажется хуже?

Стас онемел. Все привычно заготовленные слова присохли к языку. Сейчас он столкнулся с совершенно другой Марьяной, и эта другая была неизмеримо сильнее его, а потому так напугала. Он не стал ее удерживать. Эта женщина была уже не для него. И ему, наверное, впервые за всю жизнь стало стыдно, очень стыдно...

Марьяна уже повернулась, чтобы уйти, как вдруг со стороны женского туалета послышался визг. Почему-то она сразу подумала о жене Стаса. Выскочившая из туалета совсем молоденькая девчонка закричала:

– Там женщине плохо!

Марьяна с порога заглянула внутрь. Так и есть. Сейчас полицию вызовут. Какой прекрасный момент – заметут всех. А Дениса?.. Повернувшись, она бегом направилась в банкетный зал и, наклонившись к нему, зашептала:

– Тут за мной женщина выходила, так у нее, кажется, передоз случился. Наверное, сейчас менты приедут.

– Черт! – сквозь зубы ругнулся Денис, а вслух произнес: – Господа, тут внезапно с одной из наших участниц случился сердечный приступ, так что придется перенести нашу встречу на другое время и, может быть, в другое место...

Марьяна была поражена, как быстро все свернулось. Гости моментально испарились, и только некоторые из них перебрались в танцевальный зал. Туда же переместились и Денис с Марьяной. Вскоре приехали «скорая помощь» и полиция, но все прошло почти незаметно для посетителей. Зачем травмировать их нежную психику? Марьяна выглянула в коридор, но сделала это слишком поздно. Она так и не успела понять, выносили ли врачи наркоманку с передозом или уже мертвое тело?

А потом постаралась вычеркнуть из памяти этот неприятный инцидент, и они превосходно провели оставшуюся часть ночи. Вот бы так было всегда! Никаких тайн, никаких наркотиков, мечтала Марьяна, страшно усталая после танцев, выползая под утро из гостеприимного клуба.

К ее разочарованию, Денису понадобилось еще остаться в Москве, поэтому Марьяна возвращалась домой одна, если не считать охранников в джипе сопровождения. Спать совсем не хотелось, и она решила вести машину сама. Теперь Марьяна уже точно знала, что купит новую. Этой ночью с прошлой жизнью было покончено навсегда. Дорога ровной лентой стелилась под колеса автомобиля. Марьяна немного отвлеклась

от окружающего, незаметно углубившись в свои мысли. Внезапно возле машины опустился какой-то легкий туман...

К изумлению пассажиров сопровождающего джипа, «рено» как-то странно и неуверенно повело влево. Джипу пришлось рывком выехать почти на встречную полосу, чтобы прикрыть Марьяну своим мощным бампером от возможного столкновения, если успеют...

Только когда дорога стала заметно хуже, а «рено» начало трясти на ухабах и выбоинах, Марьяна пришла в себя и, спохватившись, что где-то свернула не туда, растерянно глянув в зеркало заднего вида. Странно, куда же делся джип сопровождения? Немного постояв на обочине и подождав, она решила, что развилку они проскочили в правильном направлении, а вот она слегка зевнула. Ну ладно – покатается и без надоевшего присмотра. Махнув рукой, Марьяна тронулась. В конце концов, ребята сообразят, что она заехала не туда, и догонят. Со скоростью меньше шестидесяти километров она не спеша катила по дороге, будучи в полной уверенности, что не заблудится, и машина сопровождения обязательно ее нагонит. В конце концов, это их работа.

Внезапно ей почему-то очень захотелось спать. Глаза начали слипаться, а дорога показалась какой-то размытой и нечеткой. Она поморгала, стараясь прогнать совершенно неуместную сонливость. В первый момент это помогло. Она никогда не спала за рулем, но сейчас находилась уже на грани. Очевидно, находясь в этом странном сумеречном состоянии, Марьяна и оказалась в незнакомом месте. К тому же вообще было непонятно, как она сюда попала, но ее окружали улочки какого-то незнакомого старинного городка.

Ей показалось, что красный «рено» смотрится здесь очень вызывающе и совсем не к месту. Притормозив, она оставила машину, совершенно не заботясь о ее сохранности, и, почти ничего не сознавая, пошла по одной из узких улочек. Кривая, вся в выбоинах дорога вывела ее даже не к церкви, а к целому церковному городку. Возможно, это монастырь со всеми полагающимися постройками?

Марьяна плохо разбиралась в том, что касалось религии. Ворота были приглашающе открыты. А прямо за ними на-

чиналась хорошая, мощеная дорога. Сквозь разросшиеся ветвистые кроны деревьев проступали очертания какого-то высокого здания. Когда Марьяна подошла ближе, стало ясно – это церковь. В голове мелькнули услышанные некогда слова: «Все дороги ведут к храму». «Даже во сне, – решила про себя Марьяна и успела удивиться. – Значит, это все-таки сон?» Она вошла в раскрытые двери, ведомая непонятной силой.

В соборе царила приятная, освежающая прохлада. Почему она решила пойти влево? Марьяна откуда-то знала, что там ставят свечи за упокой. Значит, ей совершенно незачем идти туда, но ноги сами несли в левый придел. Да, так и есть. Плоское, похожее на стол сооружение, увенчанное распятием, а вся остальная площадь заполнена оплывшими и уже едва горящими тоненькими свечечками. Марьяна стала внимательно рассматривать эти огарки. Она чувствовала, что сейчас ей надо найти что-то очень важное. Она снова и снова изучала огарки, разыскивая тот единственный, который был ей так нужен.

Оказалось, необходимая Марьяне свечка стоит прямо у нее перед носом, около самого края. Она была необычного черного цвета, и не тоненькая, как остальные, а такая толстая, что не поместилась в предназначенное углубление, кто-то небрежно и криво просто приткнул ее. Поэтому хотя свеча и была самой толстой из всех, но сгорала намного быстрее окружающих. Стеарин тонким ручейком непрерывно стекал на пол, медленно, но неуклонно приближаясь к ногам Марьяны.

Даже во сне ей показалось странным, что одна, пусть даже очень большая, свеча может дать такое количество стеарина. А он все лился и лился, обдавая теплом ноги. Марьяна слегка попятилась, не желая запачкать туфли. Но когда она снова посмотрела на свечу, та уже начала шипеть, собираясь вот-вот погаснуть. Тонкие огарки вокруг нее продолжали спокойно гореть ровными сильными огоньками.

Сердце Марьяны похолодело и сжалось от страха, а взгляд заметался под покрытым росписью куполом. Когда она снова посмотрела вниз, то увидела, что за это время

какая-то бабка умудрилась втиснуться в узкое пространство между ней и столом. Марьяна захотела убедиться, что свеча еще не погасла, и вытянула голову, стараясь заглянуть через плечо старухе. Та резко обернулась, и Марьяна с ужасом увидела то самое лицо, которое она уже видела не однажды в своих бесконечных ночных кошмарах. Старуха снова ухмыльнулась беззубым ртом, и Марьяна в ужасе отшатнулась.

– Что? Не нравлюсь? – хихикнула бабка. – Не хочешь такой стать?

Марьяна уже готова была выбежать из церкви, но ноги как приросли к полу, и она не могла даже попятиться от мерзкого злобного существа. Ей оставалось только молча слушать шамкающие звуки.

– И не будешь, – успокоила старуха. – Знаешь почему?

Марьяна, действуя почти против воли, отрицательно покачала головой.

– Потому, что ты не доживешь! Эта свеча стоит за упокой! Тебе! И она почти догорела так же, как и твоя жизнь, – выкрикнула старая карга, – Ты, глупая коза, не хочешь послушать меня! А если бы послушала, ничего бы этого не произошло! Так что, иди ко мне быстрее!

Дальше последовало такое, чего Марьяна совершенно от себя не ожидала. Она молча подняла руки с длинными наманикюренными ногтями и вцепилась в ненавистную рожу старухи. Но руки провалились в пустоту, стукнувшись о стол. Перед ней не было ничего, кроме догорающей черной свечи. Несколько секунд Марьяна с удивлением рассматривала поломанные ногти, а тем временем в голове появилось спасительное решение.

Она схватила оплывший огарок и побежала с ним направо. Марьяна не знала, кому поставить эту странную свечу, поэтому она воткнула ее к первой попавшейся иконе. Внезапно догорающий огарок вспыхнул ярким ровным пламенем. Присмотревшись, Марьяна заметила, что он уже вовсе и не черный, а самый обычный. Она неумело перекрестилась и почти бегом направилась к выходу. В этот момент ей вдруг показалось, что она куда-то опаздывает и надо очень спешить, чтобы успеть вовремя...

Буквально через несколько секунд красный «рено» снова вильнул влево. Неуверенно двигаясь по встречной полосе, он неумолимо приближался к развилке. Несколько машин, истошно сигналив, мчались навстречу. Первой неслась какая-то грязная «нива». Для того чтобы затормозить, времени уже не оставалось. Марьяна открыла глаза вовремя, чтобы успеть в последний момент увидеть джип, несущийся в лоб с «нивой».

Она резко вывернула руль и успела вернуться на свою полосу. Джип тоже слегка подал вправо, и «нива» только слегка черпанула давно немытым боком по блестящему гладкому джипу. Но, по всей видимости, хозяину отечественного вездехода совсем не светила встреча с пассажирами крутой тачки, и он, даже не притормозив, проехал мимо. Конфликт закончился не начавшись. Вдогонку Марьяна услышала из встречных машин целый букет нелестных слов в свой адрес. Медленно, очень медленно она съехала на обочину и остановилась. Невдалеке припарковался джип. Пока он не подавал никаких признаков жизни.

Руки Марьяны дрожали, в горле пересохло. Она достала бутылку с минералкой и поднесла к губам. Внезапно перед глазами опять всплыло лицо ужасной старухи. «Ты не станешь такой, не доживешь, твоя свеча почти догорела. Не доживешь, не доживешь, не доживешь...» – стучало в ушах. Марьяна потрясла головой, приходя в себя, потом слабо усмехнулась онемевшими губами.

«На-кося, выкуси», – пробормотала она. Теперь ясно, куда она боялась опоздать – в церкви ей надо было спасти свою собственную жизнь. А вот спасла она ее окончательно или только отсрочила неизбежное, этот вопрос еще предстояло решить. Будущее покажет, правильно ли она поступила во сне, изменив место свечи, поставленной кем-то за ее упокой.

Марьяна снова поднесла к губам бутылку с водой, но тут же почти отбросила ее на сиденье. Внимание привлекли неровно обломанные ногти, но этого не могло быть просто потому, что не могло быть никогда. Она ведь даже не выходила из машины!

К ней, наконец, подскочил один из охранников и нервно спросил через приоткрытое окно:

– Все в порядке?

– Да-да, нормально, – Марьяна вымученно улыбнулась, – просто голова немного закружилась. Сейчас уже все прошло.

– Может, я поведу? – предложил парень.

– Не надо, все в порядке. Я сама.

Охранник вернулся в джип, а Марьяна поежилась. Хотя она и завязала с наркотиками, ее время от времени все же навещали кошмары, слышались голоса, но происходило все по ночам. А тут вдруг посреди дороги, белым днем, на совершенно трезвую голову... Это было необъяснимо, а потому – страшно. Не факт, что при следующем подобном случае ей удастся вовремя вернуться в реальную жизнь. Если она не выяснит, что лежит в основе этой чертовщины, то не сможет избавиться от кошмара, вторгшегося в ее жизнь странным и непостижимым образом. Сделав несколько глотков, Марьяна огляделась. Дорога действительно была ей совершенно незнакома. К тому же она даже сейчас не могла вспомнить, как попала сюда. Опять эти провалы в памяти. Когда же это кончится?

Высунувшись из машины, насколько это было возможно, Марьяна огляделась. Невдалеке маячил указатель. Прищурившись, она попыталась прочесть название. Первое слово находилось в тени росшего рядом раскидистого дерева, поэтому ей так и не удалось его разобрать, а второе виднелось почти четко – «Пустынь». Марьяна втянула голову в машину и в задумчивости стала догрызать обломанные ногти. Кажется, пустынь, это одно из названий монастыря. Может, все-таки стоит навестить его не во сне, а наяву?

Красный «рено» бодро взял с места и покатил вперед. Джип, как привязанный невидимым буксиром, моментально отправился следом. Марьяна уже достаточно пришла в себя, чтобы не плестись, как недодавленная слониха черепаха. Вскоре за окном замелькали немощенные улочки. В голове замаячила смутно знакомая дорога...

С удивлением Марьяна вдруг поняла, что это то самое место, которое совсем недавно мерещилось ей в видении. Если там еще и старуха окажется, то это будет уже полный кошмар! Но поборов в себе остатки пережитого недавно ужаса, Марьяна остановила машину на стоянке перед монастырем, которая была сплошь заполнена экскурсионными автобусами и дорогими иномарками, «чисто конкретных пацанов», жаждущих замолить свои многочисленные грехи. Марьяна фыркнула, закрыла машину и направилась к воротам. К ней тут же бросился молодой человек в длинных черных одеждах. Из его краткого монолога выяснилось, что в джинсах, футболке и без платка на территорию монастыря ну никак нельзя.

– А что же мне делать? – растерянно спросила Марьяна.

Конечно, заднее сиденье машины было сплошь завалено дорогими, только вчера купленными вещами, но они тоже не очень-то подходили для посещения святого места.

В качестве ответа она получила не первой свежести уродливый халат, наподобие того, в котором в годы ее юности ходила уборщица в школе и не менее роскошный платок, который вызывал еще большие сомнения. Марьяна подумала, что именно такие косынки выдают на зоне, но спорить не стала. Порядок есть порядок. Только нацепив на себя все это, она смогла проникнуть в обитель. Перед тем как войти, она оглянулась. Невдалеке, не приближаясь, но и не отставая, прогулочным шагом шла пара охранников. Третий, наверное, остался в машине.

Странно, что церковный служка проявил к их майкам большее снисхождение и безропотно пропустил на территорию. То ли на него произвели впечатление их мощные фигуры, то ли он, несмотря на послушничество, оставался в душе закоренелым домостроевцем, как большинство мужчин.

Побродив пару часов, Марьяна пришла к выводу, что вся эта показуха делается в расчете на туристов, причем преимущественно иностранных и далеко не бедных. Несмотря на изгнание в свое время Иисусом торговцев из храма, на территории монастыря, везде, где только можно, были понатыканы лотки и магазинчики, продающие псевдоцерковные

товары, с ценами, обозначенными в условных единицах и цифрах, начинающихся от десяти. Нехило!

Непонятно зачем, Марьяна купила в одном из таких магазинчиков свечку, сунула в карман халата и как-то забыла о ней. Ремонт в пустыни еще не был закончен окончательно, поэтому экскурсии и отдельные посетители постоянно натыкались на возведенные строительные леса или выкопанные котлованы. Марьяна поняла, что ошиблась адресом, и хотела уже покинуть обитель, но вдруг сквозь кроны деревьев увидела силуэт еще одной церкви. Дороги к ней пока не было. Когда Марьяна вынырнула из зарослей, то поняла, почему. Храм был очень старый, весь облупившийся, его еще не начинали восстанавливать, только леса вокруг поставили. Туристов здесь не ждали, и делать им тут было совершенно нечего.

Ее неудержимо тянуло внутрь. Протиснувшись между досок, она добралась до покосившейся двери. Как ни странно, она оказалась не заперта. Может быть, потому, что вообще не закрывалась. Навстречу пахло сыростью и затхлостью старого помещения. С некоторой опаской Марьяна шагнула внутрь и огляделась. Она не видела, что охранники тут же заняли свой пост около двери. Страшно убогое помещение! Кругом царило полное запустение. Единственным пятном в окружающей серости был яркий свет, который свободно проходил через отсутствующие стекла и радостно расцвел обветшалые стены старой церкви. На обшарпанных стенах едва проступали контуры когда-то покрывавших их фресок. Удивительно, но несмотря на очевидную разруху, перед несколькими блеклыми иконами горели лампы, едва заметные на фоне солнечных пятен. Кто их зажег здесь, в этом заброшенном помещении?

Марьяна бросила косой взгляд влево. Там не было ничего. Она вздохнула с облегчением и вдруг почувствовала себя легко и свободно. Довольно долго она бродила по церкви, заглядывая во все закоулки, с любопытством стараясь представить, как храм выглядел много лет назад. В прохладе старого здания она даже стала слегка замерзать. Сунув озябшие руки в карманы халата, натолкнулась на забытую

свечку. Выбрав лампаду, горевшую почти перед алтарем, Марьяна зажгла от нее свечу и, найдя взглядом какой-то выступ, пристроила свечу туда. Никаких молитв она не знала, поэтому просто попросила про себя: «Помоги мне, Господи, я так устала!» и тихо вышла из церкви, испытывая неведомые доселе чувства.

ГЛАВА 15

Оказавшись на улице, Марьяна поняла, что делать здесь больше нечего, и медленно побрела к выходу. Чем ближе были ворота, тем больше вокруг толкалось людей. Марьяна прибавила шаг, стараясь как можно быстрее покинуть территорию монастыря. Неожиданно кто-то осторожно, будто извиняясь, коснулся ее руки. Сразу же вспомнилась старуха из сна. Марьяна вздрогнула и резко оглянулась. Из-под низко надвинутого черного платка на нее в упор внимательно смотрели явно знакомые черные глазки. Сначала Марьяне показалось, что она обозналась. Это просто не могла быть Светка. Ведь совершенно не ее стиль, да и место тоже очень сомнительное для такой особы...

– Не можешь поверить, что это я? – горько усмехнулась та бледными губами.

Марьяна всмотрелась внимательнее. Да, конечно, это тусклое лицо без капли косметики, бесспорно, принадлежало Светке. Но вот остальное... Черные бесформенные одежды скрывали никогда не отличавшееся изящными формами тело, голову плотно охватывал такой же черный платок. Ни одна случайная прядь не выскользнула из-под скромного убора. Поэтому теперешний цвет волос бывшей подруги остался для Марьяны неизвестным.

– Что тебе надо? – без тени приветливости спросила она, незаметно отодвигаясь подальше от неожиданной собеседницы.

– Все еще ненавидишь меня, – не отвечая на вопрос, обреченно прошелестела та.

– Да нет, – равнодушно пожала плечами Марьяна. – Просто не считаю возможным наше дальнейшее общение.

– Не волнуйся, его не будет, – слабая улыбка снова едва коснулась губ ее неожиданной собеседницы.

– Тогда зачем ты ко мне привязалась?

– Я не привязалась. Должок за мной есть. Я в монахини хочу постричься. Здесь недалеко есть женский монастырь. Туда даже таких, как я, берут...

Марьяна резко остановилась, будто налетела на какое-то препятствие. Она ошалело уставилась на Светку. У нее просто в голове не укладывалось, что это существо может стать монахиней. Они стояли посреди людского потока, который обтекал их так, будто они были отгорожены от остального мира прозрачной, но непреодолимой стеной. Даже охранники незаметно держались невдалеке, не приближаясь, но в любую минуту готовые прийти на помощь. Марьяна продолжала изумленно молчать, вопросительно глядя на Светку.

– Ты мне не поверишь, но я многое передумала и пересмотрела. Я уже совсем не та, какой была. Сейчас мне очень нужно твое, именно твое, прощение, потому что больше всего зла я принесла тебе. Прости меня, пожалуйста, если сможешь. – Светка подняла глаза, и Марьяне показалось, что таинственным образом они из черных превратились в светлые и прозрачные. Она с такой мольбой смотрела на Марьяну, что та не выдержала и отвела глаза...

– Ты ведь сможешь меня простить? Правда? – Светка заискивающе старалась поймать глаза Марьяны, чтобы попытаться прочесть в них так необходимый ей ответ.

– Я, я... не знаю, – растерянно пробормотала Марьяна, старательно избегая этих ждущих глаз, – я попробую, постараюсь... – на самом деле она не была в этом уверена. По крайней мере, сейчас.

Какое-то движение заставило Марьяну посмотреть на Светку. Бывшая подруга внезапно бухнулась на колени прямо посреди пыльной дороги, схватила Марьяну за руку и, тяжело дыша, умоляюще зашептала:

– Я замолю, замолю свой грех! Я буду замаливать его всю жизнь, которую отпустил мне Всевышний, поверь мне... Только прости меня, прости, прямо сейчас!

Вдруг на руку Марьяны закапали горячие капли. За опущенной Светкиной головой ей не было видно, но, кажется,

это были слезы. Потрясенная, Марьяна стояла не двигаясь, ожидая, когда это закончится. Она все еще не верила. ни одному слову этой негодяйки. Наверное, у нее была какая-то очередная цель, о которой Марьяна пока не знала, да и знать не хотела. Но время шло, а Светка, продолжала рыдать, не поднимаясь с колен. Марьяна осторожно потянула руку, стараясь высвободить ее из судорожно вцепившихся пальцев. Бывшая подруга подняла заплаканное лицо и отпустила ее, прошептав напоследок:

– Так и не можешь простить, не веришь. Ну что ж, иди себе с Богом.

Марьяна только сейчас заметила телохранителей, подтянувшихся ближе, и, не оглядываясь, быстро зашагала к воротам. От этой встречи на душе остался неприятный осадок. Чтобы избавиться от него, надо как можно скорее покинуть это место и постараться забыть, забыть обо всем, что здесь произошло. Обо всем ли? А видения, а свеча, а старинная церковь? Марьяна медленно оглянулась. Светка все так же стояла на коленях посреди пыльной дороги, умоляюще глядя ей вслед.

Наверное, не стоило, уходя отсюда, уносить с собой остатки былой ненависти. Марьяна, поймав Светкин взгляд, медленно подняла руку в прощальном приветствии и утвердительно кивнула головой. На лице бывшей подруги сначала слабо и неуверенно, а потом все ярче стала расцветать радостная улыбка.

Она тоже подняла руку, но ее прощание выглядело несколько иначе. Светка перекрестила Марьяну, тяжело поднялась с колен и медленно побрела в противоположную сторону. Вскоре она смешалась с толпой, и Марьяна уже не могла разглядеть знакомую фигуру в черном. Охранники тоже непостижимым образом снова стали незаметны среди окружающих людей.

Ну что ж, Светка сделала свой выбор. Марьяне хотелось верить в то, что он искренний и правильный. Она молча скинула на руки службе халат с платком и быстро направилась к машине. У нее впереди еще полно дел. Однако все произошедшее настолько выбило из колеи, что, даже сев в машину

и включив двигатель, она еще некоторое время пыталась взять себя в руки и сообразить, куда она все-таки ехала? Наконец Марьяна открыла дверцу и, обращаясь к охране, сказала:

– Все, погуляли и хватит, поехали домой. – С этими словами она захлопнула дверцу, и маленькая кавалькада, провожаемая взглядами местных жителей, в клубах пыли покинула городок.

Отъезд, как и приезд, был неожиданным, но он перевернул очередную незримую страницу в книге жизни.

Смерть была совсем близко. Старуха чувствовала ее нагущее, с присвистом дыхание прямо у себя за спиной даже во сне. Она понимала, что уже ничто не сможет спасти ее. Но самое страшное заключалось в том, что ученицы у Агафьи так и не появилось. Той, кому она смогла бы передать свои знания и умение. Это сводило на нет не только всю ее предыдущую, но и будущую вечную жизнь, в которую она верила и не хотела ее лишиться. Старуха села на кровати и, уже в который раз, оглядела свою небольшую спальню. Окружающая темнота делала еще более зловещими мрачные тени, копошащиеся в углах. Многолетняя слепота почему-то не мешала видеть их, но в то же время лишала Агафью последних радостей жизни.

Хорошо знакомая темная рука, лениво шевельнув длинными пальцами, скользнула на одеяло и устроилась прямо около горла старухи.

– Мне стыдно, что я выбрала тебя в ученицы, – послышался недовольный шепот прямо откуда-то из окружающего плотного воздуха.

– Прости, прости меня, – суетливо заговорила Агафья. – Я попробую еще... Прямо сейчас попробую... У меня получится, обязательно все получится...

– Да уж, попробуй и не тани. Не стоит создавать проблемы на свою голову... – в таинственном голосе явственно послышалась угроза, только слегка прикрытая насмешкой, и он растворился в ночной тьме, незаметно перейдя в шум листвы за окном, плотно окружавшей маленький домик.

Тяжело вздохнув, Агафья решила, может быть, в последний раз попробовать вызвать к себе упрямую девчонку. Протянув руку, привычным жестом нащупала серебристый шарфик, завязанный несколькими особыми узлами и висящий на спинке кровати. Агафья прижала к себе тонкий кусок ткани, прикрыла глаза и, собрав воедино все свои уходящие силы и волю, приказала ускользающей жертве:

– Иди ко мне, только я смогу тебе помочь... – этот странный шепот продолжал звучать в ушах Марьяны даже тогда, когда она уже проснулась. Сердце билось в груди тяжелыми, неровными толчками, от этого стало трудно дышать, а перед глазами запрыгали черные точки.

Марьяна потрясла головой, стараясь отогнать наваждение. Не помогло. А может, не стоит и пытаться избавиться от него? Возможно, сейчас, наконец, появился именно тот единственный шанс, который даст возможность освободиться, наконец, от странного присутствия этих неведомых сил в ее жизни, и после этого она сможет жить, как все нормальные люди?

Оглянувшись на спящего Дениса, Марьяна осторожно сползла с кровати и, прихватив одежду, тихо выскользнула из спальни. У нее не возникало вопроса, куда идти. Какая-то глубоко запрятанная в подсознании часть ее, знала это совершенно точно. Марьяна на самом тихом ходу, можно сказать, крадучись, вывела машину за ворота. Куда повернуть – направо или налево, вопроса тоже не стояло. Сейчас для нее все было предельно ясно.

Теперь Марьяну вело нечто непостижимое, чье присутствие она постоянно ощущала последнее время. Оставив машину, она пешком углубилась в узкие улочки одноэтажного пригорода, которого пока не коснулось вторжение новомодных коттеджей с нелепой готикой, безвкусными башенками и фонтанчиками, так похожими на ее собственный. Пробираясь по глухой, тенистой улочке, она не чувствовала никакого страха. Знала – здесь ей бояться нечего.

Когда она приблизилась к одному из домов, то ни минуты не сомневалась: это был тот самый. Пнув незапертую калитку, она оказалась в заброшенном саду. Несколько раз спот-

кнувшись о торчащие из земли камни и коряги, добралась до небольшого аккуратного домика. В отличие от неухоженного сада, он, напротив, выглядел симпатично и приветливо. Уже протянув руку, чтобы постучать, Марьяна замерла. Она вдруг подумала, что сейчас глубокая ночь, а вдруг все это только плод ее больного воображения? Может быть, хозяева дома спят себе спокойно, видят сны и даже не подозревают, что вот-вот здесь появится какая-то полоумная особа.

Марьяна попятилась назад. Пожалуй, самое лучшее, что она может сделать – это поехать обратно, а завтра непременно пойти к психиатру. Она уже повернулась спиной к спящему дому, когда до ее слуха донесся скрип открывающейся двери. Марьяна подпрыгнула от неожиданности и резко оглянулась. Темный дверной проем уже не выглядел частью милого и симпатичного домика. Скорее он напоминал пасть оскалившегося льва, готового проглотить свою жертву. Теперь она точно знала, что не ошиблась в своих ощущениях. Это было именно то место, которое так упорно звало ее к себе. Вздохнув поглубже, Марьяна перенесла ногу через порог, вступила в совершенно темный коридор, закрыла входную дверь и прислушалась. Она была уверена, что сейчас вновь услышит голос, зовущий ее, и не ошиблась.

– Иди сюда, – хотя голос прозвучал резко и неожиданно в окружающей ночной тишине, но все-таки это был реальный человеческий голос, а не шепот потустороннего мира, которого она боялась больше всего.

Уж в этом-то Марьяна была уверена полностью. Она медленно пошла на звук и, оказавшись около одной из дверей, услышала шорох, доносящийся оттуда. Марьяна уверенно толкнула дверь и нащупала выключатель. Из комнаты на нее пахло запахом старости и чего-то еще, чему она в первый момент не смогла найти определения.

Зажегся свет, и казавшаяся перед этим неудобной и мрачноватой комната сразу превратилась в уютную спальню, в углу которой на кресле сидела древняя старуха. Когда Марьяна взглянула на нее, не смогла сдержать вскрика. Это было то самое лицо, которое виделось ей везде – в ночных кошмарах и в зеркале, на крыше и в странном сне на дороге, когда она чуть не разбилась.

– Подойди сюда, – скрипучим голосом приказала старуха. Марьяна молча повиновалась. После чего последовал новый приказ: – Дай руку.

Марьяна осторожно, будто боясь обжечься, протянула старой карге руку. Та так сильно впилась в нее скрюченными цепкими пальцами, что стало больно. Но это длилось недолго, почти сразу старуха отпустила ее и снова коротко приказала:

– Садись.

Марьяна оглядела комнату. Кроме разобранной кровати, которая в качестве сиденья ее совершенно не привлекала, прямо напротив старухи стоял стул. На него она и села, продолжая искоса рассматривать комнату и ее хозяйку. Взгляд упал на руки старухи. Они нервно мяти и крутили легкий серебристый шарф. Ее, Марьяны, шарф. Она полностью была в этом уверена и сразу же вспомнила, что где-то читала: если чья-то вещь попадет к человеку, обладающему соответствующими знаниями и способностями, то хозяин вещи может оказаться в полной зависимости. Ей стали понятны странные поступки, провалы в памяти, виденья. Это старая карга воздействовала на нее. Марьяна уже хотела потребовать вернуть шарф, но передумала. Вначале надо выяснить, что нужно этой отвратительной старухе.

– Узнала вещичку-то? – ухмыльнулась та.

Марьяне было до чертиков неприятно смотреть на это существо, но она все же заставила себя поднять взгляд и посмотреть старухе прямо в глаза. То, что она увидела, ее просто ошарашило. На Марьяну смотрели совершенно пустые, невидящие глаза. Выходит, старуха слепа или почти слепа? Значит, она обладает каким-то другим зрением, которое дает ей возможность видеть лучше и глубже того, что открывается взгляду обычного человека. Марьяна поежилась. Это открытие совсем не обрадовало ее.

– Молчишь. Значит, узнала, – между тем констатировала старуха.

– Да, узнала и хотела бы забрать шарф. Его у меня украли, а он мне очень дорог, знаете ли, – с вызовом заявила Марьяна. Она вдруг почувствовала прилив сил и возможность активно сопротивляться старухе.

Видимо, бабка тоже это поняла. На мгновение ее лицо исказила зловещая гримаса, но она, быстро справившись с проявлением собственных чувств, миролюбиво предложила:

– Конечно, я отдам. Ты ведь понимаешь, что не я украла его у тебя.

– Естественно. – успокаиваясь, Марьяна старалась выяснить все до конца.

– Шарф принесла мне одна твоя знакомая... – совершенно естественным тоном, будто ведя светскую беседу, начала Агафья. Дальше последовало довольно точное описание Светки, и Марьяна только теперь окончательно поняла, что толкнуло бывшую подружку на такой странный, на первый взгляд, шаг, как уход в монастырь. Светка просто испугалась последствий своего необдуманного поступка. Теперь Марьяна уже не сомневалась в правильности ее выбора. – Очень уж она хотела избавиться от тебя. Сильно ты ей мешала. Вначале она все делала правильно, а потом в какой-то момент испугалась. Слабая она, не то что ты, – в голосе старухи неожиданно прозвучало уважение. – Впервые в жизни, а можешь мне поверить – она у меня была очень долгая, я сталкиваюсь с тем, что человек, попавший сюда, – с этими словами старуха сжала сухой кулачок, – сумел вырваться. Пусть с чужой помощью, но смог. Никогда этого со мной не случилось... – Агафья тяжело вздохнула и снова повторила: – Никогда.

– Хорошо, я выслушала вас, но уже поздно, я хочу вернуться домой и лечь спать. Поэтому давайте шарф, и желаю вам спокойной ночи, – голос Марьяны звучал холодно и отчужденно. Она уже протянула руку, чтобы забрать у старухи шарф и навсегда покинуть этот дом.

– Подожди, красавица, – Агафья с неожиданной прытью, так быстро сунула его куда-то, что Марьяна даже не успела заметить куда. – Ты еще не все услышала.

– Достаточно, чтобы не хотеть услышать больше.

– Зря, – хихикнула старуха, показывая беззубые десны. – Но выхода у тебя нет, придется слушать, если хочешь избавиться от... неприятностей.

Марьяна наострила уши и примолкла. Хорошо, ради того, чтобы в дальнейшем жить нормальной жизнью, она готова слушать бредни полубезумной старухи. Заложив ногу за ногу и откинувшись на стуле, Марьяна приготовилась выслушать длинное повествование, но ошиблась. Вопрос прозвучал очень коротко:

– Хочешь, чтобы все окружающие существа подчинялись тебе?

Марьяна сразу поняла, что под окружающими существами подразумеваются люди. Ее ответ был еще короче и просто потряс старуху:

– Нет.

«Этого не может быть, – мелькнуло в голове Агафьи. – Ни один нормальный человек не может отказаться от возможности властвовать над другими. Это же так естественно – жажда власти! Глупая красотка просто чего-то не поняла, надо попробовать объяснить ей, и тогда она, конечно, согласится!»

– Ты, девочка, наверное, не поняла меня, – голос Агафьи теперь звучал на удивление мягко и кротко. – Ты будешь обладать почти безграничной властью. Я могу научить тебя этому, – вкрадчиво шептала она.

Голос старой ведьмы обволакивал и завораживал, она знала это и пользовалась, когда нужно. Результат был сродни гипнозу, но Марьяна вовремя почувствовала опасность.

– Мне этого не надо, – быстро сказала она, и старуха поняла, что своими словами Марьяна решительно вбивает гвозди в крышку ее гроба, вопреки всем эзотерическим ухищрениям. – Я не хочу ни над кем властвовать.

– Ты не можешь отказаться от этого! – не выдержав, взвизгнула Агафья. – Десятки лет я искала такую, как ты! Ты не можешь предать меня! У тебя нет на это права!

– Очень даже есть. Я вам ничего не должна. А шарф... – Марьяна на минуту задумалась. – Можете оставить его себе... на память, я вам его дарю. Теперь он больше не принадлежит мне.

С этими словами она поднялась со стула и повернулась к двери с твердым намерением уйти из этого местного

филиала психушки. Надо же до такого додуматься – предложить безграничную власть над человечеством! Старая шизофреничка, кажется, совсем сбрендилa. Задумавшись о возможностях медицины, она совершенно забыла о старухе, которая так активно напомнила о себе, что это чуть не стоило Марьяне жизни.

Поняв, что все пропало, Агафья из последних сил вскочила с кресла, в два прыжка догнала Марьяну и с необычной для своего возраста силой вцепилась ей в руку.

– Ты не выйдешь отсюда, пока не согласишься! – что есть мочи завопила старуха.

От неожиданного толчка Марьяна покачнулась, не удержалась на ногах и рухнула на пол, лишь чудом не ударившись виском об угол подоконника. Этого она вынести уже не могла.

– Оставь меня в покое, старая ведьма! – истошно закричала Марьяна, вырываясь из цепких рук старухи.

На мгновенье хватка железных пальцев на руке ослабла. Марьяне показалось, что старуха в припадке буйного помешательства бормочет какой-то совершенно бессмысленный бред. В надежде на свободу Марьяна снова попыталась вырвать руку.

В этот момент ее пронзил удар тока такой силы, что она на несколько секунд потеряла сознание. Придя в себя, Марьяна отпихнула вдруг странно обмякшее тело старухи, схватила с пола непонятно откуда взявшийся шарф, походя отметила перегоревшую лампочку и окружающую темноту, а затем выскочила на улицу, потирая горевшую, как от ожога, руку.

ГЛАВА 16

Марьяна неслась, падая и спотыкаясь, через запущенный сад, не разбирая дороги. Ей казалось, что прошла уже целая вечность. Только оказавшись на тихой спящей улочке, она смогла, наконец, вздохнуть с облегчением. Снова потеряла руку и оглянулась. Сквозь ветви деревьев дом смотрел темными потухшими глазами окон. Постоянно оглядываясь, будто ожидая, что старуха попыбует ее догнать, Марьяна

бежала подальше от странного дома и еще более странной и зловещей его обитательницы. Сейчас ей хотелось как можно скорее оказаться дома. Внезапно Марьяна со всего маху налетела на кого-то. От испуга она жалобно пискнула и подняла голову.

– Ты совсем с ума сошла? Опять? – голос Дениса не предвещал ничего хорошего.

– Я... – хотя Марьяна, еще не могла внятно говорить, она была просто счастлива видеть его здесь и сейчас, но со страхом думая, как объяснить свою нелепую ночную прогулку. Пусть считает, что она еще не совсем излечилась. – Мне послышался голос, который звал меня сюда. Вот я и прогулялась... слегка... – Марьяна постаралась улыбнуться, но трясущиеся губы мешали это сделать, поэтому получилась какая-то жалкая гримаса, впрочем, было достаточно темно.

– Поехали домой, а завтра с утра отправимся к психиатру, – с этими словами Денис сгреб ее в охапку и понес к джипу.

– Подожди, здесь же моя машина, – Марьяне хотелось хоть немного побыть одной, чтобы прийти в себя, но слова Дениса лишали всех надежд:

– Завтра кто-нибудь пригонит ее, а если за это время найдется доброволец, желающий ее спереть, пусть забирает, туда ей и дорога. Дома сидеть будешь, а не шляться ночами по трущобам.

Марьяна не знала, что ответить на такое заманчивое предложение. Если бы он знал, как она хочет домой! Конечно, Денис был прав. Единственное, что радовало во всей этой дурацкой истории, так это надежда на освобождение от козней выжившей из ума ведьмы. Теперь шарф вернулся к своей законной владелице, и это обнадеживало.

Джип тронулся. Марьяна, удобно устроившись на сиденье, прикрыла глаза. На нее вдруг навалилась страшная усталость. Она плохо помнила, как они приехали домой.

Проснувшись Марьяна часов в двенадцать. Несмотря на все пережитое предыдущей ночью, чувствовала она себя хорошо отдохнувшей. За приоткрытым окном громко ще-

бетали птички. Марьяна подумала, что вполне может к ним присоединиться. Она легко поднялась с постели и, улыбаясь, подошла к окну, но весь кайф неожиданно поломал Денис. С недовольной физиономией он заглянул в спальню и поторопил:

– Вставай, забыла, что к врачу едем? А то вечером сама знаешь, что будет.

– Ой, нет! – простонала Марьяна, снова падая на кровать и закрывая лицо руками. – Уверю тебя, этого больше не повторится. Вчера был последний всплеск. Теперь я совсем здорова. – Ей и самой хотелось в это верить.

– Уверена? – непримиримая позиция Дениса, кажется, дала трещину, и в его голосе прозвучало сомнение.

– Целиком и полностью, – отрапортовала Марьяна и улыбнулась самой очаровательной улыбкой, на которую только была способна.

– Тогда отдыхай пока, лунатик. Сегодня предстоит тяжелый день, – усмехнулся Денис и закрыл дверь.

Неожиданно Марьяна почувствовала легкое жжение в руке. Ощущение было такое, будто она ее отлежала. Она искоса, словно боясь увидеть что-нибудь страшное, посмотрела. Ничего. Никаких следов удара током или ожога. Да и вообще, было ли все это? Может, от испуга показалось или просто совпал момент, когда на нее набросилась полоумная старуха и лампочка перегорела, а может, она ее и вправду всего-навсего отлежала? Марьяна неуверенно потерла руку, пожала плечами и пошла в ванную.

Она налила в джакузи воду попрохладнее – надо взбодриться. Денис прав. Сегодня приезжают солидные покупатели из-за бугра. Значит, ему все-таки удалось прикормить их. Теперь они приедут за крупной партией. Марьяна зло усмехнулась. Адреналин уже всюю бурлил в ее крови. Как она ненавидела этих дельцов и с каким удовольствием посмотрела бы, как их повяжут! Марьяна положила голову на край ванны, прикрыла глаза и полностью отдалась приятным ощущениям, которые создавала фонтанирующая вода. Сейчас ей никуда не надо спешить. Они приедут только вечером, Денис их встретит, а вот тогда...

Прием Марьяна организовала в принадлежащем ей ресторане «Березка». Для развлечения гостей даже выписала из столицы певичку. Сама же подготовилась к приему очень тщательно. Как и положено звезде, она слегка припоздала, зато уж, когда появилась, все взгляды были обращены только на нее.

Глазами Марьяна отыскиала незаметно стоящего в углу Дениса. Он безмолвно поднял вверх большой палец, оценив ее старания, и незаметным кивком указал на небольшую компанию около себя. Марьяна утвердительно кивнула, уже решив для себя, что, как только они выедут из города, она позвонит в полицию. Хватит, пора перестать бояться! Она предупредит Дениса, чтобы успел уехать, а сама разберется с последствиями. Ощущение свободы укрепляло уверенность в успехе. Сложно было одолеть неведомое, а уж с этой швалью она как-нибудь справится. Даже если это будет стоить?.. Нет, все должно быть хорошо и будет хорошо, она так хочет!

Агафья неожиданно проснулась среди ночи и вдруг с ужасом поняла, что копошащаяся в углу тень пришла за ней. Но сегодня уже не будет никаких разговоров, не будет ничего. Она хочет забрать ту жизнь, которая и всегда ей принадлежала. Тень пришла взять свое. Спорить с этим было невозможно да и бессмысленно, поэтому старуха в душе уже смирилась с тем, что совсем скоро должно произойти.

Увеличиваясь, зловещая тень стала приобретать отчетливые очертания руки, становилась все больше и, удлиняясь, приближалась. Старуха смотрела на тонкие, длинные пальцы, уже скользящие по одеялу. Она хотела крикнуть, позвать Евдокию, но не смогла издать ни звука. Страх парализовал ее полностью. Пошевелить рукой, чтобы включить ночник, тоже не получалось. Темные призрачные пальцы начали смыкаться на горле. Неожиданно жажда жизни придала ей силы, и старуха, хрипя, силилась оторвать от себя посланца судьбы из потустороннего мира. Внезапно она поняла, что никакая сила, кроме молитвы, ей уже не поможет. Корчась, Агафья старалась вспомнить хоть что-нибудь, но с ужасом поняла,

что не может вызвать в памяти ни единого слова. Больше шансов не было.

Перед глазами старухи заплясали цветные точки, скрюченные руки застыли на горле, глаза остекленели. Агафья летела по темному коридору, на стенах которого висели белые шторы, скрывающие окна. Они слегка шевелились, как от легкого ветерка.

Разум старухи все еще продолжал работать, и она понимала, что находится в коме, из которой, кажется, уже не выбраться. Но в глубине сознания еще теплилась надежда увидеть свет в конце коридора. Он поможет. Он вернет ее к жизни.

Но тоннель стал сужаться, становился все темнее, а света так и не было. И тогда старуха поняла, что ей не дано больше никогда его увидеть. Она заметалась по узкому помещению, срывая шторы, но ожидаемых окон за ними не было. И это оказалось обманом. На самом деле шторы скрывали лица людей. Перед глазами Агафьи быстро замелькали лица родителей, односельчан, умерших от тифа, Гришки, его ненавистой невесты, других людей. Многих из них она уже не помнила...

Ее снова предали! Еще одно, последнее предательство. На грани между жизнью и смертью она опять столкнулась с ним. Силы оставили Агафью окончательно, и она начала медленно погружаться в небытие, где не было ничего, кроме пустоты. Старуха еще сознавала, что под жизнью подведена окончательная черта с надписью «Итог» и пути назад нет. Ей не удалось заставить эту проклятую блондинку добровольно принять груз вековых проблем. Только силой Агафья успела передать свои возможности.

Но, во-первых, еще неизвестно, чем это может обернуться для нее самой, и, во-вторых, ведь девица-то об этом не знает и, главное, не хочет знать. Значит, все кончено. Теперь на собственном опыте она узнает, о чем не стала предупреждать ее женщина в черном. С этим последним проблеском сознания она успела пожалеть обо всем, начиная со свечи, поставленной за упокой, – но поздно. Старуха была мертва.

Каждому зачтется по делам его.

В это время Марьяна медленно плыла между гостями, дружелюбно кивая и улыбаясь. Почти все они были ей хорошо знакомы, за исключением закордонных гостей, естественно. Роскошный прием должен был усыпить их бдительность. Она приближалась к ним продуманно, неторопливо. Волнение все-таки давало о себе знать быстрыми, неровными толчками сердца.

– Господа, позвольте представить, – Денис говорил на идеальном английском, – хозяйку нашего великолепного вечера... – он на секунду запнулся, – ну и всего остального... мадам Хамбиеву.

Марьяна ослепительно улыбалась, как должное принимая восхищенное лопотание «партнеров по бизнесу», она машинально отвечала им какими-то любезностями, но волнение не отпускало. Внезапно, она почувствовала, как что-то изменилось. На какой-то миг перед глазами всплыла спальня старухи и сама она, лежащая на кровати с застывшим взглядом, бессмысленно устремленным в пространство. Кажется, для нее уже все было кончено. По спине Марьяны пробежал холодок, а в голове прозвучал надтреснутый голос:

– Я все передала тебе, пользуйся этим...

Марьяна вздрогнула и повернулась к партнерам по бизнесу. Кажется, никто ничего не заметил, даже Денис. Она быстрым взглядом окинула зал. Несмотря на яркое освещение, в отдаленных углах таилась темнота. Марьяна прищурилась, вглядываясь в самое затененное место. Ей показалось или на самом деле там что-то слегка шевельнулось?

Продолжая мило улыбаться и механически отвечать на обычные банальности, Марьяна пристально вглядывалась в темноту, стараясь разглядеть, что же там такое. Почему-то для нее это стало очень важно, и ее упорство было вознаграждено. В какой-то момент она отчетливо увидела темную призрачную руку с длинными, тонкими пальцами. Ей даже показалось, что туманная рука сделала приглашающий жест в ее сторону.

По спине снова пробежал холодок, и Марьяна нервно моргнула. Когда она открыла глаза, никакой руки в углу не было. «Привидится же такое», – проскочила и исчезла трез-

вая мысль. Сейчас надо думать о деле, а не искать вокруг себя происки потусторонних сил. Внезапно Марьяна очень захотелось проверить слова старухи на практике. В самом деле, чем же она обладает теперь? Правда ли это?

Вечер незаметно подходил к концу. Все явно остались довольны. Теперь предстояло проводить заграничных гостей. Марьяна вздохнула и внутренне сжалась. Пора. Если не получится так, как она задумала, мерзкое изделие, как змея, выползет на мировой рынок и захватит его. Нельзя, ни в коем случае нельзя допустить этого! Как же быть?

Показывая дорогу, она первой вошла в небольшую комнату, освещенную настольной лампой, и бросила взгляд на другую дверь, в углу. За ней должны находиться люди Дениса, так, на всякий случай. На столе лежит небольшой чемоданчик, до отказа наполненный смертельно опасным зельем. А ведь по виду совсем безобидные таблеточки. Марьяна поехала. Если покупатели останутся довольны, а это у Марьяны не вызывало сомнения, то в Москву, Европу, а потом и по всему миру пойдут целые контейнеры с этой гадостью. Трафик у них уже давно хорошо продуман и отлажен. Блистая ослепительной улыбкой, Марьяна произнесла:

– Проходите господа, товар вас ждет. – И щелкнула замками чемоданчика, эффектно раскрыв его перед покупателями.

Торговцы сгрудились возле стола. Марьяна совершенно не вслушивалась в их возбужденный разговор. Совсем скоро ей предстояло сделать решительный шаг, который изменит всю ее дальнейшую жизнь. Да, конечно, она даст Денису возможность скрыться. Само собой, после этого они уже никогда не увидятся... Черт, ну почему ей так не везет?! Единственный мужик, с которым она готова была бы провести жизнь, оказался гнусным наркодельцом. И теперь ради других, совершенно незнакомых ей людей, приходится жертвовать личной жизнью. Марьяна резко втянула воздух. Откуда-то издалека до нее донеслись слова благодарности за приятный вечер и надежды на дальнейшее плодотворное сотрудничество... Один из сопровождающих пристегнул чемоданчик к запястью наручниками, и вся компания напра-

вилась к выходу. Из-за их спин Марьяне было плохо видно, что происходит около двери, но там явно произошла какая-то заминка. Внезапно вспыхнул яркий свет. Все замерли.

– Господа, прошу всех оставаться на своих местах. Интерпол. – Голос Дениса звучал предельно холодно и вежливо. Гостеприимный русский хозяин сразу же уступил место жесткому представителю закона.

Марьяна вдруг почувствовала, что ей стало легче дышать, значит, не все еще потеряно, и в ее жизни можно что-то изменить. Но это произойдет в будущем, а сейчас она, словно в замедленной съемке, наблюдала, как двое дюжих телохранителей наркоторговцев почти незаметно пытаются вытянуть хорошо замаскированные пистолеты. Возможно, своим криком она только ускорит события.

Марьяна с ужасом смотрела на оружие, и все ее существо протестовало против того, что должно было произойти. Отпущенные на это секунды истекали. Вот-вот должны прозвучать выстрелы. «Нет! – мысленно крикнула Марьяна. – Не делайте этого! Я не хочу!!!» Она и сама почувствовала, как в комнате что-то изменилось. Телохранители застыли с пистолетами в руках. Они ими не воспользовались! У нее получилось! Старуха оказалась права.

Секунды истекли. Окно и дверь позади Марьяны распахнулись одновременно. В обоих проемах находились те, кому и полагалось быть там по долгу службы. Марьяна внезапно почувствовала, что напряжение, которое не отпускало ее все последнее время, исчезло. На смену ему пришла такая слабость, что она не в силах была ей сопротивляться и медленно сползла на пол. Ее уже совершенно не интересовала дальнейшая процедура. Крики, топот, разноязычный гомон слились для Марьяны в какую-то глухую какофонию, которая только слегка задевала слух и совершенно не касалась души. Она блаженно отдыхала, как путник, успешно преодолевший очередной рубеж, приближающий его к намеченной цели.

Марьяна так и сидела, привалившись к стене, глядя в пространство остановившимися глазами и потеряв счет времени, когда к ней подошел Денис, плюхнулся рядом на пол и закурил. Небо за окном начало светлеть, штора слегка

колыхнулась. И только когда Денис набросил ей на плечи пиджак, Марьяна поняла, как замерзла.

– Ты как? – нарушил наконец молчание Денис.

Марьяна вначале издала неопределенное мычание, которое вскоре перешло в тихий смехок, и только потом, потянувшись, ответила:

– Как ни странно – хорошо! – потом еще немного помолчала и добавила: – Какой же ты все-таки мерзавец! Я мучилась, переживала, а ты вел себя как последний скот!

Выдав такую тираду, Марьяна покосилась на Дениса. Вдруг он обиделся? Но натолкнувшись на его смеющиеся глаза, сразу успокоилась.

– Да я просто заботился о тебе... ну и о деле, конечно. Уверен, что если бы рассказал, то ты где-нибудь, да прокололась бы.

– Возможно, – неопределенно пожав плечами, ответила Марьяна. – А знаешь, я ведь собиралась дать тебе возможность уйти, а потом сдать всю эту компанию, к чертям собачьим!

– Однако, какая у тебя избирательная жажда справедливости, – ехидно хмыкнул Денис. Он не стал упоминать, что уже давно догадался о ее планах.

– Ну... мы же все-таки не чужие люди. Можно и позаботиться о ближнем, – хихикнула Марьяна.

– Даже, если он столь ненавидимый тобой наркоделец?

– Все мы не без слабостей, – убежденно произнесла она и вдруг спросила совершенно не к месту: – А дальше? Что будет дальше?

Денис помялся:

– Не знаю, возможно, придется ехать в Европу. Вытягивать всю цепочку.

– Слушай, возьми меня с собой, а? – Марьяна вдруг почувствовала себя так, будто снова выпила Светкину таблетку счастья. Это в крови опять забурлил адреналин. – Ведь у нас все-таки совместное предприятие, скрепленное, кстати, соответствующим договором по выпуску этой гадости. Мое присутствие будет очень правдоподобным. Мы с тобой там такие дела закрутим...

Марьяна замолчала, натолкнувшись на ироничный взгляд Дениса, но это сбило ее совсем ненадолго. Уже через минуту она заговорила снова:

– На самом деле я могу быть значительно полезнее, чем ты думаешь! Когда-нибудь, на досуге я расскажу об этом... но потом, позже... Мы составим отличную пару... и переловим всех международных сволочей...

Слова из Марьяны сыпались быстро, почти бессвязно, нанизываясь одно на другое. А в голове без перерыва стучало: «Ну, пожалуйста, согласись!» Наконец она замолчала в ожидании ответа. Когда Денис открыл рот, она уже знала, что он скажет...

– Попробую поговорить с руководством. По-моему, в этом что-то есть, нет, правда – прекрасная идея. – Он улыбался, сам толком не понимая, почему.

– Давай сходим к твоему руководству вместе. Мне почему-то кажется, что мои доводы будут более убедительными. – И Марьяна счастливо рассмеялась. Теперь она была в этом уверена.

...Врач «скорой помощи», вызванной утром Евдокией, почти не глядя на тело, и так все было ясно, констатировал смерть столетней старухи. Ему даже в голову не пришло внимательнее посмотреть в лицо покойной. Возможно, тогда он бы задумался, что могло вызвать у нее такой смертельный ужас. И так ли уж непоколебимо верно его стандартное заключение, «острая сердечная недостаточность»? Но врач платили слишком мало, чтобы возникало желание внимательнее рассматривать старух, скончавшихся от старости. Ему было глубоко плевать на нее. У него полно других, более важных дел. Надо спасать живых.

МИХАИЛ ПОПОВ

АБСОЛЮТНО НЕ АНГЛИЙСКОЕ УБИЙСТВО

ПОВЕСТЬ

Автор считает необходимым предупредить читателя: перед ним повесть-версия. Опираясь на классические сюжеты рассказов Конан Дойля, автор предлагает свою интерпретацию отношений между Шерлоком Холмсом и доктором Ватсоном.

Часть первая

то вы, Ватсон?

Шерлок Холмс опустил газетный лист и медленно откинулся в кресле. Весь его вид говорил, что гостей он не ждет. Письменный стол был завален газетами, присыпанными пеплом. На углу стола стояла тарелка с остатками пищи. Вилка вообще валялась на полу.

С тех пор как великий сыщик перебрался в этот дом неподалеку от пересечения Кингс-Роуд и Парк-Стрит, доктор навещал его раз пять или шесть и не мог не отметить, что во все прошлые визиты беспорядка было меньше.

Ватсон поставил к стене сложенный зонт и снял котелок, усыпанный мелкими дождевыми каплями.

– Мальчишка-посыльный сообщил мне...

Великий сыщик очнулся от задумчивости.

– Разумеется, мой друг, разумеется, я жду вас с нетерпением. За три часа, прошедшие с того момента, как я отправил к вам посыльного, успело произойти несколько важных и в основном неприятных событий. Взгляните, тут у меня «Таймс», «Дейли-Ньюс», «Дейли-Телеграф», «Кроникл»...

В кабинет без всякого стука влетел мальчишка в форменной фуражке и бросил на стол перед Холмсом новые газеты. Тот пробежал глазами заголовки на первой полосе.

– «Стандарт» и даже «Стрэнд»! Все как сговорились! Все пишут одно и то же! Как это ни странно, приходится верить!

Ватсон опустился в кресло у холодного камина и церемонно поставил трость между колен.

– Вера не ваша стихия.

Холмс пропустил это замечание мимо ушей и сказал:

– Волнения в Оранжевой республике.

– Очень интересно, – сухо произнес доктор.

– Не столь интересно, сколь прискорбно, мой друг.

– Судя по тому, что вы выкурили за эти три часа не менее восьми трубок, все обстоит именно так.

Сыщик бросил в сторону доктора удивленный взгляд.

– Браво, Ватсон, именно восемь. Напрасно вы утверждали, что не в состоянии профессионально овладеть моим прославленным методом.

Доктор насупился, отчего его аккуратно подстриженные рыжие усики сделались вдвое гуще.

– В данной ситуации я выступаю профессионально не как сыщик, но как врач. В вашем возрасте восемь трубок на фоне возбуждающего чтения – это чересчур.

– Пожалуй, мой друг, пожалуй.

– Но что же вас так впечатлило в этом сообщении из Южной Африки? Сейчас не девяносто девятый год, война невозможна.

– Зато возможно падение акций «Кимберли Китченер». Алмазные копи и прочее в том же роде.

– Алмазные копи?! – удивленно и несколько задумчиво произнес Ватсон.

– Бумаги таких компаний падают очень быстро, а потом, даже если выяснится, что оснований для беспокойства не было, растут долго и неохотно.

– И что, это может как-то отразиться на ваших делах?

Холмс постучал холодной трубкой по каминной доске.

– Не только на моих, но и на наших, друг мой.

В глазах доктора появился огонек понимания, правда, почти мгновенно сменившийся туманом сомнения.

– Но Холмс...

– Спрашивайте, мой друг, спрашивайте!

Знаменитый сыщик начал обретать черты своего привычного образа – уверенность, твердость, сила.

– Вы намекаете, что дело компании «Кимберли Китченер» может стать предметом нашего интереса, но как же быть с тем, что вы отправили посыльного ко мне, еще до того, как прочли сегодняшние утренние газеты?

Холмс улыбнулся, глядя на сосредоточенного и недоверчиво подобравшегося доктора:

– Только не надо воображать, что во мне обнаружился дар предвидения.

– Признаться, нечто похожее пришло мне в голову.

Холмс открыл ящик стола.

– Все значительно проще. Вы же знаете, я не верю в то, что силы не от мира сего вмешиваются в жизнь криминального мира. Зло является нам в естественных, сколь ни противоестественно это прозвучит, формах.

– Да, во всех, самых необыкновенных преступлениях раскрытых вами, всегда находится земное объяснение.

В руках Холмса появился обыкновенный почтовый конверт.

– Я получил это четыре часа назад. Прочтите.

Доктор развернул лист бумаги, поданный ему.

– «Мистер Холмс. Вы моя последняя надежда. Если мне не поможете вы, не поможет никто. Посетить Вас лично мне мешают опасения за мою жизнь. Я вынужден скрываться и даже изменить свою внешность. Предлагаю встретиться завтра в ресторане «Айви» в четыре часа пополудни. Я подойду сам. С последней надеждой, Х.»

– Ну, что скажете, Ватсон?

Холмс крепко держал в зубах девятую трубку.

Ватсон нахмурился и вновь сгустил усы.

– Судя по тому, что вы за мной послали, я вам нужен. Со своей стороны скажу – если я вам нужен, можете на меня рассчитывать.

– Другого ответа я от вас не ждал! Да, кстати, я не слишком бесцеремонно вторгаюсь в вашу жизнь? Предполагаю, что эта

история отнимет у нас не один и не два дня. Может быть, придется покинуть Лондон. Что станется с вашей практикой?

– То же, что бывало с ней прежде. За легкими больными присмотрит миссис Ватсон. Что же касается тяжелых... будем надеяться, что их не будет.

– А ваши литературные занятия?

– Они на точке замерзания. Барнетт ждет от меня нового рассказа о Шерлоке Холмсе. Кроме того, я получил авансовый чек из «Чемберса». Уже две недели тому, а в голове ни одной подходящей идеи.

– Думаю, теперь они у вас появятся.

Холмс ожидал доктора в зеркальном холле ресторана. Он сидел в углу длинного зеленого дивана в тени небольшой бихарской пальмы, на носу у него помещались черные очки без оправы. Всякий входящий в высокие стеклянные двери оказывался перед ним как на ладони. Между тем его самого можно было разглядеть лишь зная, где именно он сидит.

Доктор знал. Он медленно подошел и, не говоря ни слова, сел рядом. Несколько секунд прошло в полном молчании.

– Не стесняйтесь, Ватсон, спросите, почему я устроился здесь, хотя в ресторане полно свободных столиков.

– Считайте, что я уже спросил.

За долгие годы общения с великим сыщиком доктор утратил большую часть своего природного простодушия. Он знал, что любое слово Холмса может оказаться входом в ловушку не только безобидного, но иногда и неприятного розыгрыша.

– У меня две цели. Вторая заключается в том, чтобы увидеть нашего мистера Х со стороны. Люди, как вам известно, почти всегда играют. Даже когда этого не хотят, и особенно тогда, когда думают, что вполне естественны. Тут все зависит от качества раздражителя.

– Вы считаете, что наш контрагент на швейцара среагирует не так, как на...

– Разумеется, мой друг. Перед «великим сыщиком» он, безусловно, предстанет в маске. Он просит меня о помощи, но это не значит, что он мне полностью доверяет.

– Какова же ваша первая цель?

Холмс закинул ногу на ногу и наклонился влево, частично покидая полосатую пальмовую тень.

– Она всегда и везде для меня главная: совершенствование моего метода. Согласитесь, что, прежде чем присмотреться к человеку, нужно определить к кому присматриваться. До назначенного срока осталось четверть часа. Будем теперь особенно внимательны, Ватсон. Вам придется отсесть на другой конец дивана и развернуть газету.

– У меня нет газеты.

– Я захватил для вас экземпляр «Таймс».

Доктору нечего было стыдиться: никто не обязан таскать в кармане газету на всякий случай, но легкий укол в самолюбие все же ощутил. И этот укол подтолкнул его к несколько бестактному вопросу:

– А вы уверены, что автор письма еще не пришел? Может, он уже сидит в зале и пьет свой кофе.

– Нет. Исключено. Вспомните текст письма. Этот человек утверждает, что вынужден скрываться. Зачем же ему торчать лишние полчаса в людном месте?

Доктору нечего было возразить. Он взял газету и приподнялся.

– Помните, что внешность этого человека будет изменена.

Ватсон поморщился. Этот совет был явно лишним. Он уже положил себе присматриваться к людям с необычной внешностью. Теперь, если он добьется успеха, то будет вынужден делить его между собственной проницательностью и напоминанием Холмса.

За восемнадцать минут наблюдения в холл вошло двадцать четыре посетителя. Четыре пары, две компании, одна в пять человек, другая в шесть, пятеро одиночек, из них одна дама. Человек наивный, вроде Ватсона десятилетней давности, сосредоточился бы исключительно на одиночках, отбросив из их числа даму. Сегодняшний доктор оставил под подозрением всех. Человек скрывающийся мог, например, пристать к большой компании. Это легко сделать, если в ней не все друг с другом хорошо знакомы или успели как следует на-

браться. Войдя внутрь, он может без проблем отколоться от остальных.

Одиночки подозрительны все, это само собой разумеется. И толстяк в белом жилете, и буйнобородый господин с золотым зубом, и коротышка с постоянно выпадающим из глаза моноклем.

И даже дама.

Конечно же, дама!

Ватсон заволновался как игрок, угадавший карту. Безусловно, это переодетый мужчина! Достаточно обратить внимание на эту квадратную фигуру, тяжелую гренадерскую походку, зверски напудренное лицо, неуместную вуалетку, скрывающую глаза.

Доктор бросил мимолетный победительный взгляд в сторону сосредоточенного друга. Интересно, он тоже догадался? Будет очень забавно, если нет. Ведь признаки столь очевидны. Достаточно присмотреться внимательно... О, она возвращается из ресторанный залы! Она (он!) нас ищет!

Избранница доктора явилась не одна. Ее аккуратно, но твердо поддерживали под руки два официанта. Шляпка у нее съехала, со щек сыпался косметический мел. Швейцар, увидев эту сцену, бросился на помощь. Но не даме, а официантам! В одно мгновение квадратная женская фигура проследовала через выходную дверь на дождливую улицу и там разразилась визгливой бранью.

– Нам пора, Ватсон.

Доктор сглотнул слюну.

– Думаете, он уже внутри?

– Уверен, да.

– И кто же это?

– Сначала хотелось бы услышать ваше мнение.

Доктор лихорадочно соображал, что же ответить.

– Неужели вы не заметили ничего необычного?

В голосе друга не было и тени иронии, но Ватсон почувствовал, что краснеет.

– Почему же, мне кажется, что это джентльмен с огромной бородой. Мне кажется, борода накладная.

– Браво, Ватсон.

– Я угадал?

– Нет.

– Так с чем же вы меня поздравляете? – почти неприязненно поинтересовался доктор.

– Мое восхищение совершенно искренне. Вы направились по правильному пути, но не в том направлении.

Они вошли в залу. Холмс снял очки.

– То есть ваша голова работала как голова нормального человека. Вас предупредили, что внешность будет изменена, и вы решили, что в облике будет что-то прибавлено. Усы, борода. Чем больше борода, тем она подозрительнее, так думают все нормальные люди. Чтобы заметить убывание чего-нибудь в облике...

– ...нужно быть Шерлоком Холмсом, – буркнул доктор.

– Вы обиделись, мой друг? Напрасно. К моему тону можно было привыкнуть за эти годы.

К ним приблизился метрдотель и поинтересовался, чем он может помочь джентльменам.

– Нас ждут. Вон там, у колонны.

Ватсон посмотрел в указанном направлении. Там сидел хорошо одетый и гладко выбритый на вид сорокалетний мужчина. Пока они приближались к нему, доктор успел его рассмотреть. Припухшие веки говорили, несомненно, о пристрастии к выпивке, непреднамеренно надменный вид – о благородном происхождении. Кроме того, нетрудно было заметить, что господин этот чувствует себя явно не в своей тарелке.

Подойдя к его столу вплотную, Ватсон обратил внимание, что сюртук на нем несколько поношен и короткий ему в рукавах.

– Здравствуйте! – сказал Холмс.

Мужчина привстал и неуверенно улыбнулся.

– Я тот, кому вы писали, со мною мой напарник, доктор Ватсон.

– Прошу садиться, джентльмены.

Отделавшись от официанта, Холмс спросил:

– Давно сбрили бороду?

Мужчина погладил рефлекторно подбородок и скулы, они были заметно блее остального лица. На левой стороне подбородка виднелся тонкий, длиною в три дюйма, шрам.

– Сегодня утром.

Ватсон вспомнил о даме, и ему стало стыдно.

– Обычно я ношу такую... довольно окладистую. Теперь неуютно. И холодно.

– Приступим к делу, мистер...

– Блэкклинер. Эндрю Блэкклинер. Я с недавних пор владец поместья Веберли Хаус в Хемпшире, милях в десяти от Винчестера. Места наши считаются глухими, может быть, потому, что неподалеку начинаются холмы Олдершота. А может, мы чувствуем себя живущими в глухомани потому, что соседи нас не жалуют.

Произнося эти простые слова, мистер Блэкклинер начал раздвигать ноздри и комкать салфетку правой рукой. Страстная и порывистая натура, сделал про себя вывод доктор. А шрам, безусловно, след старого ранения.

– Почему же они вас не жалуют? – спросил Холмс.

Блэкклинер нахмурился, на секунду замолк, словно, решая, стоит ли отвечать на этот вопрос. Потом шумно выдохнул воздух – решился:

– Всею виной наш батюшка, Энтони Блэкклинер, его неумный нрав. Слишком большим он был охотником до дамского пола. Причем действовал без всякого разбора и оглядки. Ни возраст женщины, ни ее положение, ни даже отталкивающая внешность не служили для него препятствием. Думаю, ранняя смерть нашей матери произошла от горестного состояния, в коем она беспросветно пребывала. Она родила отцу троих сыновей, но это его не укротило. Само собой разумеется, все окрестные дома были закрыты для нас. Нам пришлось искать счастья вдали от родины. Я выбрал военную карьеру. Гарри, средний наш брат, занялся наукой, а младший, Тони, поступил в католическую школу в одном из северных графств.

Мистер Блэкклинер хорошо отхлебнул из своего бокала. На лице Холмса на мгновение появилась тень неудовольствия. Ватсон не обратил на это внимания.

– Насколько я понял, ваш отец живет уединенно.

– Жил. Неделю назад он был найден мертвым у себя в кабинете. За три дня до его смерти мы все собрались в Веберли Хаусе. Такого не случилось уже много лет.

– Почему?

– Мы слишком разные люди и, не будь у нас общих родителей, никогда бы в жизни не познакомились бы друг с другом. Гарри – это циничный, холодный, расчетливый ум. Он нравственно, может быть, и чистоплотен, но от его чистоплотности разит крещенским холодом. Тони – святой или почти святой. И почти еще подросток. Тихий, с затаенной страстной мечтой о царстве всеобщего счастья. Я же, извольте видеть, джентльмены, слишком офицер по натуре. Хотя и принужден был обстоятельствами выйти из полка. Я более других унаследовал отцовский характер. Карты, дуэли, веселые женщины – вот мой мир. Однако я все еще льщу себе надеждой, что душа моя не полностью, не окончательно погрязла, что осталось в ней хотя бы одно светлое пятнышко!

В глазу у мистера Блэккленера сверкнула самая настоящая слеза. Рука потянулась к бокалу, но была с мягкой решительностью, перехвачена рукою Холмса:

– Кто еще, кроме вас четверых, на момент смерти находился в доме?

Мистер Блэкклинер шмыгнул носом, овладевая собой.

– Постоянно жила при нем мисс Линдсей. Впрочем, не при нем, это я преувеличил. Она дальняя родственница нашей матушки, попала к нам в дом в возрасте уже примерно четырнадцати лет. У нас не было принято об этом говорить, но, предполагаю, Элизабет (таково ее имя) пришлось много претерпеть в прошлом. Теперь это привлекательная девушка. Весьма и весьма привлекательная. Три года назад, когда я в последний раз навещал Веберли Хаус, она была еще ребенком, настоящим ребенком. По манерам, по взглядам на жизнь. И, поверьте, я не хвастаюсь, она увлеклась мною, еще довольно молодым бравым офицером. По понятным причинам, роман между нами был невозможен. Она писала мне. Я уехал. Теперь же, у меня открылись глаза, джентльмены. Какая красавица! И тут же в моем сердце вспыхнула ревность, я-то уж знал характер отца. В старости он только усугубился.

Не мог он оставить без внимания такой цветок, растущий в собственном саду.

– Хорошего же вы мнения о своем отце! – не удержался доктор.

– О, поверьте, таким подозрением его образ не оскорбишь. Грязное, сладострастное животное – вот его самая мягкая характеристика.

– Что же вы предприняли?

– Что я мог предпринять, мистер Холмс! Ревность сжигала меня. Я попытался поговорить с Элизабет, уповая на наши старинные, пусть и вполне эфемерные, отношения. У меня ничего не получилось, она была молчаливее камня. Я бродил по дому, пил в одиночестве.

– Понятно. Что же привело в Веберли Хаус вашего среднего брата Гарри? Ведь он тоже, насколько я понял, не жаловал семейное гнездышко.

Сэр Эндрю оторвал взгляд от полуопустошенного бокала и вздохнул.

– Думаю, всему виной деньги. Он скрытен, мой брат Гарри. Но не может скрыть того, что презирует меня как натуру пошлую и крикливую. Считает меня ничтожеством. Но я сумел кое-что разведать о его трудностях. Будучи сверхъестественно щепетильным в своих делах, он умудрился попасть в жесточайшую финансовую зависимость. Причем от дамы. Ему требовались две с половиной тысячи фунтов на проведение какого-то очень важного опыта. Опыт этот должен был увенчаться грандиозным успехом, который прославил бы Гарри среди всех европейских физиков. А может, еще и химиков. Но опыт не совсем получился или даже совсем не получился. Дама, дававшая деньги, влюблена в Гарри до безумия, но одновременно очень деликатно влюблена. Она, конечно, ни за что не хочет принять эти деньги обратно. Гарри же, убежден, что должен их вернуть во что бы то ни стало. Денег у него нет, потому что нет славы. Есть один способ списать долг – жениться. Но это невозможно. Даму он не любит. К тому же думает, что деньги она ему давала не из любви к нему, а из любви к науке. Он боится, что рухнет образ кристально честного и чистого Гарри, великого ученого.

– А у покойного были такие деньги?

– Да, мистер Холмс, были. Ровно три тысячи фунтов. Более того, как раз в такую сумму исчислялась доля наследства нашего Гарри, по завещанию нашей матушки. Я свою долю давно спустил. Гарри прежде своей доли не требовал, по все тем же щепетильным соображениям. А тут, видимо, поборол гордыню и явился за деньгами. Но выяснилось, что отец давно уже все пустил по ветру, и его долю, и долю Тони, не говоря уж о том, что причиталось лично ему. Остались три тысячи, но они были обещаны мисс Линдсей, в случае согласия выйти за старика замуж. Она же не спешила с этим согласием, равно как и с отказом, чем разрывала мое сердце. Что-то она выгадывала и взвешивала. Куда-то девался весь ее прежний романтизм, на его месте обнаружился весьма твердый и зрелый характер.

Холмс не торопясь отрезал кусок ростбифа.

Сэр Эндрю вытирал обильно выступивший пот.

Ватсон сурово заметил:

– Если исходить из рассказанного вами, то и у вас, и у вашего брата Гарри были весомые основания убить мистера Блэккленера.

Отставной офицер грубо скомкал платок и резко приблизил лоснящееся лицо к щеке доктора:

– Вы правы, сэр, были. Скажу больше, не раз в моих горячечных видениях такая возможность соблазнительно рисовалась мне. Но я ни на секунду не рассматривал ее как реальную! Верьте мне, джентльмены, верьте!

Сыщик тщательно прожевал кусок мяса, потом так же тщательно промокнул губы салфеткой.

– А что вы скажете о вашем третьем брате?

– Тони? В том смысле, что вы спрашиваете, годится ли Тони в убийцы? Просто смешно! Мне даже немного неловко слышать от вас этот вопрос, мистер Холмс.

– Тем не менее расскажите, почему ваш младший брат вдруг приехал из своей церковной школы? Ведь он приехал внезапно?

– Нет. Хотя и посреди семестра, но причина была: отец, прекратил платить за его обучение.

– Из скупости?

Сэр Эндрю вздохнул. Чувствовалось, что он не любит прижимистых людей.

– Отец был скуп, но не до такой степени. На свои грязные развлечения он тратил деньги без счета. На выпивку, на подарки своим прачкам и забеременевшим крестьянкам. Я думаю, ему перестало нравиться то, как глубоко Тони увлекся богословием. Отец, надо вам заметить, считал все священническое племя ханжами, готовыми ради денег на любой обман. А тут у Тони появился какой-то духовный покровитель, отец Копстол, вы, верно, слышали о нем. Тони все более и более подпадал под его влияние. Причем, насколько я понял, влияние это было не совсем обычное. Отец Копстол и не протестант, и не католик. Затеял что-то вроде собственной церкви. Тони решил присоединиться к ней, порвать с миром и всякое такое.

– Мистер Блэкклинер был против?

– Он и в школу не хотел его посылать, это матушка настояла. А тут он почувствовал, что теряет Тони. Он был к нему своеобразно привязан, ценил его чистое сердце. Кажется, Тони тоже испытывал к отцу странную нежность. Не то что мы с Гарри.

– Одним словом, вы не можете вообразить, чтобы ваш младший брат мог поднять руку на вашего отца?

Сэр Эндрю решительно замотал головой.

– Нет, нет и нет. Должны же быть какие-то безусловные ценности в нашем сумасшедшем мире! Человек с такой душой, как у Тони, неспособен обидеть даже неодушевленный предмет, не то что отца. Их ведь даже звали одинаково, вы заметили?

– А что еще известно об этом Копстоле? – поинтересовался Ватсон.

– Довольно известный деятель англокатолического движения. Можно сказать, скандально известный. Проповедник полного бесребреничества и особых моральных строгостей. У него несколько сотен персональных последователей. Видимо, молодой Энтони один из них.

Сэр Эндрю сделал хороший глоток джина и подтвердил:

– Да, мистер Холмс, это так.

– Насколько я понимаю, полагающаяся ему часть наследства не была истрачена?

– Какие-то две сотни фунтов. На учебу.

Холмс взял за талию свой бокал и задумчиво поднес ко рту. Перед тем как выпить, заметил:

– Ранее, я полагаю, Тони не проявлял большого интереса к деньгам.

– Они были ему безразличны.

– Теперь, перед вступлением в братство, они ему срочно понадобились. Думаю, Тони написал отцу с требованием своей доли. Тот, будучи человеком крутого нрава и ненавидя все церкви этого мира, не только не дал ему большого, но и отказал в малом.

На лице сэра Эндрю изобразились ошарашенность и восхищение.

Холмс поставил стакан на стол с видом сожаления, что ему приходится быть столь проницательным.

– А теперь вот что, сэр Эндрю, скажите нам, почему вы прибегаете к таким мерам предосторожности? Кого и чего вы боитесь?

Мистер Блэкклинер, словно вспомнив об ужасе своего положения, опасливо оглянулся.

– Поверьте, я человек не робкой дюжины. Неплохо стреляю. Я ушел из полка не по своей воле. Карточная история. Вина моя не была доказана, но... в общем, я не тот, кто трепещет при первой опасности, но опасности, так сказать, понятной, привычной.

Голос говорящего понизился.

– В этой истории, джентльмены, мы имеем дело с опасностью особенной. Когда вы узнаете, как именно погиб мой отец, вы поймете меня лучше. Инспектор Лестрейд...

– Он уже побывал там?

– Да, мистер Холмс. Я человек законопослушный, сразу же обратился к властям. Ни местный констебль, ни полицейские из Винчестера, ни инспектора из Скотланд Ярда ничего не смогли прояснить в этом деле. Лестрейд просто-таки бежал из Веберли Хауса, он признал свое поражение, посоветовал мне уехать в Лондон и сменить облик. А также мне посоветовал об-

ратиться к вам. Он сказал, что такие загадки по зубам только одному человеку. И вот я перед вами, в измененном облике. Сам не знаю, чего я боюсь, но боюсь очень.

Медленно вытащив салфетку из жилетного выреза, Холмс произнес:

– Лестрейд болван, но не трус.

Сэр Эндрю почему-то обиделся.

– Ну, знаете, он мне даже болваном не показался. Такой дотошный, въедливый. Во все вник, ничего не упустил. Громадный опыт. У него было не менее шести версий. Только отказавшись от последней версии, он сказал, что ему страшно.

– Расскажите мне, как был убит ваш отец.

– Инспектор посоветовал мне не делать этого, он сказал, что рассказ не даст всей картины или, что гораздо хуже, исказит ее. Вам лучше поскорее выехать на место преступления.

Ватсон посмотрел на своего друга. Холмс думал. Тогда доктор обратился к сэру Эндрю:

– Скажите, а вас ни на какие мысли не наводит название компании «Кимберли и Китченер»?

Мистер Блэкклинер равнодушно пожал плечами. Значительно интереснее было в этот момент смотреть на лицо великого сыщика, по нему пробежали две-три весьма выразительных гримасы. Сказал же он всего лишь следующее:

– Мы выезжаем завтра, первым поездом. Встречаемся у меня дома, где-нибудь в половине восьмого.

Сэр Эндрю смущенно улыбнулся:

– Мне не хотелось бы показаться странным, но я бы мечтал провести эту ночь не в одиночестве.

– Чего проще, – усмехнулся сыщик, – в Лондоне три сотни публичных домов.

– Вы меня неправильно поняли. Я бы хотел бы провести ее поблизости от кого-нибудь из вас, джентльмены. Этот Лестрейд нагнал на меня такого страху.

Холмс посмотрел на Ватсона. Тот отрицательно дернул усиками.

– Сегодня мы с миссис Ватсон идем в театр. Как всегда по пятницам.

– Нет-нет, театр это не то место, где я мог бы чувствовать себя спокойно!

– Ладно, диван в моем кабинете вас устроит?

– О, да.

Доктор Ватсон явился в дом своего друга на два часа раньше условленного времени.

– Что с вами?

Холмс сидел в гостиной, курил и, видимо, думал. Рядом с его креслом на полу, на коленях, и на столе лежали газеты. Опять, машинально отметил доктор, но ему сейчас было не до газет.

– Я был вчера в театре, Холмс, – зловещим тоном сообщил Ватсон.

– Что же давали?

– Это не важно, тем более что мы с миссис Ватсон не были в зале.

– Почему?

– Нам пришлось задержаться в буфете.

– Иногда это случается, – усмехнулся Холмс, – хотя, странно. В вас я раньше не замечал буфетных наклонностей. К тому же вы были в обществе супруги.

Ватсон обошел стол, держа котелок по-офицерски, на сгибе руки.

– Вы тотчас перестанете иронизировать, когда я вам сообщу, что я в этом буфете увидел.

– Уже перестал, рассказывайте.

– Я заказал миссис Ватсон стакан лимонада. – Доктор выразительно посмотрел на своего друга. – Пока мы ждали заказ я невольно начал рассматривать посетителей. И за одним из столиков, в компании шумно веселящихся джентльменов... – последовала выразительная пауза.

Холмс выпустил вопросительный клуб дыма.

– Я увидел Ройлата.

– То есть?

– Разумеется, вы не хуже меня помните то дело о девушках-близнецах, отчине-чудовище и ядовитой змее.

– Еще лучше я помню ваш замечательный рассказ «Пестрая лента», мой друг.

– Сейчас речь не о рассказе, а о его герое. Я глазам своим не поверил. Это был он! Я великолепно его запомнил. Его бешеный нрав, его отвратительную физиономию, сиплый голос. Это был он!

Лицо Холмса застыло. Веки опустились. Задумчивость поглотила великого сыщика.

– Вы же видели его мертвым. Он умер от укуса змеи. В театре вы встретили человека, который сильно похож на того Ройлата. Такое случается. Не исключено, что у каждого из нас где-нибудь на планете имеется двойник.

Ватсон убежденно покачал головой:

– Это был он, погибший Ройлат!

– На чем строится ваше убеждение? Вы заговорили с ним? Спросили, как его здоровье после пребывания на том свете?

– Я не решился. На меня напало непонятное, а впрочем, вполне понятное оцепенение. Я только смотрел на него и старался, чтобы миссис Ватсон не заметила моего состояния. Но, уверяю вас, мои чувства не могли меня обмануть.

– Смею заметить, они нас обманывают чаще, чем что-либо другое. Методы холодного рассудка надежнее.

– Вы говорили мне об этом много раз и много раз доказывали мне справедливость ваших слов. Но сейчас я дальше, чем когда-либо, от того, чтобы верить в эту теорию.

Лицо доктора сделалось растерянно-задумчивым.

Холмс выдохнул еще одно витиеватое облако.

– Оставим на время теорию. Какие практические шаги вы предприняли в этой ситуации?

– Какие там шаги! Я был не в состоянии подняться с места. Компания, в которой пьянствовал Ройлат, встала из-за стола и, вульгарно балагурия, удалась. Мне пришлось отвернуться, чтобы он случайно меня не узнал.

Сыщик усмехнулся одними глазами.

– И это все?

– Конечно, нет. Я поинтересовался у официанта, наконец принесшего лимонад, кто этот человек, известный мне по имени Ройлат.

– Он вам ответил, что это никакой не Ройлат, – убежденно заявил Холмс.

– Да, – вздохнул доктор, – он сказал, что это провинциальный актер, кажется, из Бристоля недавно прибыл. Добряк и выпивоха. Имени его он не запомнил.

Холмс медленно переменял свою позу.

– Вам показалось этого недостаточно?

– Ни в малой степени. Скажу больше, эти слова ничуть не поколебали меня в уверенности, что я видел именно Рой-лата.

– Вы становитесь на опасную дорожку, Ватсон, и как врач должны понимать, насколько это тревожно, когда ваши ощущения начинают столь упорно сопротивляться очевидным и безусловным фактам. Вам говорят, что перед вами живой актер, а ваши чувства уверяют вас, что это мертвый сквайр. Очень странно.

Доктор яростно потер глаза, словно стараясь удалить туман, застилающий их.

– Друг мой, нам предстоит распутывание чрезвычайно сложного дела, для этого потребуются все наши силы, не станем их распылять. Тем более что для этого нет никаких оснований.

– Возможно, вы правы. Что я говорю! Вы безусловно правы. Но мне...

– Понимаю, вам до конца хочется рассеять недоразумение.

– Да.

Холмс вытащил из жилетного кармана часы.

– У нас есть немного времени до отхода поезда. По дороге на вокзал мы заедем в театр, это по пути.

Ватсон радостно вскочил, но тут же лицо его вновь стало озабоченным.

– У вас опять возникло какое-то чувство?

– Извините меня, Холмс. Мое преклонение перед вашим даром... Но откуда вы знаете, в каком театре мы были вчера с миссис Ватсон? Ведь я вам этого не говорил, ни вчера, ни сегодня.

Холмс пожал плечами:

– Не знаю.

– Не знаете? – в голосе Ватсона было и удивление, и смущение.

– Пока не знаю. Впрочем, давайте разберемся. Для начала, скажем, что я знаю лондонские театры, в частности мне известно в буфетах каких из них приняты актерские сборища. Я знаю также, в труппу какого театра ни за что не будет принят пожилой провинциал. К тому же, если вы обратили внимание, мое жилище завалено газетами. Половина из них печатает театральные объявления. Кое-что из них само собой осело у меня в голове. Плюс ко всему, я знаю ваши вкусы, вкусы миссис Ватсон. Стало быть, мне не трудно сообразить, на какой спектакль вы ни в коем случае не пойдете. Все эти сведения, сопоставившись, сами собой родили вывод – вчера вы с женою были в театре «Савой» с намерением посмотреть «Идиллию старых огней», постановка в славной манере Гилберта и Салливана.

– Правильно, – улыбнулся доктор.

Холмс сбросил халат на спинку кресла и облачился в серый сюртук. Поправляя манжеты, он продолжил лекцию.

– Работу мозга по дедуктивному методу часто путают с рассказом об этой работе. Мозг не механизм, нет никакого тупого арифметического сложения фактов и наблюдений. Часы напряженной работы, часто с ощущением того, что топчешься на месте, и вдруг – озарение. Разгадка сама падает на ладонь, как яблоко.

– Вы вновь и вновь поражаете меня, Холмс. Стоит мне подумать, что я близок к постижению вашего характера, как вы в очередной раз меня поражаете.

– Оставим это. Едемте в театр.

– А как же наш, э-э, мистер Блэкклинер?

– Он еще спит. Мы разработали специальный план. Он придет на вокзал в отдельном кэбе. Так безопаснее.

– Вы считаете, что ему и в самом деле есть чего бояться?

– Я принимаю меры не против опасности, но против его страха.

В театре в этот ранний час они не застали ни актеров, ни оркестрантов. Сонный служитель долго не мог понять, чего

от него хотят эти двое джентльменов. Ватсон совершил три попытки растормошить его похмельную память. Он описывал Ройлата ярко, потом тщательно и, наконец, нервно.

Тщетно.

Холмсу это удалось сделать при помощи одной гиней.

– Вам нужно поговорить с мистером Харрисом, – выдал наконец театральный привратник.

– Кто это?

– Управляющий трупной.

– Как же мы его найдем?

– Вот он.

Действительно, в вестибюле появился пузатый, лысый человек в замызганном цветном жилете, заметно поношенном сюртуке и с потухшей сигарой в углу рта.

– Мистер Харрис?

Под кустистой бровью поднялось тяжелое веко:

– Слушаю вас.

Ватсон в четвертый раз описал свое видение. Он еще не закончил говорить, а управляющий уже вытащил двумя нечистыми пальцами сложенный листок бумаги из внутреннего кармана.

– Вам нужен этот пройдоха Бриджесс.

– Вы узнали его по моему описанию?

– Вы так выпукло очертили его отвратный облик, как будто вы сам Стивенсон.

Доктор покраснел. Холмс спросил:

– Что это за листок?

– Письмо этого негодяя Бриджесса.

– Что он пишет?

– В письме мошенник сообщает, что покидает трупную, покидает сцену, Лондон и направляется, насколько я могу судить, к чертовой матери.

– Причина?

– Если бы была причина, этот умник все равно ее бы скрыл.

– А откуда он появился у вас?

– Откуда-то из провинции. Я не забиваю голову пустяками, джентльмены.

– Он был мастером своего дела? Я имею в виду, он был хорошим актером?

– Он был мастером выпить и поест, и умельцем отвертеться от платы за еду и питье.

Холмс повернулся к доктору:

– Вы удовлетворены?

По лицу Ватсона было видно, что не совсем. Сзади раздалось хрипкое покашливание. Мистер Харрис сказал:

– Если вы хотите узнать об этом бездельнике что-нибудь сверх того, что сообщил вам я, обратитесь к газетам.

– Газетам? – резко обернулся доктор.

Управляющий труппой вытащил из кармана номер «Ивнинг Пост».

– Вот здесь, вот в этой колонке, мелким шрифтом.

Ватсон взял газету и прочел:

– В половине двенадцатого... под колесами поезда... вокзал Ватерлоо... на части... документы... Том Бриджесс.

Холмс тоже пробежал заметку глазами. Посмотрел на потрясенного друга. Посмотрел на часы:

– Нам пора, Ватсон.

– А? – не без труда очнулся тот.

– Нам пора!

– Куда?

– На вокзал.

Мистер Харрис то ли чихнул, то ли прыснул со смеху. Впрочем, друзьям было не до него.

Уже почти полностью стемнело, когда коляска с тремя пассажирами выехала из букового леса и, шелестя резиновыми шинами по мелкой сентябрьской грязи, подкатила к воротам Веберли Хауса. Ворота были заперты. Высокие, оббитые металлическими полосами, наводившие на мысль, что дом действительно крепость. В небольшой привратничке, справа от ворот, тускло светилось маленькое квадратное оконце.

Сэр Эндрю, за что-то извинившись, тяжело спрыгнул на землю и с медлительностью, напоминавшей опаску, подошел к этому окошку. Осторожно постучал в него согнутым пальцем и позвал неуверенным голосом:

– Яков, а, Яков!

– Знаете, Ватсон, я предвижу, что это дело будет не так-то легко распутать, – без всякой связи с происходящим произнес Холмс.

Доктор деликатно промолчал, у него не было пока никакого мнения.

– Яков, где ты там, надо бы войти! – выкрикнул сэр Эндрю.

– Не исключено также, что это будет мое последнее дело, – заметил Холмс.

Наконец этот самый Яков появился. Высокий, худой, горбатящийся, с обширными распушенными баками. Свет, падавший сзади из окна, таинственно подсветил их. Привратник показался вдруг фигурой значительной. Что-то бормоча себе под нос, он отпер ворота. (Английские слуги бормочут себе под нос обычно то, что они думают о своих господах.)

Сэр Эндрю, тяжело дыша, уселся на свое место. Обращаясь почему-то только к доктору, он сказал:

– Не подумайте ничего такого, джентльмены. Яков славный парень. Очень, очень тонко чувствующая натура. Все принимает близко к сердцу. Большое пристрастие к литературе, его не раз видели рыдающим над книгой. Но, жаль, – избалован отцом.

– Что вы имеете в виду?

– Уж не знаю почему, но Яков всегда был ему особенно любезен. Может быть, из-за болезненности своей. Да-а, у него ведь бывают эпилептические припадки. Его положение в доме всегда было совершенно незыблемым. Подозреваю, что Яков оказывал родителю услуги в его приключениях по женской части. Он ведь не только привратник, но и садовник. Все ключи от потайных калиток у него. Он отчасти и винным погребом ведает, хотя сам и капли в рот не возьмет.

– Может, именно поэтому? – предположил Холмс.

Они ехали по липовой аллее, и было полное впечатление, что это сырой подземный ход.

– Сказать по правде, мистер Блэкклинер, я был удивлен, увидев этот глухой забор. Такое ведь не часто встретишь в этой части Англии.

– Да, мистер Ватсон, редко. Это все отец. Я вам уже говорил об особенностях его характера. Он умудрялся, при всем своем женолюбии, оставаться очень замкнутым человеком. Может быть, он боялся мести, а может, хранил какую-то тайну...

Коляска, хрустя крупным песком, круто вывернула из липового тоннеля и подкатила к парадному крыльцу. Дом смутно вырисовывался в толще тумана. Трехэтажное массивное здание с белыми оконными переплетами.

На крыльце стоял невысокий, плотный мужчина. Даже в темноте было видно, до какой степени этот человек лыс. Он кутался в клетчатый плед, в правой руке держал большой стеклянный фонарь.

– Ну вот, джентльмены, – с непонятным облегчением сказал сэр Эндрю, – добро пожаловать. Человек с фонарем, – это Эвертон, дворецкий. Пять поколений в доме и все такое. Прислуги у нас тут немного, да и та проходящая. Из деревни, которую мы проезжали. Гринхилл, кажется. Эвертон первым обнаружил, что с отцом что-то неладно.

Холмс прямо на крыльце провел первый допрос.

– Итак, вы первый кто увидел труп?

– Не совсем так, сэр. – Голос из массивной головы, влажной от ночного тумана, шел на удивление тонкий, почти писклявый.

– Поясните.

– Как всегда в шесть часов я принес милорду его чай. Он не ответил на мой стук. Я стучу особенным образом, милорд прекрасно его знает. Я постучал еще раз, громче. Никакого ответа. Тогда я нажал на ручку двери. Она была заперта. Меня это насторожило, у милорда не было обыкновения запираť дверь кабинета изнутри. Кроме известных случаев. То был неизвестный случай.

– Вы имеете в виду визит женщины?

Дворецкий потупился и деликатно отвел взгляд.

– Проводите нас туда, – попросил Холмс.

Кабинет располагался на втором этаже. Вдоль широкой, застланной ковром лестницы ступенчато висели темные пор-

треты былых владельцев Веберли Хауса. На площадке, меж этажами, в эту благородную когорту вдруг влезла громадная кабанья морда. Ничего не сказав по поводу людей, Эвертон счел необходимым объясниться по поводу животного:

– Охотничий трофей милорда.

Далее опять шли портреты.

Когда поднялись на второй этаж, Эвертон кивнул влево:

– В той части коридора комнаты сэра Гарри и сэра Энтона.

– Мне хотелось бы поговорить с ними немедленно, – сказал сыщик.

– Боюсь, это невозможно, сэр. Сэр Энтони уже лег. Он всегда ходит к заутрене и поэтому ложится засветло. А Сэр Гарри еще не встал, он работает до рассвета и спит, пока не стемнеет.

– Судя по тому, что вы говорите, вы никогда не собираетесь все вместе?

– В каждой семье свои странности, – с достоинством заметил сэр Эндрю.

Переложив фонарь из правой руки в левую, Эвертон нажал ручку двери и произнес торжественно и скорбно:

– Кабинет милорда, джентльмены.

Кабинет как кабинет. Фонарь, поставленный на письменный стол между бронзовым подсвечником и сандаловой папиросницей, едва добрался своим бледноватым светом до окраин помещения. Давало знать о себе золото на книжных корешках в шкафу до потолка. Голая статуя, венчавшая полуколонну в углу у окна.

– Кто же первым увидел труп?

Сэр Эндрю задумчиво выпятил губы и признался:

– Трудно ответить на ваш вопрос со всей точностью. Эвертон, обнаружив, что дверь кабинета заперта изнутри, позвал меня. Затем на звук наших голосов вышли Гарри и Тони. Пришел Яков с инструментами. Когда он взломал замок, мы все вместе вошли внутрь.

– Что же вы увидели?

У сына убитого перехватило горло, дворецкий пришел ему на помощь:

– Милорд лежал здесь, на ковре, на левом боку. В правом виске у него была дыра.

– Дыра?

– Точнее сказать, дырочка, сэр. Как от пули.

– Кто обнаружил пистолет?

– Пистолета нигде не было. Мы все осмотрели внимательнейшим образом.

– Кто-нибудь мог его незаметно вынести?

– Исключено, – вступил в разговор сэр Эндрю, – никто не выходил, пока мы не завершили поиски.

– Хорошо. Окна?

– Окна? Ах, да! Окна были закрыты на все шпингалеты, портьеры были опущены, как сейчас. Отец боялся сквозняков.

Холмс подошел к холодному камину и заглянул в него.

– Мы тоже подумали о дымоходе, мистер Холмс, – встал сэр Эндрю. – Но там толстая решетка на высоте четырех футов. В старину так часто делали. Через нее даже утке не влететь.

Холмс выпрямился.

– Дверь была заперта изнутри на ключ?

– Не только на ключ, но и на задвижку. Яков очень ругался, когда все это пришлось расковыривать.

– И вы вызвали полицию?

Сэр Эндрю кивнул:

– Немедленно. Сначала деревенского констебля. Еще до того как он прибыл, Гарри посоветовал телеграфировать в Лондон, в Скотланд Ярд. Мы не стали прикасаться к телу. И послали за местным врачом, мистером Бредли.

– Это тот пожилой господин с рассеченной губой и в пенсне, что стоит у меня за спиной?

Толстяк-доктор вошел в кабинет, виновато при этом покашливая. Холмс тут же обратился к нему, не давая присутствующим тратить время на восхищение своей проницательностью:

– Что показало вскрытие, мистер Бредли?

Толстяк тщательно поправил пенсне и важно сообщил:

– Повреждения были весьма характерными. Мне приходилось сталкиваться с подобным. Я был полковым хирургом в действующей армии.

– Лет двадцать назад?

Снова возня с пенсне.

– Откуда вы знаете?

– Извините, но сейчас в вашем облике нет ничего такого, что напоминало бы о действующей армии. Не обижайтесь и скажите мне лучше, из чего был, по вашему мнению, произведен выстрел?

– Надо думать, из пистолета, не самого большого калибра. Точнее сказать трудно.

– С какого расстояния?

– Кожа вокруг отверстия не опалена. На самоубийство это непохоже. Нисколько непохоже.

– Выводы буду делать я. На своем веку я видел столько самоубийств, ничуть на самоубийство непохожих при первом осмотре...

– Извините. Стреляли ярдов с двенадцати-пятнадцати.

Холмс оглядел кабинет.

– От того места, где лежит тело до любой стены не более шести-семи ярдов.

– Но вы еще не знаете самого главного, – тоном плохо скрываемого превосходства заметил доктор.

– Слушаю вас.

– Я не нашел пули.

– Не понимаю.

– В черепе милорда не было пули. Была дыра в голове, была смерть, но не было пули.

Наступило напряженное молчание. Все ждали, как отреагирует великий сыщик на это сенсационное сообщение. Ватсон, например, в глубине души надеялся, что его друг небрежно махнет рукой и своим простым, естественным объяснением сгонит скептические гримасы с этих физиономий.

Холмс молчал.

Ватсону пришлось говорить самому:

– Вы не могли ошибиться, коллега?

Доктор Бредли снисходительно улыбнулся и не счел нужным отвечать.

– Может быть, кто-нибудь еще до того, как вы здесь появились...

Толстяк объяснил:

– Из такой раны невозможно извлечь пулю, не разворотив полчерепа. Даже если бы здесь чудом оказался сам мистер Герфинг со своими новейшими зондами, то и в этом случае остались бы очевиднейшие следы. Пуля была в голове милорда, как в сейфе.

– Кто присутствовал при вскрытии?

– Обычный состав. Впрочем, есть протокол. Учитывая необычность случая, я позаботился обо всех, даже самых мелких, формальностях. Сверх всего – инспектор.

– Лестрейд? – подал голос Холмс.

– Он все время был при мне. Ему так не терпелось получить пулю, что он сам порывался взяться за пинцет.

Ответ можно было считать исчерпывающим.

Опять наступило тягостное молчание. Случившееся проглядывалось в свете сказанного, еще хуже, чем интерьер кабинета в свете фонаря.

– Любопытно, – пробормотал великий сыщик, – труп человека в запертом изнутри, наглухо зашторенном кабинете и без пули в голове. Любопытно.

– Не столько любопытно, сколько страшно.

Все обернулись. В дверях стоял высокий, чрезвычайно горбоносый человек в длинном атласном халате.

– Мой брат Гарри, – прошептал сэр Эндрю.

– Да, Гарри Блэкклинер, если угодно, – высокомерно подтвердил тот.

– Здравствуйте, – скучным голосом сказал Холмс.

Ватсон молча коснулся кожаным пальцем тульи своего котелка.

– Вы называли эту историю любопытной, мистер э-э...

– Холмс, с вашего позволения.

– При чем здесь мое позволение? Здесь позволяю или запрещаю не я.

– Кто же?

Горбоносый обошел стол и опустился в отцовское, затаенно скрипнувшее кресло. Он стал похож на большую, недовольную жизнью птицу. Фонарь, стоявший рядом, бросал на его физиономию мертвецкий отсвет. На бледно-лоснящемся лбу билась напряженно изогнутая жилка. Во взгляде было что-то безумное. Когда бы не трагическая история, стоявшая за всем происходящим, это заявление прозвучало бы чуть театрально:

– Скажу только одно: смерть отца не последняя смерть в этом доме.

– Что вы имеете в виду? – спросил Холмс.

– О господи! – простонал доктор.

– Ты имеешь в виду Тони?! – крикнул сэр Эндрю.

С этими словами старший брат бросился к выходу, за ним Эвертон, далее два доктора. И наконец сорвался с места сам возмутитель скорбного спокойствия – средний брат.

Когда пристыженные спасители вернулись в кабинет в сопровождении разбуженного, но ничуть не убитого сэра Энтона, они не застали там Холмса.

– Где же он? – раздался чей-то недоумевающий голос. Никто на этот вопрос не ответил. Группу все еще возбужденно дышащих джентльменов окружила угрожающая тишина. Ватсон почувствовал, что по позвоночнику потекла медленная ледяная капля. Бредли схватился за ворот, чтобы облегчить жизнь своему полнокровию. Сэр Гарри раз за разом зачесывал растопыренной пятерней копну волос на затылок. На широком, скуластом лице юного Тони то вспыхивали, то гасли горящие ужасом глаза. Он, кстати, первым сориентировался в ситуации:

– А может, он у мисс Элизабет? Неужели что-то случилось с ней!?

Догадка была настолько очевидной, что группа братьев и докторов тут же снова пришла в движение. Вновь из кабинета в коридор, по лестнице на третий этаж, вдоль по тусклой полоске света к полуоткрытой двери.

– Мисс Элизабет занимает третий этаж, – торопливым шепотом пояснял на ходу сэр Эндрю бегущему рядом Ватсону, –

у нее большие способности к танцам, отец организовал там что-то вроде танцкласса. Нам запрещено было бывать там.

Эвертон, в последний момент вырвавшись вперед, распахнул перед джентльменами дверь.

Холмс стоял посреди дамского будуара и обнимал за плечи девушку с роскошными, распущенными по всей спине волосами. Она явно искала убежища на груди великого сыщика. Объятие было вполне джентльменским, хотя и плотным. При этом Холмс отчетливо шептал в копну великолепных волос:

– Плачьте, плачьте! Надо поплакать!

Переполненные вопросами джентльмены застыли подле неожиданной пары. Холмс, не давая их вопросам оформиться, сам начал говорить:

– Когда все бросились спасать юного сэра Тони, я подумал, что кто-то должен позаботиться и о мисс Элизабет. Я нашел ее в состоянии сильнейшего испуга. Узнав, что я не убийца, а наоборот, сыщик, она, в порыве облегчения, бросилась мне на грудь. Вам надо поплакать, дитя мое, и напряжение спадет. Я правильно представляю нервную конструкцию женщины, доктор?

– Да, – одновременно ответили Бредли и Ватсон.

Плечи под валом волос затряслись.

– Вот и славно, – сказал Холмс и погладил левое плечо дамы. – А теперь, я думаю, нет никаких препятствий к тому, чтобы все удалились. Для того чтобы расспросить мисс о ее страхах, одного мужчины вполне достаточно.

Ватсон ассистентски покашлял, выясняя, относится ли пожелание к нему тоже. Оказывается, относилось. Впрочем, действия друга показались ему разумными. Перекрестный допрос в полночь – это, пожалуй, слишком для нервов впечатлительной девицы.

Когда группа молчаливых мужчин спускалась по лестнице в толщу тихих сомнений, сэр Эндрю вдруг несообразно весело спросил:

– А что бы вы сказали, господа, о хорошем куске холодной телятины и стакане доброй мадеры? По-моему, мы заслужили нечто в этом роде.

– Слушаюсь, сэр, – пропищал Эвертон.

На следующее утро, после завтрака, Ватсон, как и было заранее условлено, вышел в редкую дубовую рощицу, замершую над темным овальным прудом в тылу Веберли Хауса. Петляя меж бесшумных, прохладных деревьев, песчаная тропинка сбегала к росистому берегу. Облака тумана медленно впутывались в разреженную толпу можжевельниковых кустов на том берегу, освобождая для сосредоточенного обозрения темное лоснящееся зеркало неподвижной воды.

Сколь английским было это утро!

Доктор поправил белый шарф и поднял воротник пальто. Вчерашняя телятина еще напоминала себя ломотой в висках и неприятным привкусом во рту.

Сзади раздались сочные шаги по влажному песку тропинки, и одновременно с этим звуком явился запах табачного дыма.

– Доброе утро, Ватсон.

– Доброе, но промозглое.

Холмс заинтересованно огляделся:

– Да? Возможно. Знаете, над чем я размышлял, идя сюда?

– Даже не пытаюсь гадать.

– Правильно, не надо. Я думал над тем, с чего бы следовало начать описание этого дела. Писательское чутье вам что-нибудь уже подсказывает? Не начать ли с этого пруда? Как он таинственен. Смотрите, туманный занавес снова закрывается. Роскошно!

– Вы полезно побеседовали с девушкой?

– Скорее приятно, чем полезно. Она весьма мила, но разговор с нею не дал мне пищи для какой-нибудь стоящей версии. Может, у вас мелькнули трезвые мысли?

Ватсон нервно пожал зябкими плечами:

– Нет. Я даже приблизительно не могу себе представить причину смерти милорда. Пулевое ранение без пули – это ведь настоящий бред.

– Как раз это, дорогой друг, самая легкая из загадок. И я ее, как мне кажется, уже разгадал.

Недоверчивый, скошенный взгляд доктора.

– Да-да. Дело в том, что пуля была.

– Куда же она девалась?

– Растаяла.

– Если вам угодно шутить...

– Это была ледяная пуля. Если кусок льда непосредственно перед выстрелом вставить в патрон, то он поведет себя так же, как кусок свинца. А потом исчезнет.

– Но...

– И меня беспокоит это *НО*. В жизни всегда так. Одна разгадка задает десять новых загадок. Кто засунул лед в патрон? Почему сэр Энтони ждал, пока это будет сделано? Куда девался стрелок после выстрела? Где он хранил лед перед тем, как сделать из него пулю?

– И откуда лед в сентябре? Это ведь тоже загадка.

Холмс кивнул, пососал потухшую трубку.

– Как раз на эту тему у меня есть соображения.

– Говорите же!

– Если подпольные помещения Веберли Хауса достаточно глубоки, можно вспомнить, что некогда наши предки имели обыкновение забивать подвалы глыбами льда, вырубленными в замерзших водоемах, и хранили на них рыбу, мясо и овощи. Иногда все лето.

– Но реки в этих местах никогда серьезно не промерзают.

– Реки да, текучая вода. А вот пруды?

Ватсон совсем другими глазами посмотрел на водное чудо, лежащее у его ног.

– Что вы скажете о последней зиме?

– Моя практика выросла втрое против обычного. Сплошные бронхиты и обморожения у бедняков.

Холмс постучал трубкой по стволу ближайшего дуба.

– Остается выяснить, кто заведует подвальными кладовыми в этом симпатичном особняке. Впрочем, тут не придется долго ломать голову. Ставлю шиллинг против пенса, это наш милейший привратник Яков. Убежден, эта личность не так проста, как кажется.

– Да, пожалуй, я обратил внимание, как лебезит перед ним сэр Эндрю. Так не говорят со слугами.

– Браво, Ватсон, что вы еще заметили? Вчера и сегодня.

– Например, мне кажется, что братья Блэкклинеры очень мало похожи друг на друга.

– Ну, это было заявлено с самого начала. Один – бретер, картежник, второй – ученый, третий – почти святой.

– Я не о том, Холмс. Мне трудно представить, что все они родились от одного отца и одной матери.

– Что-то вы в последнее время ударились в физиогномику. Правда, не всегда ваши выводы основательны. Вспомните вашего Ройлата-Бриджесса.

Доктор чуть покраснел, но промолчал.

– Оставим это. Никакого отношения тот актер не имеет к нашему спектаклю. Что еще показалось вам странным?

Ватсон выпятил верхнюю губу, пережидая, пока схлынет обида. Холмс решил его подбодрить:

– С братьями Блэкклинерами вы, надо признать, правы. Трудно поверить, что это одна плоть и кровь. Но прихоти природы необыкновенны и бесконечны. Безусловное ближайшее родство этих трех людей – одна из таких прихотей.

Доктор принял извинения.

– Еще этот доктор Бредли, Холмс.

– Что же с ним?

– За завтраком, к которому вы не вышли, он вел себя странно. Не как врач.

– Что вы имеете в виду?

– Он отказался от овсянки и потребовал вчерашнего жаркого. После этого велел принести вина и выпил две бутылки хереса на протяжении каких-нибудь сорока минут. Какую несусветную чушь он нес при этом!

– Две бутылки хереса с утра могут замутить самый позитивистский разум.

– Мне представлялось, что врач должен быть осведомлен о том вреде, который может принести херес в таком количестве в такой ранний час.

– Он деревенский доктор, это даёт право на некоторые заблуждения. А потом, насколько я знаю, в клятве Гиппократов говорится об обязанностях врача по отношению к чужому здоровью, а не к своему. Скажите, вы когда-нибудь видели абсолютно здорового врача?

Ватсон пожал плечами:

– Помнится, даже Авиценну изводил колит.

Чтобы прекратить этот парад познаний, доктор решил слегка повернуть течение разговора:

– Мне показалось, что братья тяготятся обществом мистера Бредли.

– Думаю, не более, чем вы.

Доктор развел руками, показывая, что он все сказал.

– Теперь слушайте меня, Ватсон. Мне придется немедленно уехать.

– Как?!

– Я получил срочное послание от Майкрофта. Дело не терпит ни малейшего отлагательства. Меня не будет несколько дней. Не волнуйтесь, по моим расчетам, за это время не должно произойти ничего серьезного, опасения сэра Эндрю не оправдаются. Но будут происходить другие события, за ними вам надлежит следить внимательнейшим образом. Лучше, если вы станете записывать свои наблюдения. И как можно подробнее. Особенно присматривайтесь к Якову. Мне кажется, он способен привести нас к разгадке.

– Вы убываете немедленно?

– Да. Не волнуйтесь и ведите дневник. Белая бумага надежнее сохраняет наши наблюдения, чем серое вещество мозга.

Часть вторая

«Надобно сделать замечание об общей атмосфере Веберли Хауса. Она слишком необычна, чтобы оставить ее без внимания. С чем бы ее можно было сравнить? Прежде всего приходит на ум корабль, капитан коего отсутствует по болезни или смерти. Корабль еще движется прежним курсом, но в сердцах пассажиров уже поселилось подозрение, что в самом скором времени им придется полететь в тартарары.

Что в такой обстановке выступает на первый план? – падение нравов и ослабление чувства приличия. Увеличивается потребление алкоголя, возникает словесная несдержанность. Я имею несчастливую и неприятную возможность наблюдать

вышеназванные проявления. Пьяны все, и с самого утра. Некоторые даже перестали переодеваться к приему пищи, что я считаю верхом невоспитанности, если учесть, что за стол садятся не только родственники, но и гости.

Несдержанность словесная также производит удручающее впечатление. Я всегда подозревал, что английского аристократа, как и всякого человека, иной раз терзает искушение употребить крепкое словцо или соленое выражение. Но я смущен тем, с какой охотой братья Блэкклинер, не исключая даже юного сэра Тони, поддаются этому искушению. Меня, надо признать, они немного стесняются, но с течением времени все меньше и меньше.

Еще одно следствие тайной паники, живущей в сердцах обитателей Веберли Хауса, – расшатывание сословных границ. Конечно, смешно желать, чтобы добрые викторианские нравы сохранялись вечно в своей благородной незыблемости, однако вид их ветшания горек для британского сердца.

Дворецкий Эвертон с каждой встречей выказывает все меньше обходительности и подобающей выправки. Такое впечатление, что его тяготит роль, которую он отправляет в Веберли Хаусе. А ведь известно, что он представляет собой шестое поколение Эвертонов, живущее в доме. Трудно поверить, что действие тайного страха столь стремительно разрушает основания традиционного быта через порчу человеческой натуры. Я был невольным свидетелем того, как на просьбу сэра Гарри переменить остывший чайник и принести настоящего кипятку дворецкий дал такой комментарий, который я просто не решусь здесь привести. Смысл его заключался в том, что сам, мол, не хуже меня знаешь, где кухня. Сходи и вскипяти. Правда, следует заметить, что ни господин, ни слуга не видели меня, оставшегося за выступом буфетной стойки. Стоило мне обнаружить себя, как все встало на свои места. Или почти на свои. Сэр Гарри запахнулся в невидимую тогу отрешенного мыслителя, а Эвертон сделал вид, что ждет его повелений.

Так прошло три дня. 19, 20, 21 сентября. Ощущение некоего непорядка в доме все более усугублялось. Я завтракал, пил чай, обедал. Вечерами просиживал в библиотеке. Много гулял

по парку, по дому, пытаюсь проникнуть в секрет его атмосферы и приглядываясь ко всякому, даже самому ничтожному происшествию. Три дня обстановка была хоть и неприятной, но стабильной.

Какие-то события начали происходить 22-го.

Во время очередной прогулки по здешнему чрезмерно тенистому парку я старался держать в поле зрения сторожку Якова (как мне было рекомендовано). Неожиданно я увидел сэра Эндрю. При первом же взгляде на него стало ясно, что он не гуляет, а крадется. Начинало темнеть, и это сэра Эндрю, судя по всему, устраивало. Перебегая от одной древесной тени к другой, он удалялся все дальше от дома.

Надо ли говорить, что я насторожился.

Соблюдая все меры предосторожности, я последовал за ним. Сэр Эндрю все время оглядывался и прислушивался. Странность заключалась в том, что не далее часа назад, за обедом, он с самым серьезным видом сообщил мне, что остерегается выходить из дому, после того как начинает темнеть. «Но, может статься, опасность подстерегает вас внутри дома», – заметил я. Сэр Эндрю автоматически покрутил в руках опорожненную бутылку виски и так же автоматически ответил: «Может статься». В его тоне чувствовалась обреченность.

И вот он один, почти ночью бродит по парку.

Каково же было мое изумление, когда я понял, что является целью его путешествия.

Сторожка Якова!

Холмс прямо меня предупреждал, что этот привратник фигура очень важная в данном деле.

Сэр Эндрю, предварительно оглянувшись, постучал в деревянную дверь. Ответа не последовало. Он постучал вновь. Стук, насколько я могу судить, был условным, но не возымел действия. Тогда Сэр Эндрю встал на колени и что-то быстро забормotal в замочную скважину. Слов его было не разобрать, хотя я находился на расстоянии не более сорока футов.

Шепот оказался убедительнее стука. Дверь отворилась. Сэра Эндрю впустили. Тогда я на цыпочках подкрался к окошку и осторожно заглянул, да проститься мне моя нескромность.

Впрочем, она сродни нескромности скальпеля, вскрывающего абсцесс.

Картина моим глазам предстала удивительная. Сэр Эндрю стоял на коленях перед своим привратником, воздевал руки, потом бил ими себя в грудь, словом, обращался к Якову с настоятельной просьбой. Понять, о чем именно идет речь, было нельзя. Ясно только было, что о чем-то очень важном для сэра Эндрю. Ясно также было и то, что Яков не склонен идти ему навстречу. Он достал что-то из кармана, повертел перед носом хозяина, неприятно усмехнулся и издевательски покачал головой. Мол, ни за что не получишь.

Сэр Эндрю полез в карман своего сюртука, выгреб оттуда, судя по всему, горсть монет и попытался предложить ее Якову. Но тот не хотел идти на сделку. Некоторое время продолжался еще обмен взаимными упреками, наконец хозяин перешел к активным действиям. Он одним ловким движением выхватил из пальцев Якова чаемую вещицу и выскочил вон.

Что произошло в привратничкой дальше, сэр Эндрю не видел. А произошло вот что. Яков на мгновение застыл как громом пораженный, потом схватился руками за вырез своего шерстяного жилета и попытался разорвать его на груди. Не успел, руки перебросятся в область горла, и он стал оседать на пол.

Припадок, понял я и бросился к нему на помощь.

Когда я склонился над ним, взгляд его был бессмысленным, а на губах закипала пена. По телу прошла волна судорог. Надо было чем-то разжать челюсти и высвободить язык. Слава богу, у меня была с собою трость. Мне казалось, что он ее перекусит! Припадок был очень сильным, и если бы не своевременное вмешательство, можно предположить, что закончился бы он скверно.

Когда самое страшное миновало, я помог Якову перебраться на его ложе, покрытое серым суконным одеялом, дал ему напиться. Явилась у меня мысль разговорить его, я рассчитывал на естественное чувство благодарности в спасенном человеке, но мне пришлось отложить эти попытки. Привратник был не в состоянии беседовать. Я сходил в дом

за своим саквояжем, сделал несчастному успокаивающий укол и так, между прочим, сообщил ему, что, помимо медицинской практики, занимаюсь любительскими разысканиями по архитектурной части. В частности, меня интересуют подвалы старинных особняков. На осторожный вопрос, не может ли он мне помочь в моем интересе, то есть отворить нижние помещения дома, он горько усмехнулся: «Вам тоже нужен подвал?» Таковы были его слова. Он не захотел продолжать беседу на эту тему.

Интересно, кого он имел в виду? Кто еще кроме меня заинтересовался подвалами Веберли Хауса?

Яков лежал с закрытыми глазами и скорбным выражением на лице.

Чего от него добивался сэр Эндрю, я спрашивать остерегся.

Разыскав доктора Бредли, я попросил его присмотреть за больным, может быть, подыскать сиделку в деревеньке, ближайшей к Веберли Хаусу.

Какой можно было сделать вывод из всего случившегося?

Ситуация яснее не стала.

Мысль Холмса о том, что узел этого дела, возможно, находится в привратничке, получила косвенное подтверждение. Стало ясно также и то, что полагаться мне придется исключительно на свои силы. Сэр Эндрю, скорее всего, не так прост, как могло показаться в самом начале.

Итак, я пришел к решению собственноручно исследовать здешние подвалы.

И немедленно. Откладывать исследование до утра было невозможно. Слишком опасно! Но кто мог сказать, где в этом доме тебя подстерегает опасность.

Необходимо было некоторое снаряжение. Фонарь, свечи, ключи. За поисками всего этого меня и застал в буфетной дворецкий. Чтобы сгладить неприятное впечатление от своей возни (посторонний джентльмен в служебных помещениях дома – это не совсем нормально), мне пришлось сообщить ему свою архитектурную легенду. Он немедленно предложил мне помощь. Он был так любезен, что снарядил фонарь и отыскал

все необходимые ключи. «Особая связка, – сообщил он не без гордости, – мало кто в доме знает о ее существовании». Свою услужливость он объяснил желанием быть постоянно рядом с кем-то, ибо одиночество сделалось слишком тягостным в последнее время. «Если мне суждено столкнуться с чем-то необычным, то пусть это произойдет при свидетелях». Я согласился, что атмосфера в доме, и в самом деле, тягостная и странная. Перед тем как отправиться в путешествие по подвалам, я поднялся в свою комнату, чтобы переодеться. На столике, рядом с изголовьем моей кровати лежал конверт. Это было письмо. Вот его содержание. «Должен сообщить вам следующее: известный вам привратник скрывает свою истинную фамилию. Он не Кэшмен. Он Смерд, сын небезызвестной Оливии Смерд».

И это все!

Долго я вертел листок в руках, но ничего больше на нем не отыскал.

Одевшись подходящим случаю образом, я вышел в задумчивости в коридор, где сделался свидетелем весьма странной сцены. По лестнице, с третьего этажа, прямо мне под ноги буквально скатился сквернословящий сэр Тони. Самым мягким выражением в его спиче было слово «собака»! Поток брани иссяк после того, как сэр Тони усиленно стал дуть на кисть левой руки.

На третьем этаже располагались комнаты мисс Элизабет (мне так и не удалось с нею пообщаться, она почти не покидала своих апартаментов, завтракала и обедала наверху), и надо было полагать, что все ласковые слова относились именно к ней. Но тогда сам собой возникал вопрос, а что, собственно, делал там наверху этот богобоязненный юноша?!

Пока я размышлял над этой загадкой, сверху спустился еще один Блэкклинер, а именно сэр Гарри. Он тоже изрыгал проклятия, тоже поминал «собаку».

Мое неожиданное появление, немного их смутило.

«Позвольте», – сказал я и взял руку сэра Тони, чтобы как следует рассмотреть. На руке были несомненные следы укуса. Ничего не оставалось, как предположить, что он укушен мисс Элизабет!

Выражение лиц у этих джентльменов было таково, что я понял – на мои вопросы они отвечать не станут. Была надежда, что они хотя бы выслушают врачебные советы. Выслушали, но с постными лицами и весьма нетерпеливо.

После чего мы раскланялись.

Что же произошло там, на третьем этаже?

Загадок становится все больше.

Прежде всего следовало навестить мисс Элизабет. Необходимо было узнать, как она себя чувствует после общения с братьями Блэкклинер. Признаться, я поднимался наверх без особой охоты. Существовала опасность быть понятым неправильно и попасть, что называется, под горячую руку. Оказалось, что опасался я не зря. «Что тебе нужно, щенок?!» – послышалось из-за двери в ответ на мой деликатный стук.

Чтобы дать понять, что стучит не щенок, а человек взрослый, я кашлянул. Как можно внушительнее.

Дверь отворилась. Мисс Элизабет явилась передо мною во всей своей растрепанной красе. Надобно заметить, что в этот момент я впервые ее толком рассмотрел. Живое, подвижное лицо, весьма милое. Темные быстрые глаза, немного раздражения в уголках рта. И копна распушенных волос.

«Ах, это вы, доктор!» – сказала она тускнеющим голосом.

Я осторожно поинтересовался, могу ли войти. Не слишком охотно, но она меня впустила, при этом пытаясь привести в порядок свои волосы. Беседа наша получилась сумбурной, затрудняюсь ее изложить как-нибудь связно. Состояла она в основном из монолога мисс Элизабет. Девушка горько и длинно сетовала на свою ужасную роль одинокой беззащитной девушки в современном обществе. Все смотрят на нее как на вещь, никто не считается с жизнью ее души. Каждый норовит вторгнуться в ее судьбу и грязно наследить там. Первым это вообразил сам милорд. Но он хотя бы старался придать своему влечению оттенок благородства, вел речь, хотя и туманно, о женитьбе. Брал на себя обязательство обеспечить сироту.

Да, она чувствовала себя морально униженной, плакала ночи напролет, но не ожидала, что с его смертью станет еще хуже. Предполагавшиеся деньги исчезли. Никто даже не упоминает о трех тысячах фунтов, обещанных милордом ей.

Сыновья ведут себя как свиньи. Они, кажется, убеждены, что деньги находятся у нее. Вообще, их ничего не интересует кроме денег. Они даже угрожают, что если они денег не получат, то не выпустят ее отсюда.

Она зарылась лицом в ладони и зарыдала. Надо было что-то сказать. Но вид плачущей женщины парализует во мне всякую способность соображать. Сказав несколько дежурных фраз о сочувствии, понимании, о железном оскале нашего молодого века, я ретировался.

Нет, уж лучше отправиться на поиски прошлогоднего льда, чем утешать разочарованную даму.

Спускаясь вниз по лестнице, я отметил про себя, что мисс Элизабет, пожалуй, не англичанка. Нервное напряжение обнажает в ее речи скрытый акцент. Кроме того, меж ее оборотами мелькают явные галлицизмы.

Эвертон ждал меня с нетерпением, о чем говорило звяканье ключей у него на связке. Мы немедленно приступили к инспектированию подвальных помещений Веберли Хауса. Там было сумрачно, сыро, царили запахи плесени и занавеси паутины. Эти помещения посещаются весьма редко, по утверждению Эвертона. Сам он вел себя так, словно оказался в подвале впервые. Путался в ключах, отвечал с неуверенностью о том, что нам предстоит увидеть за той или иной дверью. Я дважды поскользнулся на влажных камнях, он умудрился сделать это раз пять.

На неизбежный вопрос о привидениях, Эвертон ответил неестественным смехом. Мол, ходят какие-то разговоры на эту тему, но лично ему ни разу с привидениями сталкиваться в Веберли Хаусе не приходилось. Конечно, в истории любого английского родовитого семейства полно кровавых и таинственных историй, но не всякая оставляет по себе память в виде колоритного духа.

Воспользовавшись тем, какое направление принял разговор, я сказал, что если дворецкий не желает беседовать об умерших, то, может быть, он охотнее поговорит о живых. Например, не знает ли он, какова фамилия привратника Якова?

Эвертон нахмурился, поставил фонарь на пол и огляделся, хотя мы были совершенно одни в каменном мешке. Потом он

засвистел мне на ухо своим тонким шепотком. Оказывается, Яков действительно не Кэшмен, а Смерд, это фамилия, очень, кстати, странная, его беспутной матери Оливии, связавшейся некогда с неумным сэром Энтони. От этой связи привратник и родился.

Интересно: Яков, оказывается, сын покойного милорда!

Это открытие следовало обдумать.

Кроме того, стало понятно, что письмо написано не Эвертоном.

Выходило, что привратник мог иметь свои виды на наследство. Не об этом ли говорил он с сэром Эндрю перед своим припадком? Если разговор шел о наследстве или хотя бы об исчезнувших трех тысячах фунтов, то припадок не кажется чрезмерной реакцией. Проясняется и причина заискивающего поведения отставного капитана Блэккленера по отношению к Якову. Тот ведь хоть и незаконнорожденный, но старший по возрасту! Сэр Эндрю наверняка посвящен в его тайну. Не может хозяин не знать того, что известно дворецкому.

Может быть, сэр Эндрю посвящен и в историю с ледяной пулей?

Я так разволновался, что чуть было не пропустил маленькую уловку Эвертона. Он оставил без внимания одну дверь в глубине винного погреба. Она была почти не заметна за пирамидой пыльных бутылок сомерсетширского сидра и корзинами с бутылками яблочного уксуса.

Когда я на нее все же указал, он стал меня уверять, что там ничего нет, а дверь фальшивая. Вот, извольте убедиться, на связке даже нет ключа для того, чтобы ее отпереть. Она никого никогда не интересовала. Я сделал вид, что поверил дворецкому. И мы начали подниматься наверх.

Когда вышли на поверхность, Эвертон сказал, что гонг к обеду будет через час. Обед через полтора. У меня было достаточно времени, чтобы записать увиденное.

Приведя себя в порядок, я вышел к столу, и моим глазам открылась презабавная картина. Центром ее был мой старый знакомый инспектор Лестрейд. Увидев меня, он бросился обниматься. «Вы решили вернуться?» – «Да, из чувства долга. Я не мог поступить иначе, когда есть люди, нуждающиеся в за-

щите, а мистер Холмс вынужденно отсутствует». Такой между нами произошел диалог.

Надо сказать, что находившиеся тут же сэр Эндрю и мистер Бредли смотрели на инспектора без всякого восхищения. Видимо, они не до конца верили в его способность кого-нибудь защитить.

К столу в этот раз вышли все. И сэр Гарри, и сэр Тони, и даже мисс Элизабет. Над столом висело тревожное ожидание. И, как выяснилось, причиной его был не черепаховый суп, и не консоме из спаржи, последовавшее вслед за ним.

Я поинтересовался у мистера Бредли, как чувствует себя его подопечный. Оказалось, что ему лучше, но он пока не встает. Припадок был все же слишком сильным. При нем постоянно находится сиделка. Ему отправили с кухни тарелку супа и картофельное пюре.

Тут же взял слово инспектор. Время от времени косясь в мою сторону, он произнес речь. С видимой тщательностью подбирая слова, он призвал всех к сдержанности и терпению. И выразил убежденность, что все закончится к всеобщему удовлетворению. Да, положение серьезное, но оно не безнадежно.

Ответом ему были презрительные улыбки, тихое фырканье в ложку и прочие знаки неуважения. Да, отметил я про себя, авторитет моего друга здесь неизмеримо выше, чем авторитет представителя властей.

Молодой Тони, подпирая щеку забинтованной рукой и глядя на меня своими искренними, чистыми глазами, поинтересовался, как идет следствие.

Я ответил, что оно идет. У него, у следствия, есть свои интересы, которые могут пострадать от праздных обсуждений. Шерлок Холмс убыл ненадолго, скоро он вернется, и все выяснится.

– Как вы думаете, почему он уехал? – спросили у меня сразу несколько человек.

– Это показалось ему необходимым. Не все необходимые действия очевидны, – отвечал я. Мне и самому хотелось, чтобы мой друг был рядом, но что я мог поделать.

– А правда ли, что его отвлекли от происшедшего в Веберли Хаусе какие-то личные неприятности? – поинтересовался сэр Эндрю.

Вопрос этот вызвал нервную волну, пробежавшую вокруг стола. Отреагировал даже Эвертон, громко ударивший горлышком бутылки о край бокала.

Мой ответ должен был быть безупречным, учитывая создавшуюся обстановку. Вот как я ответил:

– Никакие личные обстоятельства не могут помешать моему другу оказать помощь тому, кто в ней нуждается. Кажется, с тех пор, как он уехал, никто больше в Веберли Хаусе не умер.

По-моему, эти слова удовлетворили всех. По крайности, никто о причинах отсутствия Холмса больше не спрашивал.

В целом об этом обеде у меня осталось непонятное впечатление. Собравшиеся вели себя совсем не так, как можно было бы от них ожидать. Никто не был озабочен приближением очередной ночи, никто не упомянул о таинственной и неотвратимой угрозе, затаившейся где-то под крышей дома. Даже сэр Эндрю, еще недавно прибегавший к маскировочным мерам, был теперь тоскливо задумчив и даже рассеян. Между тем было ясно, что мысли этих людей чем-то напряженно заняты.

Чем?! Может, я что-то упустил, не заметил? Но что?!

Да, Шерлок Холмс прав, эта история запутана сверх всякой меры!

Сначала я предполагал осмотреть запертую дверь в винном погребе вместе с моим другом, по потом, особенно учитывая, что срок его возвращения неизвестен, принял решение действовать в одиночку.

И немедленно!

То есть нынешней же ночью. Благо у меня было все для этого необходимое. Во-первых, фонарь. Тот самый, с помощью которого нам было впервые освещено место преступления. Холмс настоял, чтобы он был доставлен в его комнату как вещественное доказательство. Неужели мой друг уже тогда предполагал, что в нем возникнет необходимость?! Во-

вторых, набор изумительных отмычек из коллекции Холмса. Мой друг утверждал, что сыщик должен владеть преступным ремеслом лучше преступника, только тогда у него есть шанс его поймать. Ни один взломщик Лондона, а может быть, и всего Соединенного Королевства не обладает таким широким набором профессиональных инструментов, как тот, что я нашел в саквояже Холмса.

Важную часть снаряжения составляло устройство из моего личного арсенала, имеется в виду мой револьвер. Осмотрев его и засунув в карман, я почувствовал себя несколько увереннее.

Перед тем как отправиться в подвал, я привел в порядок свои записи и оставил их в том месте, где Холмс, зная мои привычки, легко сможет их отыскать. В случае моей гибели. Приходилось думать и о такой возможности.

Между тем пробило половину двенадцатого. Правда, сказать, что дом замер в предощущении каких-то трагических событий, было нельзя. Я осторожно обошел его кругом, дыша сырым осенним воздухом, и с удивлением, обнаружил, что значительная часть окон в здании освещена. Горел свет у мисс Элизабет на третьем этаже и в комнатах сэра Гарри и сэра Тони. Горел свет и в библиотеке, где инспектор Лестрейд с доктором Бредли играли в шахматы и пили херес. Оставалось определить, где находится Эвертон. Надо думать, делает приготовления к завтраку. Если так, то это плохо. Значит, он находится в буфетной, дорога в подвал протекает как раз мимо нее.

Я снарядил фонарь, положил в карман пиджака пару свечей, незаметно похищенных из столовой, и коробок со спичками. Свечу в фонаре я, разумеется, не зажигал. Быть темным в темноте – это самое укромное состояние.

Продефилировав вниз по лестнице перед невидимыми лицами бесчисленных Блэкклинеров, я свернул налево. Пересек холл. Попал в коридор правого крыла. Несколько осторожных шагов – как хорошо, что я догадался надеть мягкие домашние туфли, – и я у дверей библиотеки. Дверь эта была приотворена. Сыщик во мне победил джентльмена, и я заглянул. За столом с двумя подсвечниками, пылающими, как две неоп-

лимых купины, сидели Лестрейд с доктором. Судя по тону их речей, они уже давно перешли с шахмат на карты и с хереса на джин. Беседа их состояла из обмена невнятными колкостями. В их времяпрепровождении была одна польза – они не могли помешать мне в моих занятиях.

Ступая еще более осторожно (от библиотеки до столовой, как я заметил накануне, был опасный участок трескучего ясе-невого паркета), я отправился дальше. Тенью проплыл футов около пятнадцати. Со стороны я в этот момент вполне мог сойти за привидение. Но, как часто случается в жизни, за опасным участком следовал еще более опасный.

Коридор от столовой сворачивал к дверям буфетной. Кроме того, слева стена коридора превращалась в последовательность высоченных, ничем не задрапированных окон, выходящих на лужайку перед парадным фасадом. Меня можно было обнаружить с обоих флангов. Мои армейские воспоминания подсказывали мне, что нет положения опасней. Но другого пути к лестнице в подвал не имелось.

И я рискнул.

Слева – темнота в исполнении ночи. Справа – песня в исполнении Эвертона. Он скверно, но узнаваемо напевал «лиллибуллера», позвякивая серебром. То ли он чистил его, то ли воровал. Я не успел задуматься, потому что должен был насторожиться.

Эвертон вышел из буфетной!

Я замер, задержав дыхание.

Он направился в сторону холла.

Я с облегчением выдохнул.

Потом достал из кармана связку отмычек. С первым замком возиться не пришлось, он был не закрыт. Что ж, тем лучше.

Внутри было абсолютно темно. Спустившись вслепую на несколько ступенек по каменной лестнице, я зажег свечу в фонаре. Подземелье неохотно осветилось и показалось мне вдвое более таинственным, чем во время первого посещения.

Вторая дверь тоже не доставила мне особых хлопот. Замок был, видимо, современным, из большой фабричной серии. Приоткрыв тяжелую, пахнущую старинным деревом створку, я

прислушался. Нет, никто не заинтересовался едва слышимым металлическим щелчком в подвале.

Теперь можно было действовать более смело, между мною и остальным миром были две массивные двери. Третий замок заставил меня попотеть. Я добрался до середины холмсовой коллекции, прежде чем почувствовал, что нащупал слабость в нем. Несомненно, автором этого хитроумного запора был какой-то местный умелец, не знакомый с современными промышленными стандартами замочного дела. Он вложил в устройство свою индивидуальную, хитроумную волю.

Когда я добрался до винного погреба, то был насквозь мокр. Вскоре выяснилось, что все самое трудное у меня еще впереди. Все до единой отмычки Холмса оказались бессильны перед секретом таинственной последней двери. В глубине души я был готов к тому, что последний рубеж окажется самым трудным, но не думал, что он окажется непреодолимым. Впадая в состояние, близкое к отчаянию, я ударил грязным кулаком по замку и с удивлением заметил, что створка двери слегка отошла. Я просунул пальцы внутрь и потянул. Она без сопротивления открылась полностью. Я поднял фонарь и увидел... каменную кладку. Старинную, заплесневелую. Дверь и в самом деле ничего не скрывала.

Декорация!

В этот момент замигала свеча в моем фонаре, предупреждая, что вот-вот догорит. Я открыл стеклянную дверцу, чтобы заменить ее, и тут услышал шум шагов. Кто-то быстро, не скрываясь, шел по подвальной анфиладе в сторону винного погреба.

Не один человек, а больше.

Я сжал пальцами фитиль.

Наступила полнейшая темнота.

Неизвестные гости освещали себе путь голой свечой, о чем свидетельствовало нервное поведение теней.

Я спрятался за кучей перевернутых ивовых корзин и взвел курок револьвера. Сколько бы их там ни было, моя жизнь будет им стоить дорого.

Фокус с декоративной дверью, несомненно, психологическая ловушка. Они знали, что я сюда отправлюсь. Делали

вид, что пьянствуют, распевают беспечно песенки... Но каков Эвертон!

Двое мужчин ввалились в винный погреб, о чем-то громко переговариваясь. Приземистое местное эхо гасило их речь. Одно можно было утверждать – оба навеселе.

Наблюдение вести можно было только сквозь отверстие в дырявой корзине, поэтому видно мне было не все. Однако первого мужчину я узнал сразу – сэр Эндрю. Второй был мне незнаком. Или знаком?!

Снедаемый сомнениями и предчувствиями, я затаил дыхание.

Чем они занимались?

Набивали карманы бутылками! Только и всего. Неужели они явились сюда только за этим?

Проделали они все очень быстро, видимо, спешили. Когда они уже направились назад, друг сэра Эндрю вдруг остановился, потянул носом и сказал: «Слушай, здесь кто-то уже побывал перед нами». – «Почему ты так думаешь?» – «Все двери раскрыты, нам даже ключи не понадобились. Может, он и сейчас здесь.» – «И дьявол с ним, пошли».

И тут я узнал этого второго, несмотря на эхо и скверное освещение. Его физиономия на мгновение осветилась очень хорошо.

Это был Ройлат!!!

Некоторое время я сидел, не в силах подняться с корточек. В голове кружился вихрь из мыслей и их обрывков.

Однако надо было что-то предпринимать. Хотя бы выбраться отсюда. Я поднялся и, не снимая пальца со спускового крючка, двинулся в обратный путь.

Оказавшись на первом этаже, я немного успокоился.

С привычной осторожностью миновал дверь в буфетную. Внутри было тихо.

Теперь – библиотека. Створка все так же приоткрыта. Как на ладони, передо мною был большой стол, занимавший середину помещения. Стол был заставлен в беспорядке бутылками, тарелками с паштетом и фруктами. Горело несколько разномастных подсвечников. Стояли и валялись бокалы. За столом восседали, пребывая в разной степени опьянения,

Эвертон, сэр Гарри, сэр Тони, мистер Бредли, инспектор Лестрейд, сэр Эндрю ковырялся вилкой в яблоке. Над всеми возвышался громадный Ройлат, он тоже ковырялся, но штопором, в пробке одной из только что принесенных бутылок.

Пируют. Но как мрачно. Какая странная компания! Может, это пир от ужаса, пир во время чумы?

Рубашка льдом обожгла тело. И сразу вслед за этим меня бросило в жар.

Мисс Элизабет!

Надо было немедленно проверить, что с ней. Невзирая на столь поздний час. Откуда-то во мне появилась уверенность, что с нею не все в порядке. Почему? Среди необъяснимого кошмара, затопившего дом, возможно все.

Все еще стараясь не шуметь, я решительной птицей взлетел на третий этаж. И на цыпочках двинулся к двери мисс Элизабет. Подойдя к ней на расстояние в пять футов, я услышал странные звуки. Они шли изнутри. Сдавленные, жутковатые, похожие на подвывание, нытье и стон.

Кто-то там есть в комнате мисс Элизабет, и этот кто-то совершает над девушкой нечто преступное.

Кто?!

В моем мозгу произошла вспышка – Яков! Только его не было на мрачном празднике в библиотеке.

Я вдруг со всей жуткой отчетливостью представил, как этот мрачный припадочный привратник сдавлирует кривыми пальцами бледное горло девушки.

Идиот! Горе-сыщик! Пока бродил по дурацким сырым подвалам... Неужели он имитировал эпилептический припадок?! На время он отвел от себя непосредственные подозрения! Имитировать слишком трудно? Ерунда, за столько лет сотрудничества с Холмсом я должен был научиться не удивляться ничему.

Так, но если Яков ее душит, значит, она еще жива.

Надо действовать!

Ударом ноги я высадил дверь (сколько их было в этот вечер) и влетел в скудно освещенную спальню, выставив вперед своего металлического дружка и вопя.

«Руки вверх!»

Зрелище, открывшееся моим глазам, заставило меня опустить оружие и умолкнуть. В следующее мгновение у меня возникло желание поднять его вновь и разрядить себе в сердце.

Голый Шерлок Холмс лежал в объятиях голой мисс Элизабет и совершал действия, не оставляющие никаких сомнений в том, что я полный кретин.»

Часть третья

Вернувшись в свою комнату, доктор Ватсон первым делом разрядил револьвер. Вторым – записал подробнейшим образом все, что случилось с ним в последние два часа. Он сидел за столом, стиснув зубы, выпрямив спину, с каменным выражением лица, аккуратно макая перо в чернильницу. Таким образом ему удавалось удерживать себя в руках. Он почти полностью овладел собой, но в этот момент рассказ его подошел к тому месту во времени и в пространстве, где омерзительный лицемер Холмс зверски овладел несчастной запуганной девушкой.

Ватсон швырнул перо поверх листа, усыпая текст кляксами своего отчаяния. Вскочив, он стал метаться по комнате, расстирая запястья и топорща усы.

Раздался стук в дверь.

Доктор знал, кто стучит. Он саркастическим каркнул:

– Открыто!

Доктор не ошибся, на пороге стоял насильник в сюртуке его друга, в рубашке с отогнутыми воротничками – любимой рубашке друга и с трубкой друга в зубах. Кроме того, он имел наглость улыбаться мудрой дружеской улыбкой.

– Знаете, Ватсон, я даже рад, что все так получилось.

Холмс вошел внутрь, закрыл за собою дверь и сел к столу. Посмотрел на исписанные и забрызганные листы.

– Это могла быть ваша лучшая повесть. Простите, что я ее, кажется, испортил.

Грудь доктора вздымалась все выше и выше с каждым словом гостя.

– Повесть?! Вам жалко только ее?! И ничего больше?!

- Что еще я, по-вашему, испортил?
- Хотя бы нашу дружбу! Надеюсь, вы понимаете – после того, что я увидел наверху, отношения между нами изменятся. Холмс дочитал до конца лежащую перед ним страницу.
- Великолепно! Какая экспрессия! Какая живость изложения!
- Вы издеваетесь надо мной?! Я это писал кровью сердца! Я не позволю... Я разрядил свой револьвер, но ничто не помешает мне...

Холмс резко повернулся на стуле в сторону Ватсона. Глаза сыщика были печальны, трубочный дым вяло тек из приоткрытого рта.

- Вы способны убить меня?
- Ватсон отвел взгляд, но ответил твердо:
- Да. Но только в честном поединке.
- И будете настаивать на нем; даже если я дам объяснение случившемуся?

– Дайте объяснение, и я решу, как мне вести себя дальше.

Прежде чем начать говорить, Холмс затянулся из своей трубки, но было видно, что табак не доставляет ему привычного наслаждения.

– Сегодня печальный день, Ватсон. Печальный по многим причинам. В частности потому, что отныне наши отношения никогда уже не станут прежними. Даже если мы не будем стреляться. Во-первых, я начинаю новую жизнь. Во-вторых, вы сейчас узнаете, что все эти годы я был не тем, за кого вы меня принимали.

- Многословно, но непонятно.
- Начнем с того, что я женюсь, Ватсон.

Заявление было столь сильным, что доктор был сбит со своего непреклонного настроения. Лицо сделалось мягче, глаза растерялись.

– Да, мой друг, да. Та женщина, которую вы видели в моих объятиях в столь решительный момент, моя возлюбленная. Возлюбленная настолько, что я решил связать с нею остаток своих лет. Кстати, Ватсон, я не думаю, что вам следует брать за правило врываться в комнату в тот момент, когда запершаяся там пара...

– Я хотел помочь! Я думал, что мисс Элизабет угрожает опасность.

– Вы думали, что этот эпилептик Яков на нее набросился?

– Как вы догадались, что я подумал именно так? – спросил Ватсон и тут же пожалел об этом. Сколько раз возникала такая ситуация – он задает наивный, спонтанный вопрос, а всеведущий Холмс со снисходительной улыбкой объясняет, в чем тут дело. Терпеть интеллектуальную экзекуцию от старого друга, – это еще куда ни шло, но сносить ее от некой темной личности – ни за что! Ватсон добавил с кислой миной:

– Что я спрашиваю! Разумеется, ваш пресловутый метод. Холмс отрицательно покачал головой.

– Нет, мой друг, дедукция тут ни при чем. Я вообще думаю, что дедуктивный этот метод есть миф, навязанный ВАМИ доверчивому воображению ваших многочисленных читателей. В реальности он не существует, ибо существовать не может.

– Что вы такое говорите?!

– Это я докажу и покажу вам позже. Что касается данного конкретного случая, то я ничего не угадывал, ибо ничего угадать не в состоянии. Это написано на листе бумаги, который лежит у вас на столе. Я не удивился, прочитав это. Потому что специально ПОДВОДИЛ вас к возникновению именно такого подозрения. И мои помощники помогали мне в этом.

Доктор медленно, как бы недоверчиво, опустился на стоящий у окна стул. Недоверие его было направлено не на предмет мебели, но на речь Холмса.

– Подводил?

– Да. Прошу простить меня, мой друг, но все, кого вы здесь видели, не реальные люди...

– Привидения?

– Это персонажи, изображенные нанятыми мною актерами.

...Левая часть докторского лица начала как бы скисать, глаз прищурился, угол рта пополз вверх.

– Да-да, спектакль.

– Вы хотите сказать...

– Никакого сэра Энтони Блэккленера не существовало. Никто никого не убивал ледяной пулей. Надо признать, эта часть замысла получилась излишне громоздкой. Очень уж хотелось по сильнее запутать мозги читателю. Кабинет заперт изнутри, окна закрыты, шторы опущены, труп с дырой в голове, и никаких следов пули. Здорово, да?

Глаза Холмса творчески загорелись.

– Правда, я стал жертвой собственного размаха. Дырку в голове я нашел, чем объяснить, а вот все остальное! Хотя, честно говоря, я не первый раз в подобном положении, в конце концов выпутался бы.

– Не в первый раз?!

– Не первый, – хмыкнул Холмс, – но мы к этому еще подойдем, сейчас нужно покончить с недоумениями сегодняшнего дела. Я уверен, у вас уже миллион вопросов возник. Спрашивайте, мой друг, я клянусь отвечать предельно правдиво.

Стул под Ватсоном страшно скрипнул, могло показаться, что это рассудок доктора.

– Начните с самого главного, Ватсон. Спросите, для чего все это было затеяно. Интересно ведь, правда?

– Интересно, – прошептал доктор одними усами.

– Главной целью затеянного мною представления была будущая ваша повесть. Если бы все прошло как следует, вы бы ее непременно написали. Разве не так? Разве не за вдохновением вы сюда приехали. Да что там говорить, значительный кусок ее уже готов! Вот он, на столе.

Стул Ватсона скрипнул снова.

– Поверьте, я и не думаю шутить. Я серьезен как никогда. Как только вы стали публиковать ваши записи о моих подвигах, стало очевидно, что у вас замечательное, редкое перо, природный вкус и от бога полученное чувство меры и композиции. Мало у кого из ныне действующих авторов есть хотя бы полтора из этих достоинств.

Ватсон фыркнул, одновременно недоверчиво и польщенно.

– Вы думаете, это лесть? Я слишком уважаю себя и вас, чтобы заниматься славословиями. Я начал говорить вам правду, теперь слушайте ее до конца.

Доктор приосанился.

– Вместе с тем вы напрочь лишены дара воображения. Вы неспособны придумать мало-мальски оригинальный сюжет. В этом отношении Киплинг и Стивенсон неизмеримо выше вас. Не обижайтесь.

– Я не обижаюсь.

– Мне попадались на глаза ваши сочинения, изготовленные вне связи с моим образом и моими сюжетными изобретениями. Они благопристойны, даже элегантны, но, увы, мертвы. Теперь перейдем ко мне.

– Да, пора бы уж.

– Природа наделила меня многими достоинствами.

– Главное из них – верное представление о самом себе.

Холмс вытащил трубку изо рта и нарисовал в воздухе недовольный вензель.

– Что может быть мельче колкостей, Ватсон? Оставим их, разговор пойдет о важных вещах.

– О ваших достоинствах.

– Ва-атсон.

– Что ж, слушаю.

– Продолжаю. Оставив в стороне все прочее, замечу, воображением Создатель наделил меня щедро, если не более того. Но, видимо, чтобы соблюсти какое-то, одному Ему известное равновесие, он начисто лишил меня способностей, подобных вашим. Когда я начинаю что-либо излагать на бумаге, получается тусклый кошмар. Это так плохо, что даже показать нельзя.

– Но вы мечтали о славе и во мне увидели недостающую половину той творческой личности, какой хотели бы быть.

Холмс задумчиво потрепал свой подбородок.

– Несколько упрощенно, но близко к сути.

– Но я не могу понять, зачем это было вам нужно, известнейшему, авторитетнейшему сыщику? У меня, наоборот, создалось впечатление, что вы бежите всякой публичности. Вы все самые сочные плоды успеха отдавали Лестрейду, даже тогда, когда это делать было необязательно.

Холмс тихо улыбнулся и постучал чубуком трубки о ладонь.

- В том-то и дело, что обязательно.
- Не понимаю вас.
- Постарайтесь, Дело в том, что я никакой не сыщик. Непонимающее молчание было ему ответом.

– Был момент и даже период, когда я пытался подвизаться на этом поприще, но потом оставил все попытки. Вы, судя по выражению вашего лица, не верите мне, не хотите и не собираетесь верить. Инерция представлений. Шерлок Холмс – великий сыщик – это выдумка. Выдумки живучи. Даже виденная вами наверху сцена лишь слегка поколебала ваше представление обо мне. Вы просто обиделись. На меня плохого за меня хорошего. Пожелай я дурачить вас далее, мне без большого труда удалось бы вернуть все на свои места.

- Вы меня дурачили все эти годы?!

– Да. И прошу у вас за это прощения. Поверьте, ваша роль в нашем совместном предприятии была ничуть не унижительной, как вам, возможно, кажется. Я всегда относился к вам с искренней любовью.

Доктор встал. Сделал несколько шагов к двери. Но внутренняя путаница чувств и мыслей была неспособна разрешиться простым порывом. Доктор не ушел. Он сел на свой стул.

Холмс внимательно следил за поведением Ватсона.

– Знаете что, давайте, я вкратце изложу вам свою историю, а вы зададите мне после этого все вопросы, которые сочтете нужным задать. По-моему, это самый короткий путь к тому, чтобы разогнать туман, застилающий истинную картину событий.

– Валяйте, – с неожиданной для него развязностью сказал Ватсон и забросил ногу на ногу.

Холмс не торопясь раскурил трубку, посидел несколько секунд в задумчивости.

– Вы, наверное, знаете, что Шерлок – это редкое ирландское имя. Мы, Холмсы, в значительной степени ирландцы. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. От нашего отца нам с Майкрофтом достался неумный и предприимчивый характер. Причем силы натуры разделились между нами пополам. Но разными компонентами. Вы общались с Майкрофтом и, вероятно, согласитесь, что это личность незаурядная. В

прежние времена он был одним из самых изысканных скандалистов и самых изящных бретеров лондонского света. Теперь его стихия – международные заговоры, тайные миссии и прочее в том же роде. В известном смысле, он человек выправки и карьеры. Я – другое дело. Я шалопай и мечтатель с детских лет. С самого начала не ставил ни во что светскость и приличия. Компания у меня была всегда самая разношерстная. От священников до актеров. Где-то между ними располагались воры, боксеры и репортеры. Именно в этой пестрой среде я и приобрел свои странноватые манеры. Кое о чем вы писали и сами. Именно вы заметили, что я храню сигары в ведерке для угля, табак – в носке персидской туфли, а письма, которые ждут ответа, прикалываю перочинным ножом к деревянной доске над камином. Именно вы заметили, что я люблю, усевшись в кресло, лупить из револьвера в противоположную стену. Правда, вы смягчили образ, написав, что я стремился украсить стену патриотическим вензелем «К.В», то есть «Королева Виктория». На самом деле я собирался написать таким способом неприличное слово. Эти сведения почерпнуты мною из начала ваших записок обо мне. Там же вы пишете, и справедливо, о периодах нападающей на меня прострации, о моей любви поваляться на диване с любимой книгой и трубочкой гашиша. Причем поваляться не день или два, а месяц-полтора. Почему-то из всех этих правильных наблюдений вы сделали неправильные выводы. Но вернемся к дням моей молодости. В один неизбежный день я сбежал из дома. С актерской трупой. Наглость, живость и тяга к прекрасному и алкоголю были намешаны во мне в нужных пропорциях. В ваших глазах я увидел очередную вспышку недоверия. Холмс – актеришка! Как это может быть?! Но, вспомните, сколько раз за время нашей совместной деятельности я прибежал к разного рода актерским уловкам! Кого я только не изображал, и скверного старика, и назойливого букиниста, и слесаря. А как я сыграл священника – рассказ «Скандал в Богемии»! А эта история с моей мнимой смертью из рассказа «Шерлок Холмс при смерти»! Актерство всегда рвалось из меня наружу.

Ватсон неуверенно кивнул.

– Но тем не менее на сцене я не задержался. Меня привлекал театр, но угнетала театральная жизнь. Необходимость притворяться, когда нет ни малейшего желания делать это. Мне кажется невыносимо скучным играть двадцать раз подряд одну и ту же роль. К тому же я ленив. Тут я предлагаю еще раз вспомнить мою любовь к длительному диванному лежанию. И я решил заняться частным сыском.

– Насколько я могу судить, работа хлопотнее театральной.

– На первый взгляд. Главное в работе сыщика – то, что всегда можешь от нее отказаться, если она тебе не нравится, и в любой момент ее бросить, если она тебе надоела.

– Но гонорар?

– Я забыл вам сказать, что мой отец к концу жизни стал весьма состоятельным человеком. Он провел много времени в Южной Африке и сделал чрезвычайно удачные приобретения. Меня, за мое беспутство, он проклинал как отец, но понял как ирландец. Через Майкрофта я узнал, что значительная часть наследства мне гарантирована. Как правило, о таких вещах еще раньше тебя самого узнают твои кредиторы. Таким образом, я получил возможность делать такие долги, которые позволяли мне существовать, не задумываясь ни о чем, кроме моих удовольствий. Профессия сыщика позволяла мне входить в тесный, часто очень тесный контакт с множеством людей. Среди них было немало женщин. Какие-то из них привлекательны, какие-то состоятельны. Иногда это совпадает.

– Вы хотите сказать, что случай на третьем этаже...

– У вас снова потрясенный вид. Вы что же, друг мой, все эти годы всерьез думали, что я этаким монах сыска? Я, здоровый, привлекательный, обаятельный мужчина! Вы думали, что женщины меня интересуют только как клиентки или свидетельницы?

– Я думал, что вы джентльмен.

– Не хочется вас разочаровывать, но для большинства женщин важнее убедиться в том, что вы мужчина, а не в том, что вы джентльмен.

– Это не английский юмор.

– И тем не менее, Ватсон, и до встречи с вами, и после нее я вел веселую жизнь. Где-то между простой половой невоз-

держанностью и настоящим распутством. Потому-то я и снял квартиру у нашей милойшей миссис Хадсон. Это была тихая заводь в море бушующей женской стихии. Будь я мелкий пошляк, я бы поселился у какой-нибудь молодящейся вдовушки и тайком от вас таскался бы на ее половину, хлопал по заднице при каждом удобном случае и требовал, чтобы она не брала с меня деньги за кормежку, ибо большая часть энергии на нее же, вдовушку, и тратится по ночам.

Холмс возмущенно затаился дымом. Описанное собственное поведение представлялось ему отвратительным.

– Такие, как вы, Ватсон, семейные счастливицы...

– Оставим это!

– Как хотите. Итак, пришло время вернуться от женщин к характеристике моей работы. Поначалу я брался за любое дело, искренне хотел победы в этих витиеватых поединках с проявлениями неистребимого, многоликого зла. Я старался. Поверите ли, рисковал здоровьем и входил в расходы ради достижения результата. То есть вел себя именно так, как и положено тому Шерлоку Холмсу, что описан вашим волшебным пером. После годичных мытарств я пришел к глубокому, хотя и неожиданному, выводу.

Тяжелая, длинная затыжка.

– Мир криминала, реальных преступлений невероятно скуден, сер, однообразен, плосок. Вспомните, как я порой открыто сетовал, просматривая отделы уголовной хроники лондонских газет. Повар побил скалкой свою жену, заподозрив в связи с поваренком. На рынке Гринхарниш похищены три лотка с рыбой. В драке между кэбменами выбито пять зубов, из них два лошадиных. Какой смысл всем этим заниматься?! К тому моменту, когда мы об этом читаем, повар помирился с женой, кэбмены и лошади поделили зубы. Рыба или съедена, или протухла. Наконец, мы натываемся на что-то интересное. Заголовок: «Таинственное убийство»! Миссис такая-то зарезана в своей комнате. Ящики бельевого шкафа выпотрошены. Через четверть часа после начала следствия обнаруживается на первом этаже того же дома пьяный квартирант, безработный кочегар. Карманы его куртки набиты тонким женским бельем. На столе початая бутылка дорогого джина. На вопрос,

откуда у него все это, он с пьяными рыданиями сознается, что он убийца.

По лицу великого сыщика пробежала гримаса отвращения.

– Были дела более кровавые, но не было более запутанных. Я затосковал. И хотя мне, как я уже сказал, нравился мой образ жизни, я начал подумывать о смене декораций. Судьба человека – это характер, плюс два-три случая. Иногда достаточно одного. Ум нужен для того, чтобы распознать такой случай. Вот мой. По просьбе одной экзальтированной и состоятельной дамы, я затеял возню вокруг истории со смертью ее брата. Смерть эта, по ее мнению, наступила безвременно. И в этом была ее главная странность. Смерти, но не дамы. Сорокалетний мужчина скончался от сердечного приступа. Так заключили врачи. По мнению сестры, он был кем-то убит. Она истерзала своими претензиями полицию. Особенно инспектора Лестрейда. Он и без того был тогда на неважном счету в Скотланд Ярде, бедняга. Как раз тогда мы познакомились и сдружились на всю жизнь.

– Странно, я бы ваши отношения дружбой не назвал.

– Придет время, и уже скоро придет, я расскажу, в чем тут дело. Итак, исследовав все, что только можно было исследовать в истории гибели сорокалетнего джентльмена, я пришел к выводу – ни малейшего намека, на чей-либо умысел в ней нет. Она прозрачна, как ясное утро. Но чем сильнее, чем изобретательнее я убеждал в этом сестру-заказчицу, тем яростнее она настаивала на своем. Ищите, сэр! В этот момент мне чрезвычайно нужны были деньги, о наследстве я еще не знал, гонораром пренебречь не мог. Сознание мое работало в лихорадочном режиме. Надо было что-то придумать. Я было даже хотел предъявить обвинение самой сестрице. Ее настойчивость, подумалось мне, может быть, есть следствие тайного комплекса вины перед братом. Ей станет легче, стоит ее обвинить. Но нет, решил я, не будем отбирать хлеб у психиатров. Облегчение она, возможно, и испытает, но денег не даст, это точно.

Поезд подходил к дебаркадеру вокзала Ватерлоо, когда было сделано открытие, перевернувшее всю мою жизнь.

Правда, выяснилось, что мне потребуются помощники. Как минимум двое. Первым должен был стать Лестрейд, то есть полицейский чин, официальное лицо. Мы с ним быстро поняли друг друга. О повышении он не мог и мечтать. Мой же метод мог его вознести, прославить.

– Дедуктивный метод?

– Назовете, как хотите, когда дослушаете до конца. Итак, нужен был еще один человек. И тут я вспомнил о своих театральных знакомствах. Одним словом, через два дня в доме подозрительной старой девы состоялась следующая сцена. Мы с Лестрейдом представили заказчице смазливую девчонку. (Мы, якобы, заманили ее предложением стать секретарем хозяйки дома.) После двух-трех заранее отрепетированных вопросов, девица созналась (в потоках слез), что являлась любовницей сердечника, поступившего с ней в итоге бессердечно. Он решил ее бросить, она явилась к нему в дом, как бы для последнего объяснения, и подсыпала в чай редкий колониальный яд, который нельзя определить при вскрытии. Сколько я изобрел на своем веку этих невероятных колониальных штук. Один дикарь с Андаманских островов чего стоил.

– Но я же сам видел этого дикаря!

– Переодетый мальчишка. Люди с легкостью верят во все, что неспособны вообразить сами. Окончание истории: Лестрейд предъявляет старой деве какие-то крупички в запаянной пробирке, это якобы яд: без вещественных доказательств нельзя. Потом он с самым суровым видом защелкивает наручники на руках продолжающей рыдать актрисы. Я принимаю конверт с чеком на триста фунтов. Довольны все. Заказчица получила душевное спокойствие, и отнюдь не разорилась. Лестрейд обрел газетную славу. Актриса – гонорар, превышающий ее трехмесячное жалованье.

– И с тех пор вы полностью переключились именно на такие дела? – без тени восхищения в голосе спросил Ватсон.

– Вы как всегда спешите, мой друг. Я бы умер с голоду или с тоски, ожидая второго такого случая. Я пошел дальше. Решил тачать такие случаи собственноручно, по колодке, подброшенной мне судьбой. В помощь мне было то, что скончался

мой отец. Появилась возможность оплатить фантастические долги и финансировать фантастические замыслы. Надо признать, первые опыты были не вполне великолепны. Были ляпы, подводили предварительные расчеты. Дважды я был на грани разоблачения. Но технология замысловатого развлечения постепенно отрабатывалась. Оттачивали свою технику игроки. Первым и главным был, конечно, наш дорогой Лестрейд. Я бы снял перед ним шляпу, когда бы она была у меня на голове. Ни одна криминальная история не будет убедительно выглядеть и не может законно завершиться без участия человека с подлинным полицейским жетоном. Лестрейд и его официальное удостоверение были главной опорой моего замысла. Кроме того, ему надлежало увязывать все дела по линии своей службы, чтобы не было никаких недоумений и шероховатостей. Но главное, конечно, то, что он редкий актер.

– Он же идиот – ваши слова!

– С актерами это случается. Здесь другой случай. Он гениально играл идиота. И гениально долго играл. У себя на службе он другой человек. Важно и то, что он честен.

– Честен?

– Он не получил за все эти годы от меня ни шиллинга. Лишь изредка мне приходилось компенсировать его дорожные и алкогольные расходы. Кстати, у меня накопился перед ним немалый долг по этой части. Гонораром его была слава. Коллеги восхищались им, что его радовало, и ненавидели, что его забавляло.

– Боюсь, он заботился о том, чтобы не попасть под обвинение в мошенничестве.

– Кто знает, – вздохнул Холмс.

– Но актерам вам приходилось платить? – задумчиво спросил доктор.

– Да. И чем дальше, тем больше. Ведь платить приходилось не только за, собственно, игру, но и за соблюдение секретности. А молчать, как вы понимаете, для людей подобного типа в высшей степени тяжело. Кроме того, приходилось требовать, чтобы самые активные участники представлений покидали лондонскую сцену, во избежание случайной встречи с вами. На мою финансовую беду, вы, с помощью вашей оча-

ровательной супруги, сделались заядлым театралом. Представляете, сколько может потребовать продажный лицедей за такой подвиг, как оставление столичной сцены!

– Надо понимать, Ройлат, нарушитель подобной договоренности?

– Да. Он будет оштрафован, согласно подписанному договору. Сюда он явился, чтобы выпросить прощение. Но прощения не будет. Я хотел принять во внимание то, что он сам мне сообщил о вашей встрече в буфете и тем самым дал мне возможность подготовиться к вашим вопросам и отвлекающему маневру. Но уже здесь, в Веберли Хаусе, он повел себя самым неподобающим образом.

– Значит, он не погиб на вокзале Ватерлоо?

– Конечно, нет. Я взял первое попавшееся газетное сообщение о несчастном случае и выдал его, с помощью толстяка Харриса, за сообщение о смерти Ройлата-Бриджесса. А он ни тот и ни другой. Он пьяница Джонс. Ему в театре никогда не доверяли ничего серьезного. Он играл только неблагородных разбойников и палачей. Единственная главная роль в его карьере – это злой отчим в «Пестрой ленте», и такая неблагодарность. Стоит один раз дать поблажку такому субъекту, и прощай дисциплина. Впрочем, есть и другая причина, мешающая мне заплатить этому негодяю, как и всем остальным.

– Вы разорены?

– Близок к этому. Алмазные копи, обладателем коих сделался некогда наш отец, в результате безумных и корявых действий наших политиков, оказались на так называемой территории размежевания. Долго объяснять, суть же в том, что акции нашей компании обесценились раз в пять. Если положение не изменится, а оно, судя по газетам, не изменится, я банкрот. Мои дела были плохи уже в тот момент, когда затевалось нынешнее представление. Оно стало возможным только благодаря необычайному характеру сэра Оливера.

– Кто это?

– Ах, да, вы же... Это Яков. Это он действительный владелец Веберли Хауса. Сэр Уиллогби, в роду пэры и все такое. Человек с личными и родовыми странностями. Плюс эпилепсия. Он жил предельно уединенно. Вот откуда забор. Дожил до пятидесяти

лет и вдруг, совершенно случайным образом, попал в театр. Кажется, в театр Гаррика. На какую-то дрянную постановку. Не-подготовленный мозг его был потрясен. С того момента ничего кроме театра его не интересовало. Он попытался поступить на сцену, под накладным именем, но был с позором отвергнут. Разумеется, никаких данных у него для сцены не было. Кроме воспламенившегося сердца и бешеной, всепоглощающей любви к искусству. Это род болезни, вроде той же эпилепсии. Он бы умер, если бы его не познакомили со мной. Те самые негодяи, что изображают семейство Блэкклинеров.

– По-моему, искусственная фамилия.

– По-моему, тоже. Они хихикали над ним, эти мелкие души, издевались. Представили мне его как забавный казус. Я поговорил с ним полчаса и тут же предложил ему роль. Он был рад, как ребенок, у него даже случилось что-то вроде приступа. Условием я поставил одно – он предоставляет нам свой замок как декорацию. Он согласился. Я им доволен. Он единственный, кто не требует денег, не пьет и не пристаёт к мисс Элизабет с вульгарными предложениями. Потом он по-настоящему перевоплотился в своего персонажа. В неза-коннорожденного, припадочного, несчастного Якова.

– А что за пьесу мы тут все здесь разыгрываем?

– Я был слишком занят делами своей компании и предложил подыскать сюжет мисс Элизабет, тем более что ей предстояло играть одну из главных ролей. Она, конечно, сюжет этот не придумала, а вычитала. Я предполагаю, из иностранного романа, потому что коллизия мало напоминает истинно британскую, но в ней много мощи. И надрыва. Представляете – все хотят убить отца. Отец человек омерзительный, но человек. Все не только мечтают его убить, но и имеют к этому прямые побуждения. Ничего похожего на холодный расчет, сплошные терзания. Я бы ни за что не взялся за этот сюжет, если бы не мисс Элизабет. Она просто сгорала от желания сыграть эту роль. Влюбившись, становишься мягкотелым.

– У мисс Элизабет есть дар?

Холмс серьезно задумался.

– Как вам сказать. Она неплохо танцует, есть определенная балетная выучка. Как драматической актрисе ей пока не везло,

но всегда хотелось успеха именно по этой части. Кроме Якова, лишь она по-настоящему прониклась судьбой своего персонажа. Остальные только пьянствовали и притворялись вполсилы. Уверен, что это было заметно.

Ватсон вдруг расхохотался.

– Что с вами?

– Я вспомнил сцену в привратничкой, когда сэр Эндрю, или как там его, требовал у Якова ключ. Теперь-то понятно, что это был ключ от винного погреба.

– Сэру Оливеру не жалко было своих бутылок, он боялся, что джин помешает господам актерам играть как следует. Его ужасала возможность провала. Он согласился выдать ключ только для целей сюжета, когда Эвертон сопровождал вас к фальшивой двери. Труппа ведет себя, как наемная армия. Чем меньше платишь, тем меньше стараются. Они стали стремительно превращаться из наследников благородного рода в то, чем являлись на самом деле – в картежников и алкоголиков.

– И не только это, Холмс. Я был свидетелем бесчестного поступка, совершенного джентльменами, играющими роль сэра Гарри и сэра Тони.

– Что же натворили ученый и святоша?

– Мне показалось, что они пытались неподобающим образом атаковать мисс Элизабет. Я не знал тогда, кто она вам, иначе бы обязательно вмешался.

Холмс грустно улыбнулся.

– Спасибо, мой друг, но вы немного неправильно все поняли. Не они пытались ее атаковать, а она пробовала бежать из Веберли Хауса. Они ведь, друзья-актеры мои, взяли ее в заложницы, отправив меня за деньгами в Лондон. Она хотела тайком выбраться из этого логова, ее схватили. Когда ее водворяли на третий этаж, она искусила братьев. Вы стали свидетелем окончания этой сцены. Теперь я вернулся. Тайком ото всех. Тайком пробрался наверх, где вы меня и застали.

– Вы собирались бежать, оставив меня здесь?

– Нет, что вы. Я привез немного денег, мне, я думаю, удастся погасить большую часть долга.

Ватсон потер виски и на несколько секунд закрыл глаза.

– Нет, это слишком невероятно. Я то верю вам, то вновь теряюсь. Слишком много такого, что вызывает вопросы.

– Задавайте, бога ради, свои вопросы. Я уже все рассказывал.

Ватсон снова потер виски.

– Правильно ли я понял ваше сбивчивое признание – я был единственным зрителем, ради которого готовились эти громоздкие розыгрыши?

– Только ради вас. И не заблуждайтесь насчет громоздкости. Чаще всего удавалось обойтись минимумом средств. Разве что история с собакой Баскервией потребовала особых приготовлений. Да еще, может быть, гонка катеров по Темзе.

– А сокровища Агры вы взяли напрокат?

– Милый Ватсон, вспомните, разве вы видели их? Вы все время имели дело с закрытым ящиком. Их вообще никогда не существовало. Зато они теперь существуют, хоть и не на дне реки, зато в воображении читателя.

– А история с премьером и пропавшим письмом? Я сотню раз видел фотографию этого человека в газетах, я не мог ошибиться!

– Не забывайте, мы имеем дело с театром. Вы не представляете себе, что такое грим в умелых руках.

– А убитый нами Милвертон?

– Ну-у, мой дорогой, умение притворно умереть чуть ли не главное в мастерстве актера. Даже Ройлату-Бриджессу-Джонсу это по силам.

Доктор сильно ослабил, потом пожевал губами.

– Понимаю, у вас найдется простое объяснение любому эпизоду этой эпопеи.

– Любому, – бодро подтвердил сыщик.

– Итак, меня разыгрывали, чтобы впечатлить, дать ход моему перу?

– Да.

– Просто изложить мне ваш сюжет словами вы не желали?

– Я лишил бы вас живого переживания и превратил из творца в ремесленника. Наш случай соавторства уникален не только по методам, но и по результатам. Нам удалось то, что не удавалось самым большим талантам. Убедительный образ

положительного героя! Ведь что такое наш Шерлок Холмс – это пример практической святости. Гениален, деятелен (когда нужно), нравственно трезв. И при этом живой человек. Такая фигура должна быть в культуре. Не видя вокруг себя таких людей, как изображенный вами великий сыщик, читающая публика должна знать, что они возможны в принципе. Должна верить, что они где-то есть. Шерлок Холмс должен стать предметом веры, да это уже, по-моему, произошло. Я, если хотите, бессмертен. Равно, как и вы, мой друг.

– Возможно, у вас нет литературного дара, но дар критика несомненен.

– О, несчастный дар, – засмеялся сыщик, – как бы там ни было, моя беспутная жизнь искуплена моим литературным существованием.

Ватсон бросил на своего друга длинный взгляд изподлобья.

– У меня к вам остался последний...

– Вопрос сердца или ума?

– Сочтете, как захотите. Меня теперь не столько волнует ваша судьба, сколько судьба вашего дедуктивного метода. Вы обещали разъяснить.

Сыщик смущенно насупился. Потом поморщился.

– Надеялся, что вы догадаетесь сами. Конечно же, все демонстрации своих сверхспособностей я подстраивал. Как фокусник готовит свой цилиндр, чтобы из него в нужный момент вылетали голуби и конфетти. Возьмем самый последний пример. Я заставил нашего загорелого сэра Эндрю сбрить свою шкиперскую бороду непосредственно перед нашим визитом в ресторан, вот вам и весь метод. Еще проще объясняется то, как я догадался, какой именно театр вы посещали с миссис Ватсон. Увидев вас и сообразив, что замечен вами, ко мне ночью примчался Ройлат. Он рассказал мне не только о факте встречи, но и о том, где она произошла. Несколько труднее было объяснить мою догадливость. Вы меня чуть было не раскусили. Пришлось изворачиваться, плести несусветную чушь. В этом самая суть моего дедуктивного метода. Не нужно, чтобы он на самом деле работал, нужно, чтобы верили, будто он работает.

Чуть было не установилась неприятная во всех отношениях пауза, но Холмс не допустил ей этого:

– Совсем другое дело, когда гадать нужно без подготовки, вслепую. Мельчайшая, чуть-чуть ошибочно понятая деталь способна увести вас так далеко, что вы ужаснетесь, когда узнаете, где находитесь со своими выводами. Чтобы вам стало яснее, возьмем трость доктора Мортимера из первой главы вашей блистательной «Собаки Баскервиль». Кстати, обратите внимание, как удачно она была ПОДСТАВЛЕНА! А теперь представьте, что вместо нее, и без всякой предварительной подготовки, мы с вами вынуждены были бы исследовать трость другого доктора. Например доктора Ватсона. Дайте мне ее. Что бы обнаружил наш анализ? Кто владелец трости?

Холмс занервничал и его возбуждение передалось оцепенелому до этого Ватсону. Не слишком желая этого, доктор начал размышлять вслух.

– М-м, мы могли бы предположить, что владелец – господин средних лет, молодые люди таких тростей не носят. Могли бы сказать, что он горожанин. Она не испачкана и не ободрана о дорожные камни.

Ватсон задумчиво замялся.

Холмс усмехнулся.

– Эти выводы так же точны, как заявление, что Великобритания остров.

Ватсон пожал плечами.

– Я бы мог продолжать подобные придирки еще долго. Ограничусь только одной. Как нам быть с зубами?

– Какими зубами?

– Человеческими! На вашей трости отчетливые следы человеческих зубов. Я, Шерлок Холмс, я беспристрастно исследую вашу трость. Каким образом я могу догадаться, что вчера, в шестом часу дня вы спасали привратника Веберли Хаус Якова от эпилептического припадка?!

Доктор вздохнул.

– Даже если я каким-нибудь непостижимым образом догадаюсь, что владелец этой трости доктор – специальная табличка, какая была на трости Мортимера, не обязана быть на любой другой, – то что я должен подумать об этом медицин-

ском муже? Что он работает в клинике для буйнопомешанных? Что исследует каннибалов, и ему совсем недавно пришлось отбиваться от предмета своих исследований? Как мне истолковывать эти следы? Так вот, запомните, в жизни не бывает историй, которые бы развивались стройно и логично от начала до конца. Всегда откуда-нибудь появляются такие «зубы».

Ватсон смотрел в пол и выглядел неважно.

– Можно произвести еще множество разоблачений в том же роде, но к чему? Метод мой хорош только для книжных страниц. Там он выглядит убедительно, и не надо от него требовать больше, чем он может дать. И упаси вас Боже переносить книжный опыт непосредственно в жизнь. Может получиться неловко, а может и страшно. Миру дела нет до стройности наших умозаключений.

Собеседник, однако, сдаваться не собирался:

– Но если додумать вашу мысль до конца, то получается, что мы ни о чем не можем судить и никогда не узнаем, что происходит на самом деле. Бог с ними, с чувствами, но мы, выходит, не можем доверять и наукам. Как же мы умудряемся жить? Получается, я не могу быть уверен даже в завтрашнем восходе солнца!

– Но представьте, как вы обрадуетесь, если он все-таки случится.

Доктор вскочил, сделал круг по комнате. Второй раз за время разговора остановился перед дверью, как бы опять прикидывая, а не уйти ли ему отсюда? Но это была его комната.

– Можно привести множество опровержений вашего заявления.

– Приведите.

– Возьмем, хотя бы вашу невесту, – роковым тоном произнес доктор.

Холмс слегка раздул ноздри.

– Зачем?

– Как вы думаете, могу я знать что-нибудь о ней?

– Смотря что. Вы ведь тут виделись. Мало ли что она вам сказала.

– Могу ли я знать о ней, что-либо такое, что она хотела бы скрыть?

Сыщик весело покачал головой.

– Исключено.

– Между тем я могу утверждать, что она не англичанка.

– Верно, она не англичанка. Она русская. Ее фамилия Павлова. Елизавета Павлова. Подозреваю, что роман, который мы здесь разыгрываем, это русский роман.

За дверью послышались множественные, приближающиеся шаги. Холмс и Ватсон выжидающе поглядели на дверь. И оба сказали «войдите!», когда раздался стук. Ватсон в глубине души пожалел, что поспешил разрядить свой револьвер.

На пороге стоял Эвертон. За ним – все братья Блэкклинер, Лестрейд и еще кто-то. Они все явно удивились, увидев Холмса. Он спросил твердым тоном:

– В чем дело, джентльмены?!

Из толпы выбрался инспектор, он почесывал переносицу и морщил лоб, и был при этом по-особенному, официально, серьезен. Он не играл в этот момент.

– Повесился привратник. То есть сэр Оливер. Он оставил записку, из которой следует, что это он убил отца.

– Какого отца?! – Прошипел Холмс.

– Под подушкой у него было обнаружено три тысячи фунтов. Его сиделка понятия не имеет, откуда они взялись. Она отлучалась в деревню.

Эпилог

Зима. Меж неплотно задернутых портьер видны жадно сыплющиеся снежные хлопья. Потрескивает огонь в камине. На диване, сложив на груди рукава атласного халата, лежит Шерлок Холмс и смотрит в потолок. Рядом, на стуле, положив руки на шерстяные колени, сидит Ватсон. У его правой ноги – раскрытый саквояж.

Классическая сцена: визит врача.

Вошла миссис Ватсон с подносом, на нем хрустальный графин и два стакана. Миссис Ватсон с грустной улыбкой ставит его на столик у изголовья кровати. И уходит.

Доктор тяжело вздыхает.

– Я понимаю, вы не можете не терзаться, но, смею заметить, в этих терзаниях нет никакого толка. Вы не виноваты в этой смерти.

– Но зачем я оставил деньги у него под подушкой! Зачем?!

– Не терзайтесь. Кто мог представить, что сэр Оливер вообразит, что все происходящее происходит на самом деле!

– Деньги были толчком. Проснувшись и пересчитав их, он решил, что это как раз те три тысячи фунтов, что были украдены из кабинета несуществовавшего милорда. И что украдены именно им. А перед тем как украсть их, он убил их владельца. Таков был сюжетный ход романа. Он ведь почти наизусть выучил этот длинный русский роман. Он сроднился с ним, он был уверен, что живет в нем.

– Такое случается со слишком впечатлительными натурами.

– Знаете, как он называется? «Братья Карамазовы». Очень длинное и очень мрачное сочинение. Я еще могу себе представить, что этот роман поразил воображение моей русской супруги, но чтобы солидный, великовозрастный англичанин... Согласитесь, есть тут что-то странное. Он полностью олицетворял себя с отвратительнейшим, жалким персонажем по имени Смердяков.

– Яков Смерд?

– Да, мой друг, да, еще раз прошу меня простить. Это тоже выдумка Элизабет. Равно как и фамилия Блэкклинер. Этакий полунамек на русское название романа*. Впрочем, сейчас легко говорить об этих филологических играх, а сэр Оливер между тем мертв.

– Но вы же не могли знать, что он может так вжиться в чужую судьбу! Скажу больше, он был нездоров. Он все равно свел бы счеты с жизнью. Ваши деньги здесь ни при чем!

– Я всего лишь не хотел, чтобы господа актеры обнаружили их у меня раньше времени? Они были так озлоблены, что не остановились бы и перед самым вульгарным обыском. Да! Я хотел сначала убедиться, что с Элизабет все в порядке?

– Вы рассуждали вполне логично.

*Black cleaner (*англ.*) – «черный уборщик (чистильщик). Фамилия Карамазовы придумана Ф.М.Достоевским от диалектного «карамазый» – «черномазый».

– Да! Но я мог отдать деньги вам!

– Меня тоже могли обыскать.

– Я мог засунуть за какую-нибудь картину, запихнуть между книгами. Почему я положил их ему под подушку?! Почему?!

Ватсон нахмурился и поглядел в свой саквояж. Там лежал заранее снаряженный шприц.

Холмс, не глядя на него, усмехнулся.

– Не бойтесь Ватсон, успокаивающее не понадобится. Налейте лучше виски.

Доктор с удовольствием выполнил просьбу. Холмс приподнялся на локте и взял рюмку двумя пальцами.

– Представляю, как страдал наш старик. Ведь мне, представьте, стало известно, что отец сэра Оливера Джон Уиллогби закончил жизнь при странных обстоятельствах. Существовало даже подозрение, что он был убит. Ходили слухи, что тут замешан кое-кто из родственников.

– Вот как?!

– Трудно что-то утверждать, но не исключено, что сэр Оливер жил все эти годы в атмосфере кошмарных семейных воспоминаний, и наша невинная забава послужила лишь катализатором его поступка.

– Вы хотите сказать, что на сердце сэра Оливера лежал старый тяжкий грех?

Холмс задумчиво отхлебнул из бокала.

– Не думаю, что именно это я хочу сказать. Сэр Оливер подчинился требованию сюжета, в который уверовал. Меня занимает другое: почему я пошел на поводу у чужого замысла? Ведь только этим можно объяснить мою выходку с деньгами. Но ведь я к тому времени не читал романа!

– Да, я знаю, романов вы не читаете.

– Этот пришлось.

– Утверждают, Холмс, что это великое произведение.

– Но не до такой же степени!

ЛАБИРИНТ

Черная свеча в магических практиках используется в основном для причинения вреда — порчи, проклятий и фатально вечного безденежья; это символ, несущий устрашающую эмоциональную нагрузку. «Избегать суеверий — суеверие», — говаривал британский философ-рационалист Фрэнсис Бэкон. Он, конечно, подразумевал, что чураться любого упоминания о необъяснимых явлениях и возможностях человека так же смешно, как менять свои планы, встретив на дороге женщину с пустым ведром. Роман Алены Скрипкиной «Черная свеча», однако, не строится только на пугающих и заманчивых описаниях оккультных практик. Хотя натуральная ведьма, которую мы встречаем в прологе, старуха-колдунья, что получила свои способности от некой предшественницы, и, чувствуя неминуемую скорую встречу со своим адским патроном, ищет себе преемницу, будоражит воображение. Однако в литературе все потустороннее должно иметь четкое сюжетное обоснование, подкрепленное строгостью конструкции. Идеальный пример произведения такого рода — «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, в котором сбалансированность «виртуальности», реальности и религиозных мотивов завораживает сама по себе, даже если отвлечься от сюжетных линий и фабульных каламбуров.

В романе Алены Скрипкиной мистическое сбалансировано не с сатирическим, но, скорее, с эмпирическим высказыванием повседневного опыта. Детективный сюжет развернут вокруг наркотического средства, что изобрели два химика, этот препарат опаснее всех, что уже известны — он очень дешев в изготовлении, и привыкает к нему жертва почти мгновенно. Провинциалка Марьяна, потерпевшая неудачу в Москве на поприще эстрадного искусства, обманутая в лучших чувствах к приятному молодому человеку, оказавшемуся альфонсом, словно Катерина Островского, бросается в пучину явно подозрительной и даже криминальной истории. Марьяна становится женой организатора преступного сообщества, кавказца, который, однако, не смог уберечься от посягательств поделщиков.

Марьяна постоянно принимает желаемое за действительное, и потому ей кажется, что мир соткан из лжи. Ее любимый оказывается парнем на содержании у богатой дамы, основательный содержатель гостиницы – пауком, соткавшим преступную сеть, душевная подруга – мстительной стервой, обаятельный и интеллектуальный химик – разработчиком отравы. Героиня блуждает по лабиринту разочарований, заводящим ее во все боле безысходные тупики... Мотив предательства виден и в едва намеченной, но исчерпывающей для сюжета биографической линии старухи-колдуньи. Она и с нечистым-то спуталась потому, что ее суженый увлекся другой. И что же тут остается делать, как не наслать на обоих смертельную порчу. Однако и сама колдунья до поры не понимает, насколько опасен ее дар. Бессознательно связав скользкий узел на кнуте пастуха, бывшего своего кавалера, она узнает, что тот повесился, и только тогда понимает, что может влиять на владельцев вещей, попавших в ее руки...

Во сне Марьяна упорно обходит запутанные, возникающие ниоткуда лабиринты, которых, не должно быть вокруг сельского дома старухи и внутри него. Но есть и сильная метафора противоположного свойства: яркий свет, что проходит через оконные проемы разрушенной церкви, которую едва начали реставрировать, оживляет поблекшие фрески, словно освещая путь к надежде.

В этом тексте кругом волшебство. Воображаемые, видимые во сне руины и лабиринты, в реальности оказываются для Марьяны вполне осязаемой зеркальной, но глухой стеной, чередой преград на пути к заслуженному счастью. Богатство деталей и точность характеров рождают почти настоящую зрелищность, к приятным интуитивным прозрениям сюжета добавляется весомая, изощренная выстроенность. Через весь текст проходит вечный мотив пушкинской старухи-графини, а от доктора Фауста Гёте, – обреченность сделки с дьяволом, которого не переиграть. Но у Марьяны, в отличие от менее удачливой подруги, хватает нравственных сил отказаться от соблазна.

За чтением романа Алены Скрипкиной возникает чувство, будто перед тобой чей-то личный дневник, таинственная рукопись, найденная в ящике купленного по случаю комода.

КОНЕЧНО, ДОСТОЕВСКИЙ

Иногда случается, что книгу хочется перечитать еще и еще раз, чтобы вновь встретиться с героями, которые в чем-то похожи на нас, а в чем-то лучше; заново пережить обстоятельства их жизни, может быть, погрузиться в прошедшие эпохи... Феномен писательского продолжения историй о культовых персонажах – того же свойства. Некоторые герои бестселлеров продолжают жить и после того, как в аутентичных литературных произведениях поставлена финальная точка. Но жизнь их может быть разной. Общество Агаты Кристи, функционирующее в Англии, это собрание обладателей авторских прав на произведения королевы детектива, которые решают, как выгоднее распорядиться ее литературным наследием. Шерлока Холмса и доктора Джона Ватсона постигла другая судьба. Они остаются свободными от обязанности приносить прибыль каким-либо коммерческим организациям, продолжая свободную жизнь в кино и литературе, обрастая новыми друзьями, а порой и родственниками или воспитанницами, как в серии «Ученица Шерлока Холмса» американки Лори Кинг.

Поначалу кажется, что повесть Михаила Попова «Абсолютно не английское убийство» – одно из мастерских продолжений «Приключений...», написанных сэром Артуром Конан Дойлем. Кажется тем читателям, кто еще не знаком с произведениями Михаила Попова. Между тем стоит открыть роман «Остров Убудь», опубликованный в 6-м номере журнала «Подвиг» за этот год, как сразу же станет ясно – вас ждет захватывающая игра, не только сюжетная, но и литературная. «Это должна была быть ваша лучшая повесть», – говорит Холмс Ватсону. У Михаила Попова внутри одного текста всегда содержится другой, здесь – повесть в повести, и даже жанр выбран со значением.

Конан Дойль был разносторонним автором. Его книга «Англо-бурская война» («The Great Boer War»), о войне англичан в Южной Африке, конфликте, в котором писатель принимал участие в качестве военного врача, может служить примером точной, документальной и беспристрастной военной прозы. В своих рассказах о Шерлоке Холмсе Конан Дойль, напротив, создавал идеализированный мир. Жизнь помещиц Англии в «Собаке Баскервильей» безмятежна, Лондон в «Знаке четырех» упорядочен и опекаем бдительной полицией, колониальная империя в «Сокровищах Агры» не-

зыблема. Всевозможные злодеяния в этом патриархальном и в целом комфортном пространстве представляются не-реальными, нестрашными, не касающимися читателей и героев, сюжеты о сокровищах и семейных драмах будут столь же уместными в трагедиях Шекспира или античных авторов. За это читатели и любят Конан Дойля, что заметил и Михаил Попов, устроив Холмсу форменное разоблачение. В довершение детективно-постмодернистского эффекта, реальность и постановку перепутал один из героев «Абсолютно не английского убийства», аристократ, изображавший привратника в собственном поместье... Докапываясь до финальной фигуры текста-матрешки, читатель обнаруживает роман Достоевского «Братья Карамазовы», один из самых великих текстов русской литературы. Иного от Михаила Попова мы и не ожидали. Он продемонстрировал изящную, стильную и захватывающую литературную мистификацию, ошеломляющую, как и положено в сильном детективе, подсознательно предошущаемым и при этом совершенно неожиданным финалом.

Сергей ШУЛАКОВ

Историческая правда - для всех!

Тот, кто знает историю страны, знает, как
жить сейчас, и принимает верные решения.

“Кентавр” -
чтение для умных.

“Кентавр” -
ответы
на загадки истории.

“Кентавр” -
нон-фикшн,
только истинные факты,
реальные имена.

“Кентавр” -
это три полноценных романа,
плюс захватывающие повести
в каждом полугодии.

Узнайте правду о своей истории!

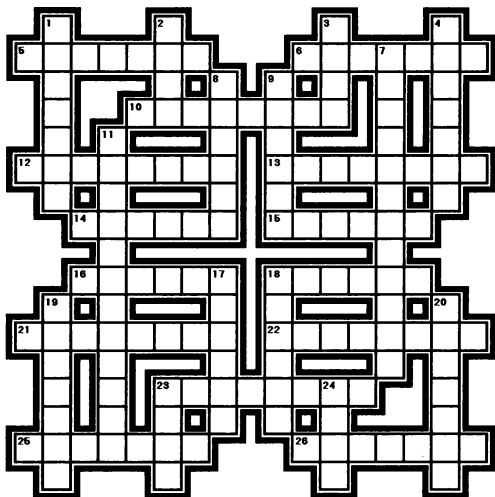
Подписные индексы:

Каталог “Подписка 2014”: 45443, 44784

“Роспечать”: 81161, 81162

“МАП Почта России”: 10960, 44927

КРИМИНАЛЬНЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Где учился герой Юрия Стоянова из фильма «12» Никиты Михалкова? 6. «Уличные полицейские». 10. «Наше ... тонет в волнах преступности». 12. Какое классическое произведение поглотило Петю Горбушина из романа «Смерть мужьям!» Антона Чижова «в омут уныния»? 13. Капитан уголовного розыска из детективного фильма «Противостояние». 14. Криминальный авторитет из романа «Место под солнцем» Полины Дашковой. 15. Волокно на пуленепробиваемые жилеты. 16. Где Карлсон жуликов ловил? 18. Героиня Дрю Бэрримор из фильма «Крик». 21. Чем страдает Иноуэ Сато из романа «Утраченный символ» Дэна Брауна? 22. 14 июля 1789 года парижане взяли ее штурмом, а еще через год срыли до основания. 23. Врачебное ампула героя Владимира Стеклова из детективного фильма «Шоковая терапия». 25. Какой клан принес мировую известность Джеймсу Гандольфини? 26. Убийца графа Мирбаха из круга Сергея Есенина.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Хитроумный. 2. Что скрывалось за «чикагским пальто» в 20-х годах XX века? 3. Ироничный детектив «... чужой мечты» от Дарьи Донцовой. 4. Депутат от «трудовой партии» из романа «Сто лет пути» Татьяны Устиновой. 7. Провал шпиона. 8. «Упустить важную ...». 9. Что взяла Настя Каменская ради написания диссертации в романе «Воющие псы одиночества» Александры Марининой? 11. Убийца из повести «Посмертный образ» Александры Марининой по роду занятий. 17. Оперативный псевдоним убийцы из детективного фильма «Противостояние». 18. Обокраденный купец из рассказа «Собачий нюх» Михаила Зощенко. 19. Звезда из милицейского сериала «Участок». 20. Кто устроил допрос царю из фильма «Иван Васильевич меняет профессию»? 23. Голливудская звезда по имени Шон. В 1986 году его арестовали и посадили в тюрьму за попытку убийства, но он бежал. 24. Детектив «Двойное ...» от Брайана Де Пальмы.

Работа Олега ВАСИЛЬЕВА

**Учредитель: ЗАО
«Издательская компания «Подвиг»**

Редакция:

Главный редактор **ШЕВЕЛЕВ Алексей Дмитриевич**
Ответственный секретарь **БАЛЯБИНА Татьяна Петровна**
8-495-787-35-64

Деловая переписка, отдел подписки –
заведующая редакцией **РОМАНОВА Зоя Викторовна**
Тел./факс: **8-495-787-35-63 podvig1950@mail.ru**

Заведующая отделом распространения

ИЛЬИНСКАЯ Елена Павловна

Тел./факс: **8-495-787-3568**

HelenaPavlovna@yandex.ru

Художник - **Аркадий БАБИЧ**

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телера-
диовещания и средств массовых коммуникаций. Рег. № 012140

Формат 84x108 1/32 Гарнитура «Прагматика» Печать офсетная

Печ.л. 18. Подписано в печать 26. 8. 2014.

Тираж 3000 экз. Заказ 6760. Цена свободная

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адреса в Интернете - **www.подвигжурнал.рф www.cm-plus.ru**

Адрес редакции: 127 015 Москва, Новодмитровская ул., д. 5а

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaompk.ru, www.ооомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

18. Бабкин. 19. Лифанов. 20. Милиция. 23. Пенн. 24. Тело.
7. Разоблачение. 8. Деталь. 9. Отпуск. 11. Кинорежиссёр. 17. Кролик.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Замысел. 2. Проб. 3. Мачо. 4. Алябьев.
26. Блюмкини.
18. Бейкер. 21. Витилиго. 22. Бастиния. 23. Психиатр. 25. Сопрано.
12. «Женитьба». 13. Уразбаев. 14. Голубь. 15. Кевлар. 16. Чердак.
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Гаража. 6. Патруль. 10. Общество.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ ВЫПУСКАХ:

Василий Головачев. Застава. Роман

2017 год. Негосударственная организация «Тризн» и ее секретное подразделение «Застава», задача которого — обезвреживать так называемых ксенотов — ящеров и змей в человеческом облике, действует. Но в это противостояние вмешивается третья сила. Кто стоит за ней?

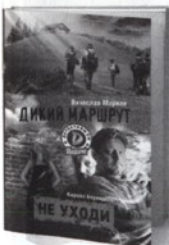
Максим Сомов. Рождество в Будапеште. Повесть

Зимой 1944 года советские войска подошли к столице Венгрии. Ставка запретила применять авиацию — Будапешт решили не разрушать. Фронтовой разведчик, сам наполовину венгр, должен склонить венгерских артиллеристов, перекрывших дорогу русским танкам, обмануть эсэсовцев и перейти на сторону Красной армии. А город готовится к празднику Рождества...

Василий Авенариус. Гений из Диканьки. Роман

О жизни Николая Гоголя в зрелые годы написано множество исследований. Русский беллетрист Василий Авенариус в своем романе рассказывает о юных годах Гоголя, мало известных даже специалистам.

Вячеслав Марков. Дикий маршрут. Роман

Рядовой «поход выходного дня» для туристов — самых обычных людей — и их инструктора Дениса становится экстремальным и опасным для жизни. Не случайно и не по стечению обстоятельств. Понятно, что смертельную игру ведет один из членов...

Сказ

..., полицейского
ынешнего мужа,
нными экспери-
жое исследование
эрсии
тья...